

interaction интеракция

interview интервью

interpretation интерпретация

INTER

1' 2023

Чюрлёнис Микалоюс Константинас, фрагмент картины «Истина», 1905 г.
Источник: <https://image2.slideserve.com/4990185/slide26-1.jpg>

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2023. Том 15. № 1
Interaction. Interview. Interpretation
2023. Volume 15. No. 1

ISSN (Online) 2687-0401

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2023. Том 15. № 1

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Ответственный секретарь	П. Е. Сушко
Технический редактор	О. Н. Салангина
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в [Перечень](#) ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International Public License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

9 772687 040006 >

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2023
© Interaction. Interview. Interpretation, 2023

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Ответственный секретарь

СУШКО Павел Евгеньевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkore@mail.ru

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

СУШКО Павел Евгеньевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkore@mail.ru

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru

ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Executive Secretary

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiaraskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	7
Полевые исследования	9
<i>Елизавета Волкова, Дарья Хлевнюк</i> «Московское чудо»: репрезентация образа «девятиногих» в передаче «Намедни»	9
<i>Александр Рязанцев</i> Социальный статус и репутация писателей в современной России: тематический анализ	27
<i>Максим Котельников</i> Механизмы формирования начального диалога в анонимной онлайн-коммуникации	45
Исследовательская рефлексия	69
<i>Сергей Белановский</i> Репрезентативность качественных опросов.....	69
ИНТЕР-энциклопедия качественных методов	95
<i>Ольга Савинская</i> ИНТЕР-энциклопедия: интервью с детьми.....	95
Рецензии	104
<i>Александр Малинкин</i> О Максе Вебере с пониманием.....	104
Обзоры конференций	119
<i>Светлана Демиденко</i> Молодежь между прошлым и будущим	119

Contents

Editor's Letter	7
Field Work Research	9
<i>Elizaveta Volkova, Darya Khlevnyuk</i> "The Moscow Miracle": a Representation of the "Nineties" in the TV Program "Namedni"	9
<i>Alexander Ryazancev</i> Social Status and Reputation of Writers in Modern Russia: Thematic Analysis	27
<i>Maxim Kotelnikov</i> The Formation of the Beginning of Dialogue in Anonymous Online Communication	45
Research Reflection	69
<i>Sergey Belanovskiy</i> Representativeness of Qualitative Surveys	69
INTER-Encyclopedia of Qualitative Research	95
<i>Olga Savinskaya</i> INTER-Encyclopedia: Interviewing Children	95
Book Review	104
<i>Alexander Malinkin</i> Understanding Max Weber	104
Conferences	119
<i>Svetlana Demidenko</i> Youth Between the Past and the Future	119

Письмо редактора

Каждый журнальный номер фиксирует какую-то часть мозаичной картины состояния общества в определенный момент его существования. Этот номер сфокусировался больше на культурологическом осмыслении современного момента. Даже полевые исследования в нем обращены больше не к повседневной реальности, которая обычно в наших номерах является центральной темой, а к проблемам культурного осмысления более общих социальных процессов: к проблематике истории, литературы, к памяти. С XIX века в российской интеллектуальной жизни такое состояние в последовательном чередовании разного эмоционального восприятия на континууме социального времени принято обозначать в образах: как времена рефлексующего о сути бытия Гамлета, в роли которого выступают на этих страницах авторы нашего номера, и как времена деятельного Дон-Кихота, ищущего новые сферы для приложения своей активности (И. Тургенев).

Тема гамлетовской рефлексии о современной реальности в этом номере представлена преимущественно статьями традиционно культурологической направленности. В открывающей номер статье Елизаветы Волковой и Дарьи Хлевнюк «“Московское чудо”: репрезентация образа “девяностых” в передаче “Намедни”» речь идет о восприятии нашего совсем недавнего прошлого — противоречивого времени «девяностых» — и его разноплановых интерпретациях. Авторы анализируют способы и механизмы конструирования средствами телевизионного документального кино (передача «Намедни») образа той эпохи как «эпохи перемен», оптимистического взгляда на период быстротечного перехода от «старого» к потенциально позитивному новому.

Работа Александра Рязанцева «Социальный статус и репутация писателей в современной России: тематический анализ» обращает нас к анализу писательства как социальной группы с особым социальным статусом. Рассматривая «поле литературы», автор справедливо отмечает дефицит собственно социологического взгляда на писательство как особую социальную (профессиональную) группу современной России, между тем здесь происходят знаменательные изменения в процессе отхода от традиционно свойственного русской культуре литературоцентризма.

Несомненно, читательский интерес вызовет рецензия Александра Малинкина на нашумевшую книгу Леонида Ионина «Драма жизни Макса Вебера». В данном случае это тоже обращение к полю литературы, но на этот раз социологической. Жанр рецензируемой книги близок нашему журналу — это литература научно-биографического жанра, где классическое наследие Макса Вебера предстает в совсем ином виде — как лейтмотив биографического пути, представляющего собой сгусток сложнейшей человеческой драмы.

Фактически это заявка на особый жанр документально-исторического романа, о чем и рассуждает на страницах журнала рецензент.

Рефлексивность как центральная тема, теперь уже социологически-методологической направленности, продолжена статьей Сергея Белановского «Репрезентативность качественных опросов», где автор пытается оспорить широко распространенное мнение, что качественные опросы никогда не смогут принять характер представительного (репрезентативного) исследования. Заявляя об ошибочности данного постулата, авторы с помощью математического аппарата подходят к решению поставленной задачи и пытаются убедить в верности своей особой позиции.

Тема методологической рефлексии продолжена и в статье Максима Котельникова «Механизмы формирования начального диалога в анонимной онлайн-коммуникации», в которой автор предпринимает попытку отследить и проанализировать соотношение технических и смысловых аспектов анонимного взаимодействия в сети, а также в нашей традиционной рубрике «ИНТЕР-энциклопедия качественных методов», где Ольга Савинская рассуждает об особенностях интервьюирования детей.

Редакция желает читателям интересного чтения,
Редактор номера
В. В. Семенова

Полевые исследования

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.1
EDN: MTFKTP

«Московское чудо»: репрезентация образа «девяностых» в передаче «Намедни»¹

Ссылка для цитирования:

Волкова Е. Д., Хлевнюк Д. О. «Московское чудо»: репрезентация образа «девяностых» в передаче «Намедни» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 1. С. 9–26. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.1> EDN: MTFKTP

For citation:

Volkova E. D., Khlevnyuk D. O. (2023) "The Moscow Miracle": a Representation of the "Nineties" in the TV Program "Namedni". *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 1. P. 9–26. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.1>

Волкова Елизавета Дмитриевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
E-mail: lizka001@gmail.com

Хлевнюк Дарья Олеговна

Университет Амстердама,
Амстердам, Нидерланды
E-mail: daria.khlevnyuk@gmail.com

Статья посвящена исследованию памяти о 1990-х годах в России. Основной целью является определение роли телевизионного проекта «Намедни», в процессе формирования памяти россиян о начальном этапе постсоветской России. Проанализированы серии программы «Намедни», посвященные

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке Факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Статья подготовлена на материалах дипломной работы «Кинодокументалистика как инструмент конструирования смысловых рамок памяти о перестройке и начальном периоде постсоветской трансформации в России: на примере проекта "Намедни"» (НИУ ВШЭ, 2022) URL: <https://www.hse.ru/ba/political/students/diplomas/620109668> (дата обращения: 15.02.2023).

периоду с 1990 по 1999 год. Качественный контент-анализ серий проходил на основе выделенных тематических категорий: политика, социальная сфера, экономика, культура (спорт), — и предметных критериев: название сюжета, содержание, хронометраж, персоналии и ключевые детали, а также организация сюжета. Общепринятое преимущественно негативное представление о периоде «девяностых» в России не находит подтверждения в сериях программы «Намедни». В большинстве сюжетов телепрограммы преобладает политическая и экономическая тематика, а 1990-е годы представлены как оптимистичная «эпоха перемен», которая символизирует быстротечный переход от старого к потенциально позитивному и светлому новому. Преимущественно положительный образ «девяностых» определяется малым вниманием авторов программы к событиям регионального масштаба, большинство сюжетов затрагивают либо мировые события, либо произошедшие в Москве.

Ключевые слова: политика памяти; документальное кино; россияне; «Намедни»; Парфенов; сюжет

Введение

Представления о «девяностых» — эмоционально насыщенная и пока еще не получившая единой оценки в российском обществе тема. Российское общество в этом смысле не отличается от других постсоциалистических обществ. Переход от социализма к новому политическому и экономическому порядку нередко воспринимается как травма и, соответственно, влияет на восприятие современных социальных условий [Hilmar, 2020; Laczó, Wawrzyniak, 2017]. Таким образом, «девяностые» стоит понимать более широко — не просто как декаду, но как последовательность событий: распад Советского Союза и первые постсоветские годы, первое десятилетие новой страны — Российской Федерации, и ее первого президента — Бориса Ельцина. Эмоциональную насыщенность и амбивалентность термина «девяностые» подтверждают как исследование Национального корпуса русского языка [Бонч-Осмоловская, 2018], так и опросы общественного мнения¹, а также исследования политики памяти [Sharafutdinova, 2020; Малинова, 2019, 2020, 2021].

Представления об этом периоде формируются на разных уровнях. Существует государственная повестка, для которой типично построение образа «лихих девяностых», отличных от стабильной современности [Sharafutdinova, 2020; Малинова, 2018]. Представители Коммунистической партии РФ ожидаемо критически настроены к этому периоду и считают его временем радикальной смены траектории развития страны от верной советской к навязанной Западом [Малинова, 2020]. Для так называемой либеральной части политического

¹ Образ 90-х в массовом сознании // ФОМ. 2015 г. URL: <https://fom.ru/blogs/12407> (дата обращения: 07.05.2021).

спектра «девяностые» являются, напротив, образом победы демократии и новых возможностей, пусть и связанных с кризисом [Малинова, 2019, 2021].

Очевидно, впрочем, что образ 1990-х годов создается не только и не столько политическими партиями и публичными выступлениями. Значимую роль в формировании любых представлений играет популярная культура, в том числе телевидение. Однако именно эта сторона возникновения и развития представлений о «девяностых» до сих пор мало изучена. Данная статья предлагает отчасти заполнить эту лакуну, сконцентрировавшись на документальных телевизионных фильмах. Документальное телевизионное кино, с одной стороны, нацелено на создании представлений о прошлом, а с другой — благодаря телевизионной трансляции расширяет аудиторию восприятия за счет тех, которых обычные документальные фильмы вряд ли способны заинтересовать. Образы 90-х в документальном телевизионном кино косвенно затрагивались в некоторых исследованиях. Преимущественно речь идет об «официальном» образе, формируемом журналистами, поддерживающими современный политический режим. К примеру, при разборе фильмов, посвященных Смутному времени, обнаруживаются отсылки к событиям 1991 года. Эти события, как и события 1605 года (и 1917) трактуются как предательство страны элитами [Brouwer, 2016]. В документальных фильмах, посвященных В. В. Путину, «девяностые» представлены как время нестабильности, которое было преодолено лишь благодаря приходу к власти нового президента [Fridman, 2021].

Мы сконцентрируемся на другой части политического спектра телевизионного документального кино — условно «либеральной». Одним из наиболее ярких образцов, несомненно, является передача Леонида Парфенова «Намедни». Программа выходила вплоть до 2003 года. Ее выпуски были посвящены событиям с 1961 по 1999 год. Заметим, что события «девяностых» в этой передаче показывались «по свежим следам», с небольшой временной дистанцией. Программа «Намедни» пользовалась популярностью у телезрителей, она выходила раз в неделю и демонстрировалась в самое просмотрное время. Позже Леонид Парфенов выпустил несколько книг по следам телесерий, а сами «Намедни» стали образцом информационно-развлекательных передач в России [Грузин, 2021; Миронова, Горбачев, 2021; Рысина, 2016]. Несмотря на эту особенность, репрезентация 90-х в передаче «Намедни» до настоящего времени оставалась за пределами внимания исследователей. Существующие работы посвящены ностальгическому прочтению советской и позднесоветской истории в фильмах Парфенова [Gorbachev, 2015; Абрамов, Чистякова, 2012], мы же предлагаем сконцентрироваться на описании фильмов как на одной из форм политики памяти по отношению к образу «девяностых». Изучение репрезентации «девяностых» в фильмах Парфенова позволит отследить механизм конструирования памяти о «девяностых» с позиции условно «либеральной». Такой анализ необходим для более полного понимания формирования памяти о распаде СССР и первых постсоветских годах, так как эта память становится все более актуальной для российского общества.

Телевизионные документальные фильмы как форма политики памяти

Политика памяти, как пишет исследовательница российской памяти Ольга Малинова [Малинова, 2015: 10], является частью символической политики. Символическая политика — это публичная деятельность, направленная на создание различных интерпретаций социальной реальности, конкурирующих между собой за доминирование в публичном пространстве. Такая деятельность включает концепции политического использования прошлого, политики памяти и исторической политики. Исходя из подобного определения, Малинова предлагает несколько принципов и тезисов, аккумулирующих представление о политике памяти. В первую очередь Малинова пишет о разнонаправленности коллективных восприятий исторических событий и прошлого в условиях современных сложных сообществ: составляющие общество идентичности могут опираться на разные исторические концепты и мифы, что может повлечь за собой межэтнические или межидентичностные конфликты. Во-вторых, коллективная память формируется на основе символов, закрепляющих определенные воспоминания и обеспечивающих их «императивную общность» для последующих поколений и для будущего в целом. В процессе образования символических аспектов памяти (определенных нарративов, знаков и образов в социально-культурной инфраструктуре) обычно задействованы акторы, обладающие необходимым набором ресурсов для влияния на общественность, к примеру политики, журналисты, деятели культуры — режиссеры, писатели, художники, акционисты и другие.

Таким образом, политика памяти — это совокупность публичного взаимодействия различных мнемонических акторов, заинтересованных в конструировании определенного, «нужного» восприятия, осмысления и понимания событий прошлого. Мнемоническими акторами могут быть как группы, так и отдельные личности, имеющие ресурс для влияния на общественное мнение и для интерпретации реальности через упомянутые выше инструменты символической политики. Разнообразие акторов символической политики и политики памяти обусловлено спецификой времени. Развитие коммуникативных и информационных технологий расширило доступ к необходимым ресурсам, но не исключило их неравномерное распределение. Так, наиболее влиятельными акторами являются институциональные объединения, а именно государство, политические организации, партии, СМИ, Церковь и другие [Малинова, 2018: 35].

Телевизионное документальное кино находится на пересечении нескольких жанров: это кинематограф, документалистика, телевизионный (то есть массмедиа) продукт. В отличие от игрового кино, документальное опирается на документы, на что-то реально существующее, на факты. Документальность предполагает не столько фиксацию повседневной жизни, «сколько процедуры поиска и обнаружения связей между “чистой” запечатленной действительностью повседневной жизнью и социокультурными, символическими, языковыми, художественными способами ее осмысления» [Якимов, 2021: 22].

Документальное кино является способом осмысления действительности через конструирование определенного киноопыта. Оно формирует «нужный» взгляд и идентификацию зрителем ретранслируемых знаков и символов в том числе с помощью эффекта контекстного присутствия и переживания событий во времени. Продукты документального кинематографа, с одной стороны, формируют новый взгляд на повседневность, а с другой — обращают внимание зрителей на те аспекты реальности, которые ранее были ими не замечены или не входили в сферу их интересов. Таким образом, неигровое кино с помощью неограниченности и многомерности кинематографических средств восприятия времени и пространства проблематизирует индивидуальный опыт повседневной реальности.

Необходимо также рассмотреть концепцию документального нарратива, возникающего при соединении вербальной, аудиальной и визуальной информации (интервью с прямой речью на фоне меняющегося визуального фона). За счет сочленения этих форм передачи информационных символов формируются определенные смыслы, метафоризируется происходящее в кадре. По мнению Александра Пронина [Пронин, 2017: 20], изучавшего нарративы документалистики, любой — игровой и документальный — фильм включает в себя «двусобытийность нарратива», то есть повествование о прошлых событиях и о событиях, происходящих в момент самого повествования. Пронин отмечает, что ключевой функцией документальных кинокартин, отображающих повседневность, является «наррация как интермедиальное действие, то есть процесс субъективного повествования об уникальных, единственных в своем роде событиях, а не сухое описание однотипных или известных и до того фактов и явлений» [Пронин, 2017: 20]. Сочетание достоверности происходящего в кадре и возможностей монтажа делает документальные фильмы о прошлом мощным инструментом политики памяти [Ashuri, 2005].

Телевизионное документальное кино обладает также дополнительным ресурсом массовой аудитории. Ключевая особенность работы телевидения с памятью — широкая доступность транслируемых фильмов, сериалов и передач [Holdsworth, 2008; Hoskins, 2004]. Таким образом, документальное кино на телевидении обретает общественную значимость [Широбоков, Барышников, 2017].

Говоря о телевизионном документальном кино, необходимо подчеркнуть особую роль и специфику телевизионного языка, отличающегося от языка большого экранного кино с точки зрения функционала и поставленных задач. Если кинематографу присуща функция искусства, то телевидению — журналистики. Телеязык также отличается доступностью, простотой и включением элемента комментария, выполняющего объяснительную функцию. Он может быть оформлен в виде закадрового текста, субтитров, различных статистических форм подачи и иных способов иллюстративного объяснения, размещенных в телекадре. Авторский документальный фильм, в отличие от телевизионного, зачастую создается для более элитарной (в противопоставлении массовой) аудитории [Степанян, 2018].

Документальное кино телевизионного формата создается непосредственно для аудитории. Иными словами, смыслы, заложенные авторами фильма в телевизионный документальный фильм, будут считаны конкретным обществом, носителями определенных ценностных и мировоззренческих установок. По мнению исследователя символической политики Сергея Поцелуева, «кодирование телеобразов как иконических знаков остается невидимым, а их свойства прочитываются как элементы самой реальности. В результате возникает возможность внушать определенные смыслы под видом восприятия их как чувственно данных предметов» [Поцелуев, 1999: 67].

Методика

Данная статья основана на анализе десяти серий телевизионной программы «Намедни», посвященных периоду с 1990 по 1999 год и вышедших в 1999 году. Каждая серия включает в себя повествование о событиях, процессах, а также наиболее влиятельных личностях одного года. Средняя продолжительность серии составляет приблизительно 45 минут. Структура серий практически не менялась на протяжении всех выпусков: в начале ведущий представляет программу, перечисляет основные события, которые будут освещены в серии, затем переходит к повествованию. Сюжеты предстают перед зрителем в хронологическом порядке, тематика не определяет порядок освещения тех или иных событий. Помимо этого, сюжеты идут либо подряд, либо разделены между собой юмористическими заставками или «переходами»: документальной хроникой, в которую вмонтировано изображение ведущего программы. Иногда последний кадр в виде фото помещается на первую страницу газеты с ироничным заголовком (к примеру: «С трофеем!» — на видео Парфенов заряжает на охоте ружье Хрущеву или «встреча на орбите» — Парфенов парит в невесомости на станции «Мир»). Сюжеты освещаются двумя способами. В первом случае ведущий начинает повествование в студии, а на маленьком экране телевизора, стоящего рядом с ним, транслируются документальные кадры, затем документальная хроника выводится на весь экран и на ее фоне остается голос ведущего, продолжающего рассказ. Документальная хроника включает различные видеофрагменты быта людей, улиц городов, магазинов, интервью политиков или других публичных лиц. Рассказ — это внутрикадровый или закадровый текст, включающий в себя как освещение фактов и хронологическое повествование о том или ином событии — процессе, так и прямые цитаты или же «голос народа», ретранслируемый в виде анекдотов, крылатых фраз и других расхожих выражений или специфических (сленговых) слов и названий. Во втором случае рассказ начинается в студии, а продолжается повествованием непосредственно на месте происходивших событий, это может быть страна, город, улица или же непосредственно здание и т. п.

На основе тематической структуры российских новостей [Хоменко, 2009; Цвик, Назарова, 2002] для анализа мы выделили четыре главных тематических

блока: политика, экономика, социальная сфера и культура (включая спорт). По результатам контент-анализа каждый сюжет в серии заносился в одну из этих категорий. Помимо основных тематических категорий были сформулированы пять предметных критериев, а именно: название сюжета, содержание, хронометраж, персоналии и ключевые детали, а также организация сюжета. Название сюжета необходимо было выделить в отдельную подкатегорию, так как это позволяло кратко охарактеризовать тот или иной сюжет для более удобной работы с сериями программы. Критерий «содержание» предполагал подробное описание содержания серий, транскрипцию всех сюжетов программ. «Хронометраж» в данном контексте — это фиксация длительности того или иного сюжета в рамках одной серии программы. Критерий «персоналии и ключевые детали» включал в себя описание главных действующих лиц в кадре (находятся на переднем плане), а детали передают наиболее важные стилистические особенности, аудиоконтент, фоновый план и т. п. Критерий «организация сюжета» освещал специфику повествования той или иной темы, а именно факт записи сюжета в студии программы или же на месте события. Предполагалось, что внестудийная съемка в большей степени выделяет сюжет на фоне остальных и придает этому событию бóльшую значимость. В ходе работы с критериями была сформирована итоговая таблица, куда был размещен транскрипт серий и основные характеристики, соотносимые с выделенными категориями.

В процессе анализа содержания сюжетов было необходимо определить, какие фрагменты серий имеют пролонгированное повествование, то есть представлены не как отдельный факт или событие, а в виде некоего процесса, растянутого на годы.

Первоначальный анализ содержания серий проходил в несколько этапов: сначала были просмотрены все отобранные серии, затем был произведен транскрипт текста ведущего, зафиксированы содержание, детали и специфика построения кадра, хронометраж серий, выделены отдельные личности и другие особенности нетекстового содержания. Длительность сюжета определялась относительно его положения в общем хронометраже серии: средняя продолжительность одного сюжета варьировалась от 1 до 1,5 минут, в то время как на отдельные сюжеты выделялось более 2,5 минут повествования. Ключевые персоналии, связанные с основными событиями или процессами, определившими тот или иной год или оказавшие особенное влияние на ту или иную сферу (по одной или нескольким категориям), были выбраны относительно частоты упоминания их имен или подробного освещения их роли в рамках всех десяти серий. Систематизированные данные были проанализированы также относительно завершенности или наличия продолжения в развитии сюжета из одной серии в другую. Каждое событие было закодировано как положительное или отрицательное; определение тона основывалось на индуктивном контент-анализе. Для более детального описания полученных результатов необходимо обратиться к разбору каждой из четырех основных категорий.

Основные темы в репрезентации «девяностых»

Каждая передача «Намедни» разделена на несколько сюжетов. Эти сюжеты посвящены наиболее важным, по мнению авторов сериала, событиям и феноменам соответствующего года. Мы разделили эти сюжеты на четыре блока и в этом разделе представляем анализ репрезентации «девяностых» в программе «Намедни» в соответствии с данными направлениями.

Политика

Наши критерии значимости политических сюжетов (продолжительность и организация сюжета) позволили выделить четыре ключевые темы в категории политики. Во-первых, это формирование политического устройства России. Леонид Парфенов фиксирует вехи распада СССР и перехода к Российской Федерации. В серии про 1991 год выделяются сюжеты «Выборы президента России. Побеждает Борис Ельцин» (2,5 минуты), «Путч» (6 минут), «Распад СССР. Перестает существовать последняя в мире империя» (6 минут), в серии про 1993 год — «Расстрел Белого дома» (5 минут), в серии про 1996 — «Коржаков — Барсуков — Сосковец» (2,5 минуты). Формирование политического устройства России и распад Советского Союза представлены как сложные события, в которых принимало участие не так много людей (в сюжете про Путч: «конец большевизма оказался делом десятков тысяч человек», в сюжете про распад СССР: «для миллионов людей смысл происходящего доходит с трудом, хотя шутка “три мужика поехали в лес и там отменили Советский Союз — появляется сразу”»), но к их последствиям вынуждена привыкать вся страна. В сюжете про выборы и приход к власти Ельцина Леонид Парфенов, прогуливаясь вдоль пустых кресел в зале заседаний Кремля, иронично замечает: «Есть уже привычка к слову президент, а это нужно услышать, как бы со стороны, как это странно звучит, президент России, такого же быть не может, почти дико звучит, президент России — это как царь США...»

При этом новое устройство — как, впрочем, и переход к нему, — Парфенов оценивает критически. К примеру, в сюжете про расстрел Белого дома ведущий, находясь на набережной напротив Белого дома, замечает, что это событие «можно расценивать как расстрел демократии или такого пути России к ней», а в сюжете про политический скандал вокруг выборов Ельцина в 1996 звучит оценка: «картонка, набитая налом, становится главным российским ноу-хау предвыборных технологий». Аналогично раскрывается и еще одна тема в категории «Политика» — громкие заказные убийства. В сюжете «Убийство Листьева» (1995 год, 3 минуты) Парфенов приезжает на место события, ходит в подъезде Листьева и буквально показывает, как все произошло. На фоне — документальные кадры со следствия, толпа людей во дворе дома и траурные прощальные церемонии в Останкино. Парфенов говорит: «убили русскую мечту, представление о возможности честного успеха в этой новой жизни».

Еще две темы в категории «Политика» относятся к последствиям распада СССР. Во-первых, это изменения на постсоветском пространстве: сюжеты

«Парад суверенитетов». Суверенитет Украины» (1990 год, 3 минуты) и «В Латвии разгоняют демонстрантов» (1998 год, 3 минуты). В обоих сюжетах Парфенов подчеркивает позицию российских элит. В сюжете про Украину он формулирует эту позицию так: «как это они будут без нас?», а в сюжете про Латвию: «крик “наших бьют” разносится по всей Руси Великой». Во-вторых, два длинных сюжета посвящены Чеченским войнам и террору: «Буденновск» (1995 год, 5 минут) и «Взрывы Буйнакск — Москва — Волгодонск» (1999 год, 4 минуты). События в Буденновске представлены как ключевые для развития терроризма в России. Парфенов подчеркивает, что поначалу казавшаяся локальной, а потом лишь «столичной», история постепенно становится общенациональной трагедией: «потрясенная ужасным взрывом провинция первый раз пожалела Москву... Кажется, что ничего не грозит русской провинции, тысячи и тысячи кружочков на карте, о которых никто не вспомнит, а потом произошел взрыв в Волгодонске».

Любопытно, что одному из ключевых событий, определивших российскую политику следующих десятилетий, уходу Ельцина, в передаче уделено достаточно внимания, но и не намного больше, чем другим сюжетам. Хотя этот сюжет и занимает 3 минуты (то есть меньше, чем сюжет про взрывы домов) в выпуске за 1999 год, в нем используется исключительно студийная съемка. Это даже не заключительный сюжет выпуска (заканчивает Парфенов рассказом о песне «Убили негра» группы «Запрещенные барабанщики»).

Экономика

Несмотря на то что «девяностые» часто ассоциируются с экономическим кризисом, бедностью и криминалом, в передаче «Намедни» экономическая жизнь страны отражена достаточно позитивно. Это не означает, что Парфенов в принципе не говорит об экономических проблемах. Однако показательно, каким именно проблемам он уделяет больше всего внимания. Во-первых, согласно нашим критериям, два важных сюжета посвящены экономическим преступлениям: «МВФ, Мишель Камдессю» (1997 год, 3 минуты) и «Bank of New York» (1999 год, 3 минуты). Отчасти эти сюжеты связаны между собой. В первом Парфенов рассказывает о Международном валютном фонде и о процессе выдачи кредитов России («на построение капитализма»). Второй сюжет посвящен отмыванию денег российской организованной преступностью. Парфенов делает вывод, что американские бизнес и банки перестают доверять россиянам: «Коварные русские, они разворовывают выпрошенные у нас кредиты, а потом отмывают деньги в наших же банках».

Во-вторых, Парфенов не оставляет в стороне кризис 1998 года (1998 год, 2,5 минуты). Ведущий подробно описывает последствия дефолта и падения курса рубля.

«Скуплены все товары первой необходимости, продукты долговременного хранения. В конце 90-х в рыбных отделах нет рыбы, а в мясных — мяса. Все массовое капиталистические профессии оказываются ненужными, зачем теперь финансисты, брокеры, рекламщики и специалисты

по туризму? С рынка уходят западные компании, резко сокращается импорт, не работают в России выданные карточки зарубежных систем. Очень богатые люди превратились в зажиточных, бывшие лидеры бизнеса старались сохранить хотя бы личные капиталы, предпочитают отсиживаться за границей. Первый кризис, от которого пострадал не только народ, сколько антинародная прослойка».

Тем не менее подавляющее количество значимых сюжетов об экономике в передаче «Намедни» посвящено положительным или, во всяком случае, потенциально положительным изменениям в экономике, а в связи с этим и в жизни людей. Парфенов рассказывает о появившихся новых возможностях. Сюжет «Умирает советская торговля. Секонд-Хенд», вышедший в серии за 1992 год (2,5 минуты), посвящен указу о свободной торговле. Парфенов появляется перед зрителями на Лубянской площади, рассказывая, что это самое ходовое место торговли — прямо у здания бывшего КГБ и нынешнего ФСБ люди торгуют чем придется: консервами, носками, одеждой, посудой и т. д. «Ни одно решение власти не получало такой горячей всенародной поддержки. Российский рынок рождается на привокзальных площадях, у остановок городского транспорта, в подземных переходах».

Парфенов описывает переход от плановой экономики к капитализму преимущественно как открытие новых возможностей. Сюжет «Супермаркеты» (1994 год, 2,5 минуты) посвящен появлению новой формы торговли. Ведущий в магазине набирает продуктовую корзину и рассуждает: «Супермаркет — это магазин, в котором клубника появляется не в июле, а в шесть утра». «Да, — отмечает Леонид Парфенов, — супермаркеты все еще доступны не всем, но уже доступнее, чем магазин “Березка”». Эта же тема продолжается и в сюжете «Коттеджи» (1996 год, 2,5 минуты) о строительстве нового типа загородных домов.

Эти новые возможности доступны не всем. Появляются новые богатые, под стать им меняется и столица. В сюжете «Московский строительный бум» (1995 год, 2,5 минуты) Парфенов рассказывает о реконструкции и строительстве в Москве. Стиль новой застройки он характеризуют как «Ресинский ампир», по фамилии главы строительного комплекса Москвы. Парфенов описывает этот стиль на примере нового здания мэрии: «лучшая иллюстрация всех трех строительных бумов: заря капитализма, сталинский генплан и московское чудо девяностых».

Социальная сфера

Социальные темы, которым в передаче «Намедни» уделено наибольшее внимание, тоже во многом об экономике и последствиях перехода к свободному рынку и капитализму. В эту категорию мы определили сюжет, который так же, как и некоторые сюжеты из категории «Экономика», свидетельствует о росте уровня богатства в столице, однако акценты в нем расставлены несколько иначе. Это сюжет «850 лет Москве» (1997 год, 4 минуты). Здесь Леонид

Парфенов рассказывает о красочном праздновании дня основания Москвы. В городе проходят концерты, продаются товары мерчандайзинга, проходят костюмированные шествия. Парфенов идет по Тверской улице и описывает специфику этого времени и жизни столичного города: «Осень-97, золотая осень Москвы, высший пик московского бума, все есть в этом городе, а чего нет, то он себе купит».

Другие сюжеты про социальные изменения, связанные с экономическими переменами, посвящены новым социальным группам и профессиям. В сюжете «Бухгалтер, Российский офис, Вращающееся кресло с колесиками», показанном в серии про 1992 год (3 минуты), речь идет о появлении новой профессии на российском рынке труда: бухгалтеры востребованы как в частном, так и в государственном секторе. Одновременно с этим старые советские офисы с деревянной мебелью и счетами сменяются пластиковыми столами с компьютерами. В офисы покупают всевозможную технику: ксероксы, сканеры, факсы. Особое внимание в сюжете уделяется стулу на колесиках, на нем Леонид Парфенов катается по одному из московских офисов, параллельно рассказывая об особенностях сидячей работы. Сюжет «Олигархи» за 1996 год (3 минуты) посвящен новой социальной группе и ее роли в политическом процессе. В центре внимания — дом приемов ЛогоВАЗа, «штаб русской олигархии 96-го года». Парфенов начинает свое повествование у здания, его прогоняет охрана. Он рассказывает о ночи после выборов, о Ельцине с инфарктом и о его дочери и жене, которые участвовали в самом грандиозном ужине в доме ЛогоВАЗа.

Любопытно, что в наш список наиболее важных сюжетов попадает одно международное событие, мало связанное с происходящим в стране. Это сюжет про смерть принцессы Дианы «Разбилась принцесса Диана», показанный в серии за 1997 год (4 минуты). Парфенов приехал на место гибели принцессы, проехал на машине по Лондону и рассказал о деталях происшествия.

Нельзя сказать, что прочие социальные проблемы обходятся в передаче стороной. Парфенов говорит о них, однако не выделяет их особо в сравнении с вышеописанными сюжетами. К примеру, 3 минуты в серии про 1997 год (но без выездных съемок) посвящено проблеме наркомании. Парфенов рассказывает зрителям о буме популярности наркотиков и росте заболеваемости СПИДом в 1997 году. Каждый регион употребляет свой наркотик, но все началось с токсикомании и вдыхания паров клея. Российская медицина пытается лечить преимущественно молодых людей — наркоманов, но наркотики продолжают поступать в неконтролируемых объемах. Иными словами, в передаче скорее перечисляются, чем подробно разбираются те проблемы, которые имеются в виду, когда говорят о «лихих девяностых».

Культура

В категорию «Культура» попали самые разнообразные сюжеты, к примеру театральные события, события из жизни кино, литературные произведения и награды, телевизионные передачи, а также образ нового русского человека

и «сленговые» выражения, анекдоты, ходившие в разговорах россиян того времени. Любопытно, что чаще всего присутствуют спортивные события. В серии за 1993 год Парфенов много внимания уделяет сюжету тенниса (3 минуты). Теннис описывается как пристрастие Бориса Ельцина. Парфенов рассказывает о президентском турнире, выигранный в котором сулит победителю игру с президентом. В большой теннис начинает играть буквально вся политическая и экономическая элита, у населения страны появляется стремление следить за основными международными турнирами. Парфенов снимает сюжет на теннисном корте и говорит об образе новой российской элиты:

«Человеку, достигшему определенного уровня, просто неприлично не уметь играть в теннис. Всякая российская звезда середины 90-х должна непременно быть в форме и два раза в неделю быть на корте».

Второй спорт — это футбол. В сюжете «Футбольные радости и огорчения» (1999 год, 3 минуты) речь идет о футбольных соревнованиях за участие в Чемпионате мира. У российской команды появляется новый тренер, который выводит ее практически в финал, на матч с победителями предыдущего соревнования — французами. Парфенов снимает этот сюжет в Париже, около нового стадиона, где состоялся матч. Упоминались также и о другие виды спорта, к примеру, баскетбол (3 минуты, без выездных съемок).

Культурные события, даже если и получают относительно значительный хронометраж в передаче, не устаиваются выездных съемок. Юбилею Александра Пушкина посвящены 3 минуты; 2,5 минуты отведены на новые кинотеатры и новое кино (в первую очередь фильмам («Особенности национальной охоты» и «Кавказский пленник»). О культовой передаче «Куклы» Парфенов рассказывает 2,5 минуты.

Заключение

В рамках анализа представлений россиян о периоде «девяностых» в истории России¹, сделанного аналитическим агентством «Левада-Центр»², были выявлены позитивные/положительные и негативные/отрицательные ассоциации — события, люди, явления, которые называли респонденты разных возрастов. Данные показали, что значительная часть опрошенных (42%) не смогли назвать ничего положительного, связанного с этим периодом. Среди молодых людей, то есть возрастной группы, не обладающей индивидуальной памятью о событиях 1990-х годов, многие говорили о свободе, возможностях и об утерянных советских благах — образовании, путевках

¹ Восприятие девяностых // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyatie-devyanostyh/> (дата обращения: 05.05.2022).

² АНО «Левада-Центр» внесен Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

и бесплатном получении жилья. Среди представителей более старших возрастов положительные воспоминания об этом периоде обращены преимущественно к личному опыту, поэтому чаще всего звучали ассоциации с временем беззаботности, молодостью, красотой и т. д. На вопрос об отрицательных событиях и процессах «девяностых» большинство респондентов называли бандитизм, криминал, беззаконие, дефицит, пустые полки в магазинах и т. п. В ответах опрошенных встречались также формулировки «разруха» и «развал страны».

Передача «Намедни», напротив, представляет более позитивный и оптимистичный взгляд на этот период, чем можно было бы ожидать, особенно с учетом того, что временная дистанция между событиями 1990-х годов и соответствующими выпусками передач невелика.

В выделенных нами (наиболее продолжительных и внестудийных сюжетах) преобладает политическая тематика. «Девяностые» представлены как «эпоха перемен». События развиваются стремительно, население не всегда хорошо понимает, что происходит, а в политической сфере проявляются национальные особенности. Однако в первую очередь это все же переход от старого устройства к чему-то новому и потенциально положительному. В похожем ключе построены и сюжеты об экономике.

Нельзя сказать, что негативные сюжеты в категории «Экономика» отсутствуют. Напротив, выделяются сюжеты об экономических преступлениях, связанные с американским банком и процессом работы МВФ, а также в отдельную подкатегорию попал августовский кризис 1998 года, повлекший за собой множество негативных последствий и панику среди населения. В то же время Парфенов рассказывает и про дефицит товаров, поставки гуманитарной помощи из Германии, демонстрирует кадры с различных подпольных производств. Но подобные события не подчеркивались в той мере, в какой могли бы, если бы создатели программы отталкивались от ключевых теперешних стереотипов политики памяти о том периоде.

Напротив, преобладали сюжеты про импортные товары и рост благосостояния граждан. Под вторым понимается процесс крупного строительства и реставрации Москвы, появление нового типа жилья для обеспеченной прослойки населения, а также различные праздничные гуляния. Сюжеты, которые теперь всплывают в памяти людей при упоминании выражения «лихие 90-е», в передаче «Намедни» менее выражены. Исходя из результатов контент-анализа содержания программы, ключевыми остаются в большей степени позитивные аспекты общественной жизни того времени: заграничные новшества, расцвет столицы и фактическая перестройка быта.

Впрочем, стоит отметить, что позитивная репрезентация может быть связана с тем, что авторы как будто создавали программу преимущественно для столичного зрителя. В выпусках много сюжетов о растущем благосостоянии жителей Москвы, о специфике столичного шопинга и других благах капитализма, появившихся в московской действительности. Про регионы заходит речь в двух случаях: природная или техногенная катастрофа или же выборы региональных глав. Другими словами, этот подход можно описать

как подчеркивание идеи «классового» разделения в 1990-х: жизнь богатых (особенно в богатой Москве) развивалась, жизнь бедных (других регионов) тоже менялась, но медленнее. Импортные товары стали доступны, но не сразу, дачи покупали, но позволить это себе могли не все, мобильные телефоны появились сначала как элемент роскоши — и так фактически во всех сюжетах социальной, культурной или экономической тематики.

Литература

Абрамов Р. Н., Чистякова А. А. Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: по волнам коллективной памяти // Международный журнал исследований культуры. 2012. Т. 6. № 1. С. 52–58. EDN: OUPJGF

Бонч-Осмоловская А. А. Имена времени: эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти // Шаги/Steps. 2018. Т. 4. № 3–4. С. 115–146. DOI: <http://dx.doi.org/10.22394/2412-9410-2018-4-3-115-146> EDN: VKPODO

Грузин Ф. А. Инновационная направленность материалов авторских YouTube-каналов // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал / Отв. ред. В. В. Касьянов. К.: Кубанский государственный университет, 2021. С. 258–262. EDN: XEHVAO

Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.; СПб.: Издательство Нестор-История, 2018. С. 27–54. EDN: YNCLNJ

Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. EDN: UIAXZD

Малинова О. Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. С. 45–69. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.03> EDN: YPENLN

Малинова О. Ю. Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. № 3. С. 91–105. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-91-105> EDN: NOQUJL

Малинова О. Ю. Тема «лихих девяностых» в дискурсах российских коммунистов и национал-патриотов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. Т. 14. № 2. С. 53–63. EDN: BDSKGL

Малинова О. Ю. Августовский путч 1991 г. и распад СССР в политической памяти современной России: эволюция соперничающих нарративов // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 3. С. 19–26. DOI: <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.3.019> EDN: EOLMYD

Миронова Н. Б., Горбачев А. М. Творческая концепция документальных циклов Д. Парфенова об истории СССР 1946–1960 гг. // Академическая публицистика. 2021. № 5. С. 648–651. EDN: FQWVZC

Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 62–75. EDN: ESCRKL

Пронин А. А. Mass-док: презумпция нарративности. СПб.: ООО Издательский дом «Петрополис», 2017.

Рысина А. А. Языковая личность Леонида Парфенова (на материале телепередачи «Намедни» и книги «Намедни. Наша эра. 2001–2005») // Вестник Московского государственного университета печати. 2016. № 2. С. 182–185. EDN: XVTEAH

Степанян А. В. Особенности авторского и телевизионного документального кино // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80). С. 44–46. EDN: YODNDU

Хоменко И. Г. Телевизионное информационное поле рязанского региона // Медиаскоп. 2009. № 2.

Цвик В. Л., Назарова Я. В. Телевизионные новости России. М.: Аспект Пресс, 2002.

Широбоков А. Н., Барышников К. Б. Документальное кино на малом экране // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. Т. 22. № 2. С. 361–367. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-2-361-367> EDN: ZEWEPJ

Якимов А. Е. Особенности разграничения кинематографа на документальный и игровой в контексте проблемы репрезентации повседневности // Общество: философия, история, культура. 2021. № 9. С. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.4> EDN: VJNIWS

Ashuri T. The Nation Remembers: National Identity and Shared Memory in Television Documentaries // Nations and Nationalism. 2005. Vol. 11. № 3. P. 423–442. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1354-5078.2005.00212.x>

Brouwer S. From Empire to Smuta and Back. The Mythopoetics of Cyclical History in Russian Film and TV-Documentaries // Contested Interpretations of the Past in Polish, Russian, and Ukrainian Film. Boston: Brill, 2016. С. 123–141. DOI: http://dx.doi.org/10.1163/9789004311749_009

Fridman O. et al. From “Putin the Saviour” to “Irreplaceable Putin”: The Role of the 1990s in the Kremlin’s Strategic Communications // Defence Strategic Communications. 2021. Vol. 10. № 10. P. 153–195.

Gorbachev O. The Namedni Project and the Evolution of Nostalgia in post-Soviet Russia // Canadian Slavonic Papers. 2015. Vol. 57. № 3–4. P. 180–194. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00085006.2015.1083358>

Hilmar T. et al. “Economic Memories” of the Aftermath of the 1989 Revolutions in East Germany and the Czech Republic // East European Politics and Societies. 2021. Vol. 35. № 1. P. 89–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0888325420902248>

Holdsworth A. “Television Resurrections”: Television and Memory // Cinema Journal. 2008. Vol. 47. № 3. P. 137–144. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/cj.0.0017>

Hoskins A. Television and the Collapse of Memory // Time & Society. 2004. Vol. 13. № 1. P. 109–127. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0961463X04040749>

Laczó F., Wawrzyniak J. Memories of 1989 in Europe between Hope, Dismay, and Neglect // East European Politics and Societies. 2017. Vol. 31. № 3. С. 431–438. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0888325417698741>

Sharafutdinova G. The Red Mirror: Putin’s Leadership and Russia’s Insecure Identity. Oxford: Oxford University Press, 2020. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780197502938.001.0001>

Сведения об авторах:

Волкова Елизавета Дмитриевна — бакалавр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. E-mail: lizka001@gmail.com.

Хлевнюк Дарья Олеговна — PhD, научный сотрудник, Институт Амстердама, Амстердам, Нидерланды. E-mail: daria.khlevnyuk@gmail.com. РИНЦ Author ID: 1073265; ORCID ID: 0000-0003-1019-2192; ResearcherID: AAO-4644-2020.

Статья поступила в редакцию: 11.11.2022
Принята к публикации: 15.03.2023

“The Moscow Miracle”: a Representation of the “Nineties” in the TV Program “Namedni”¹

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.1

Elizaveta D. Volkova HSE University, Moscow, Russia
E-mail: lizka001@gmail.com

Darya O. Khlevnyuk, University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands
E-mail: daria.khlevnyuk@gmail.com

The article is devoted to the study of the memory of the 1990s in Russia. The main purpose is to determine the significance of television documentary films, namely the television project “Namedni”, in the process of shaping the memory of Russians about the initial stage of post-Soviet Russia. The episodes of the program “Namedni”, devoted to the period from 1990 to 1999, have been analyzed. The qualitative content analysis of the series was conducted on the basis of the thematic categories: politics, social sphere, economy, culture (sports) and the subject criteria: story title, content, timing, personalities and key details, as well as the organization of the story. The predominantly negative perception of the period of the “nineties” in Russia is not confirmed in the episodes of the program “Namedni”. Political and economic themes predominate in most of the episodes, and the 1990s are presented as an optimistic “era of change”, symbolizing a fleeting transition from the old to a potentially positive and bright new. The ambiguity of the positive image of the 1990s is determined by the low attention of the authors of the program to the events of the regional scale, most of the subjects refer to either global or the capital city events of the past.

Keywords: politics of memory; documentary film; Russians; “Namedni”; Parfyonov; plot

References

Abramov R.N., Chistyakova A. A. (2012) Nostal'gicheskie reprezentacii pozdnego sovetskogo perioda v mediaproektah L. Parfenova: po volnam kollektivnoj pamyati [Nostalgic Images of the Soviet's Recent Past: the Media Activism of Leonid Perfenov]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Research]. Vol. 6. No. 1. P. 52–58. (In Russ.)

Ashuri T. (2005) The Nation Remembers: National Identity and Shared Memory in Television Documentaries. *Nations and Nationalism*. Vol. 11. No. 3. P. 423–442. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1354-5078.2005.00212.x>

Bonch-Osmolovskaya A.A. (2018) Imena vremeni: epitety desyatiletij v Nacional'nom korpuse russkogoazyka kak proekciya kul'turnoj pamyati [Names of Time: Epithets of Decades in the Russian National Corpus as a Perfection of Cultural Memory]. *Steps*. Vol. 4. No. 3–4. P. 115–146. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.22394/2412-9410-2018-4-3-115-146>

Brouwer S. (2016) From Empire to Smuta and Back. The Mythopoetics of Cyclical History in Russian Film and TV-Documentaries. *Contested Interpretations of the Past in Polish, Russian, and Ukrainian Film*. Boston: Brill. P. 123–141. DOI: http://dx.doi.org/10.1163/9789004311749_009

¹ The study was conducted with the financial support of the Faculty of Social Sciences of the HSE University.

The article is based on the materials of the graduate work «Documentary Films as Instruments of Constructing the Conceptual Framework of Memory about Perestroika and the Early Period of Post-Soviet Transformation in Russia: The Case of the Project “Namedni”» (HSE University, 2022) URL: <https://www.hse.ru/ba/political/students/diplomas/620109668> (accessed 15 February 2023).

Fridman O. et al. (2021) From “Putin the Saviour” to “Irreplaceable Putin”: The Role of the 1990s in the Kremlin’s Strategic Communications. *Defence Strategic Communications*. Vol. 10. No. 10. P. 153–195.

Gorbachev O. (2015) The Namedni Project and the Evolution of Nostalgia in post-Soviet Russia. *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 57. No. 3–4. P. 180–194. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00085006.2015.1083358>

Gruzin F. A. (2021) Innovacionnaya napravlennost’ materialov avtorskih youtube-kanalov [Innovative Direction of YouTube Author’s Materials]. In: Kasyanov V. V. (ed.) *Zhurnalistsika, multimedia: informacionnyj i sociokulturnyj potencial* [Journalism, Multimedia: Informational and Socio-cultural Potential]. Krasnodar: Kuban State University. P. 258–262. (In Russ.)

Hilmar T. et al. (2021) “Economic Memories” of the Aftermath of the 1989 Revolutions in East Germany and the Czech Republic. *East European Politics and Societies*. Vol. 35. No. 1. P. 89–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0888325420902248>

Holdsworth A. (2008) “Television Resurrections”: Television and Memory. *Cinema Journal*. Vol. 47. No. 3. P. 137–144. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/cj.0.0017>

Hoskins A. (2004) Television and the Collapse of Memory. *Time & Society*. Vol. 13. No. 1. P. 109–127. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0961463X04040749>

Khomenko I. G. (2009) Televizionnoe informacionnoe pole ryazanskogo regiona [Television Information Area of Ryazan Region]. *Mediaskop*. No. 2. (In Russ.)

Laczó F., Wawrzyniak J. (2017) Memories of 1989 in Europe between Hope, Dis- may, and Neglect. *East European Politics and Societies*. Vol. 31. No. 3. P. 431–438. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0888325417698741>

Malinova O. Yu. (2015) Aktual’noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti [Current Past: Symbolic Politics of the Power Elite and the Dilemmas of Russian Identity]. *Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN)* [Political Encyclopedia (ROSSPEN)]. (In Russ.)

Malinova O. Yu. (2018) Obosnovanie politiki 2000-h godov v diskurse VV Putina i formirovanie mifa o “lihich devyanostyh” [Justifying the Political Course of the 2000s and Constructing the Myth about “The Hard Nineties” in the Vladimir Putin’s Discourse]. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No. 3. P. 45–69. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.3124-9/poln/2018.03.03>

Malinova O. Yu. (2018) *Politika pamyati kak oblast’ simvolicheskoy politiki*. [Politics of Memory as a Branch of Symbolic Politics]. M.; SPb: Izdatelstvo Nestor-History. P. 27–54. (In Russ.)

Malinova O. Yu. (2019) Konstruirovaniye smyslovyyh ramok pamyati o reformah 1990-h gg. v liberal’nom diskurse 2000-h gg [Framing Memory about the Reformers of the 1990s in the Liberal Discourse in the 2000s]. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social’ny’x nauk* [South Russian Journal of Social Sciences]. No. 3. P. 91–105. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-91-105>

Malinova O. Yu. (2020) Tema “lihich devyanostyh” v diskursah rossijskikh kommunistov i na- cional-patriotov [The Issue of “The Turbulent 1990s” in Discourses of Russian Communists and National-Patriots]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science]. Vol. 14. No. 2. P. 53–63. (In Russ.)

Malinova O. Yu. (2021) Avgustovskij putch 1991 g. i raspad SSSR v politicheskoy pamyati sovremennoj Rossii: evolyuciya sopernichayushchih narrativov [The August 1991 Coup D’etat and the Collapse of the Soviet Union in the Political Memory of Contemporary Russia: the Evolution of Competing Narratives]. *Tempus et Memoria*. Vol. 2. No. 3. P. 19–26. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.3.019>

Mironova N. B., Gorbachev A. M. (2021) Tvorcheskaya koncepciya dokumental’nyh ciklov D. Parfenova ob istorii SSSR 1946–1960 gg [Creative Conception of D. Parfenov’s Documentary Cycles about the History of the USSR]. *Akademicheskaya publicistika* [Academic Journalism]. No. 5. P. 648–651. (In Russ.)

Potseluev S. P. (1999) Simvolicheskaya politika: konstellyaciya ponyatij dlya podhoda k probleme [Symbolical Politics: A Constellation of Concepts for an Approach to the Problem]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. Vol. 5. P. 62–75. (In Russ.)

Pronin A. A. (2017) *Mass-dok: prezumpciya narrativnosti* [Mass-doc: Presumption of Narrativity]. Spb.: Petropolis Publishing House Limited Liability Company. (In Russ.)

Rysina A. A. (2016) Yazykovaya lichnost' Leonida Parfenova (na materiale teleperedachi "Namedni" i knigi "Namedni. Nasha era. 2001–2005") [Linguistic Personality Leonid Parfenov (Based on the TV Show "The Other Day" and the Book "The Other Day. Our Era. 2001–2005")]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pečati* [Herald of the Moscow State University of Printings Art]. No. 2. P. 182–185. (In Russ.)

Sharafutdinova G. (2020) *The Red Mirror: Putin's Leadership and Russia's Insecure Identity*. Oxford: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780197502938.001.0001>

Shirobokov A. N., Baryshnikov K. B. (2017) Dokumental'noe kino na malom ekrane [Documentary Television Film]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism]. Vol. 22. No. 2. P. 361–367. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-2-361-367>

Stepanyan A. V. (2018) Osobennosti avtorskogo i televizionnogo dokumental'nogo kino [Specificity of Author's and TV Documentary Films]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice]. No. 2 (80). P. 44–46. (In Russ.)

Tsvik V. L., Nazarova Y. V. (2002) *Televizionnye novosti Rossii* [Television News of Russia]. M.: Aspect Press. Vol. 171. (In Russ.)

Yakimov A. E. (2021) Osobennosti razgranicheniya kinematografa na dokumental'nyj i igrovoy v kontekste problemy reprezentacii povsednevnosti [Specifics of the Distinction Between Documentary and Fiction Cinematography in the Context of the Representational Issue of Daily Life]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. No. 9. P. 26–32. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.4>

Authors bio:

Elizaveta D. Volkova — Bachelor, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** lizka001@gmail.com.

Darya D. Khelvnyuk — PhD, Researcher, University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands. **E-mail:** daria.khlevznyuk@gmail.com. **RSCI Author ID:** 1073265; **ORCID ID:** 0000-0003-1019-2192; **ResearcherID:** AAO-4644-2020.

Received: 11.11.2022

Accepted: 15.03.2023

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.2
EDN: EIQSPX

Социальный статус и репутация писателей в современной России: тематический анализ¹

Ссылка для цитирования:

Рязанцев А. П. Социальный статус и репутация писателей в современной России: тематический анализ // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 1. С. 27–44. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.2> EDN: EIQSPX

For citation:

Ryazancev A. P. (2023) Social Status and Reputation of Writers in Modern Russia: Thematic Analysis. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 1. P. 27–44. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.2>

Рязанцев Александр Павлович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
E-mail: ariazantsev@hse.ru

В статье рассматриваются формы социальной оценки писательского труда в современной России. В качестве методологической базы используется теория литературного поля, разработанная Пьером Бурдьё и его последователями. Исходя из нее проведена концептуальная и эмпирическая реконструкция понятий социального статуса и репутации писателей. По результатам тематического анализа публичных интервью с ведущими российскими экспертами в области литературного процесса выявлен набор тем, при помощи которых происходит оценивание социального статуса писателя и его литературной репутации. Обнаружено существенное расхождение во мнениях отдельных экспертов, представляющих различные сферы литературного творчества, что можно трактовать как наличие внутреннего антагонизма в данной сфере творческой деятельности. Это обстоятельство, вкупе с зависимым состоянием литературного поля

¹ Материал данной статьи основан на результатах исследований, проведенных в ходе написания кандидатской диссертации на тему: «Формирование репутаций в современном литературном процессе: акторы и институты».

от политического, позволяет выдвинуть гипотезу о маргинализации статуса писателей и, соответственно, связанных с ними социальных практиках в современной России.

Ключевые слова: социальный статус; литературная репутация; поле литературы; тематический анализ

Введение

Кто такой писатель — человек, имя, социальный актер или полное собрание его романов, повестей, рассказов, статей, заметок в прессе, дневниковых записей, цифровых следов и прочих материалов? Вопрос крайне сложный, на который непросто дать однозначный ответ, так как он будет продиктован той областью науки, через которую мы будем изучать интересующее нас явление. В данной работе «писатель», как и все остальные связанные с ним понятия, будут рассматриваться с позиций социологического подхода с опорой не на историю литературы и литературоведение, а на социальную теорию.

Предметом исследования в данной статье станут два понятия, находящиеся в тесной смысловой связи: социальный статус и писательская репутация в литературном поле современной России. В качестве методологической основы избрана теория «литературного поля», разработанная Пьером Бурдьё и его последователями [Бурдьё, 2000; Dubois, 2000; Сапиро, 2004; Speller, 2011]. В рамках их подхода литературное поле, или поле литературы, рассматривается в качестве одного из социальных полей, входящих в более общее социальное пространство, где под собственно полем литературы подразумевается структурное пространство определенных позиций, зачастую выступающих в роли антагонистов по отношению друг к другу: например, писатели и издатели, критики и публицисты, эстетствующие творцы и успешные писатели-бизнесмены.

При социологическом подходе к писателям как социальной группе она рассматривается как сфера творческой деятельности, которая имеет определенный социальный статус в общей системе социальной иерархии, в системе более общих властных отношений. При этом встает вопрос о степени ее формализации или профессионализации в современных российских условиях. В свою очередь, связанное понятие — литературная репутация — рассматривает эту общность больше с социально-психологической стороны, с позиции нормативных и эмоциональных критериев, социальной оценки в понятиях общественного одобрения и/или порицания.

Следует отметить, что Бурдьё и его последователи при изучении этого поля фокусировались преимущественно на деятельности западных писателей и состоянии западного литературного рынка, в связи с чем деятельность писателей, работающих в других социально-экономических условиях и контекстах, в том числе российском, осталась за пределами их исследовательского внимания.

Между тем, как отмечал Бурдьё, состояние этого поля различно в разные исторические периоды и в разных национальных традициях. Это непосредственно относится к социальному статусу современных писателей России вследствие актуальных политических и социально-экономических процессов, существенно отличающихся от западного контекста.

Цель данного исследования — определить статус и характер социальной оценки писательского труда в современной России. Для выполнения данной задачи проведем концептуальную и эмпирическую реконструкцию понятий социального статуса и репутации писательского труда, а также осуществим тематический анализ публичных текстовых интервью с ведущими российскими критиками, публицистами и культуртрегерами, которые были опубликованы на различных интернет-ресурсах. В эмпирической части мы остановились на видении прежде всего литературных критиков, а не писателей (прозаиков и поэтов), поскольку они выступают как в роли экспертов, изучающих развитие современного литературного процесса, так и в роли создателей репутаций, оказывающих влияние на мир литературы путем критических суждений и публикаций.

Литературное поле как один из элементов социального пространства

В социологии литературный мир и, соответственно, все входящие в него элементы (писательские сообщества, прозаики, поэты, критики и так далее) принято воспринимать не только в качестве самостоятельного социального института, но и в качестве подсистемы социального пространства; оно в совокупности с другими подсистемами (политическим, артистическим, научным, философским и так далее) образует общую структуру социального пространства.

У истоков традиции изучения данного феномена стоит французский социолог Пьер Бурдьё, разработавший теорию социального поля и, в частности, поля литературы. Его ученица и последовательница Жизель Сапиро применила теорию поля литературы к французскому литературному миру, тем самым легитимизировала практику использования данной теории применительно к определенному контексту. Исходя из их подхода под литературным полем следует понимать одно из подпространств глокального социального пространства, относительно замкнутое и автономное, где образуется особая система отношений между позициями и социальными явлениями, что в значительной степени определяет свойства и особенности этого поля, формирует внутреннее «правила игры» [Бурдьё, 2000; Сапиро, 2004].

Следуя логике П. Бурдьё, литературное поле как систему можно представить, пройдя три ступени анализа:

- анализ позиции литературного поля внутри поля власти, к которому оно относится как «микрокосм к макрокосму»;
- анализ внутренней структуры литературного поля как универсума, подчиняющегося своим собственным законам функционирования

и трансформации; другими словами, анализ внутренней структуры отношений между позициями индивидуумов или институтов, соперничающих за артистическую легитимность;

- и, наконец, анализ становления диспозиций, которые, будучи продуктом некоторой социальной траектории и некоторой позиции внутри литературного поля, находят в этих позициях более или менее благоприятную возможность реализации [Бурдьё, 2000: 23–24].

Поле власти и поле литературы. Литературное поле и, соответственно, все его составные элементы, занимают подчиненную позицию внутри поля власти и напрямую зависят от функционирования.

Рассуждая о характере взаимоотношений двух полей («поле власти — поле литературы»), Бурдьё использует понятия автономности/гетерономности. Степень автономности поля литературы зависит от того, какой принцип доминирует — автономный или гетерономный. Следовательно, специфика функционирования определенного национального литературного поля может различаться исходя из национальных традиций, а также особенностей того или иного исторического периода и зависит от того, насколько внешний, гетерономный, принцип подчинен внутреннему, автономному.

Пьер Бурдьё и его последователи особо отмечают, что литературное поле — один из наименее кодифицированных и институционализированных элементов социального пространства в силу специфики литературного процесса и связанного с ним распределения позиций и взаимоотношений между участниками, часто имеющими антагонистический характер. Внутренне-иерархическая структура статусов этого поля приближает его к политическому, по отношению к которому, согласно теории Бурдьё, поле литературы находится в подчиненном состоянии.

Рассуждая о внешних отношениях с другими полями, Бурдьё отмечает еще одну его специфику: он подчеркивает, что «литературный мир, устройство которого складывалось в течение длительного и постепенного процесса автономизации, представляет собой “мир экономики наоборот”: входящие в него заинтересованы в незаинтересованности» [Бурдьё, 2000: 25]. Однако отсюда вовсе не следует, пишет Бурдьё, что этот мир лишен своей экономической логики и руководствуется только эстетическими принципами: экономическая логика проникает в это «субполе» как логика производителей. «Как бы свободны от внешних ограничений и требований ни были культурные поля, они пронизаны действием законов окружающего поля: то есть стремлением к прибылям, экономическим или политическим» [Бурдьё, 2000: 27]. Отсюда вывод исследователя: «поле производства культуры в каждый момент своей истории представляет собой поле борьбы между двумя принципами иерархизации» [Бурдьё, 2000: 30]. Таким образом, П. Бурдьё, говоря о внешнем статусе литературного поля, рассуждает в двух категориях понятий автономность/гетерономность, экономика/эстетика.

Внутренняя структура поля. Важно отметить, что иерархические отношения формируются не только во внешних отношениях поля с политическими и экономическими системами, но и внутри самого литературного поля: «Баланс

сил в этой борьбе зависит от того, насколько автономно поле вообще, то есть в какой мере ему удастся навязать свои законы и санкции всему ансамблю производителей культурной продукции, включая и тех, кто, занимая политически и экономически доминантную позицию в поле культурного производства (авторы пользующихся успехом пьес или романов) или стремясь ее занять («угнетенные» производители, готовые к коммерциализации), стоят ближе всего к занимающим гомологичные (доминантные) позиции в поле власти, и, следовательно, наиболее чутки к внешним запросам и наиболее гетерономны» [Бурдые, 2000: 29].

Литературное поле выступает в качестве социального пространства, где сформирована определенная иерархическая система, между участниками происходит конкурентная борьба, направленная на консервацию или трансформацию поля (выступающего, соответственно, в качестве пространства, в котором сосредоточены определенные силы).

Так, агенты литературного поля, придерживающиеся гетерономного принципа, видят ценность любого литературного произведения в его экономической успешности, что, согласно теории Бурдые, является внелитературным принципом и, соответственно, говорит о невысоком уровне его автономии. В такой ситуации функционирование писателей зависит не от литературных достижений, а от принципов политического и экономического полей, нацеленных на получение прибыли, известности и материальных благ по принципу «спрос — предложение» или за счет политического заказа. Тогда успешность писателей как социальной группы напрямую зависит от запросов читающей публики, коммерческого успеха, больших тиражей, обладания ими литературных премий и так далее.

Анализ диспозиций. Внутренняя структура литературного поля определяется борьбой за определение, смысловое содержание и идеологию самого понятия литературы [Milner, 2011; Speller, 2017]. Происходит постоянная борьба за легитимность, в данном случае — литературную, а также за дефиницию писателя как творца и понимание того, что такое литература, а также за дефиницию границ поля литературы и условий принадлежности к нему.

Автономный принцип функционирования поля ставит во главу угла не экономическую выгоду и успешность (наоборот, отказываясь от них), а эстетические достоинства, смысловые и содержательные критерии которых вырабатываются группой экспертов (литературных критиков). Если произведение признано критиками как соответствующее ожидаемому уровню, то оно, как и его автор, получает отклики и признание — как символический капитал, который постепенно накапливается и, возможно, противостоит экономическому. На основании имеющегося символического капитала формируется литературная репутация автора, и он занимает определенное место в общей иерархии как литературного поля, так и всего социального пространства. Здесь имеет значение также «качество» аудитории, а именно ее культурное и социальное состояние, а также степень признания с ее стороны. Получить его можно, соответственно, только благодаря «соблюдению правил игры автономного поля» [Бурдые, 2000: 31]. Важнейшим элементом литературного поля

является понятие вкуса. Он находится в основе системы признаков, на основании которой один элемент структуры отличают от другого [Bourdieu, 1989]. Вкус выступает в качестве маркера, отличающего соответствие определенного произведения (например, опубликованного в социальной сети стихотворения) содержательным характеристикам, заложенным в «правила» данного поля. Понятие вкуса неразрывно связано со структурой литературного рынка, его институтами и акторами — экспертами, администраторами, журналистами и т. д., поскольку художественная оценка произведений искусства сталкивается с проблемой отсутствия объективных стандартов качества и потому характеризуется целым рядом представлений о ценности, которые зависят «от того, кто, что и когда оценивает».

Итак, функционирование литературного поля определяется двумя связками: гетерономность/автономность и экономика/эстетика, от их баланса внутри определенного национального поля зависит система иерархических отношений — как внутренних, так и внешних. Эта система регулярно воспроизводится через противоборство составляющих данное поле социальных элементов.

Как отмечает Бурдьё, поле производства культуры в каждый момент своей истории представляет собой поле борьбы между двумя принципами иерархизации [Бурдьё, 2000].

Для того чтобы определить место социального статуса и литературной репутации в данной системе, следует провести концептуальную реконструкцию данных понятий.

Социальный статус писателя и его литературная репутация: концептуальная реконструкция понятий

В условиях исторически-определенной иерархической дихотомии формируется социальный статус писателей как социальной группы, а также их репутация. Данные понятия, несмотря на существующее между ними концептуальное различие, находятся в тесной смысловой связи. Они выступают в качестве теоретически взаимозависимых форм социальных оценок: на соответствии статусным ролевым ожиданиям формируются положительная и отрицательная репутации в зависимости от степени, в которой социальные субъекты превосходят ролевые ожидания (положительная репутация) или им не соответствуют (отрицательная репутация).

Если статус социального субъекта определяется как иерархическое положение в социальной системе, то под репутацией подразумевается прогноз будущего поведения группы или индивида, который основан на прошлом его поведении, а также на том, соответствовало ли оно ролевым ожиданиям относительно занимаемой статусной позиции. В более упрощенном виде данная разница выглядит следующим образом: «репутация» определяется как субъективные представления о качествах действующего лица, тогда как под «социальным статусом» подразумевается профессиональное, социальное

положение; при этом оба понятия являются, напомним, способами социальной оценки [George, 2016].

Исходя из теории Бурдье, отметим, что социальный статус писателя и его литературную репутацию закономерно рассматривать в двух плоскостях: системной, в рамках которой мы анализируем данные понятия в системе социальной иерархии как внутри, так и вне литературного поля, по отношению ко всему социальному пространству, а также в индивидуально-конкретной, где они понимаются как зависимые от личных, конкретных писательских достижений, поражений, принятых решений и поступков.

Социальный статус группы. Как было сказано выше, в соответствии с социологическим подходом писатели как социальная группа представляются элементами двух социальных иерархий как систем: литературного поля и социального пространства в целом. Согласно положениям теории Бурдье, социальный статус писателей как социальной группы формируется за счет взаимодействия с представителями другой социальной группы, условно называемой Бурдье «издателями и кураторами галерей». Под ними подразумеваются участники литературного процесса, которые наравне с автором участвуют в создании произведения как ценности, становясь участниками как творческого поля, так и поля производства. Это критики, историки искусства, издатели, владельцы галерей, кураторы, коллекционеры, а также «канонизирующие инстанции», под которыми подразумеваются салоны, академии, жюри конкурсов и проч. Их деятельность, сводящаяся по факту к легитимации ценности того или иного литературного произведения, усложняется тем, что практически полностью отсутствуют четкие критерии, по которым можно определить качество произведения. Соответственно, отсутствие критериев заставляет «оценщиков» произведений искусства обращаться к измеримым критериям, таким как репутация, которая понимается как ресурс признания произведения «правильными» институтами и экспертами (например, литературными критиками, обладающими рядом приемлемых в писательской среде характеристик). Таким образом, репутация писателя, проявляющаяся, например, в получении престижных наград и литературных премий, публичном признании авторитетными институциями, презентациях книг и других мероприятиях, может служить показателем признания и качества его работ.

Также отметим, что «оценщики» выступают в качестве двойных агентов, обеспечивающих проникновение экономической логики в автономное элитарное социальное пространство (то есть субполя производства для производителей) [Бурдье, 2000]. В результате данного процесса совмещаются экономическая и интеллектуальная диспозиции, в автономную литературную структуру проникает внелитературная гетерономная логика.

Соответственно, писатели находятся в зависимом положении как от «оценщиков», так и от принципов функционирования литературного поля и поля производства, так как, выступая в качестве авторов литературных произведений, сами не являются производителями их материальной ценности — этим занимаются агенты поля производства. В связи с этим литературное произведение существует как символический объект, представляющий ценность,

только когда оно социально институировано как произведение искусства «оценщиками», читателями или зрителями, «обладающими диспозицией и эстетической компетентностью, необходимой для того, чтобы распознать и признать его в этом качестве» [Бурдьё, 2000: 40]. В результате данной практики легитимируется литературное произведение, у его автора формируются соответствующие социальный статус и литературная репутация, определяющая его положение в рамках литературного поля и той группы, к которой его следует относить (гетерономной или автономной).

Вследствие этого литературное поле, в оптике Пьера Бурдьё и его последователей выступающее как автономное пространство, характеризуется стремлением к обеспечению себя не экономическим, а символическим капиталом и нематериальными благами, чем ограничивает себя, не обеспечивая писателям как участникам социальной группы широкого доступа к материальным благам. В связи с этим ценность приобретают не физические, а духовные средства, за которые ведется внутрилитературная борьба (например, между западниками и славянофилами, либералами и почвенниками и так далее), нацеленная в том числе на получение доступа к властным ресурсам и приобретение высокого социального статуса, важность которого обеспечивается не экономическим, а символическим культурным капиталом, в том числе литературной репутацией в форме общественного порицания/одобрения.

Писатель как профессия. Социальный статус и репутация писателей являются элементами иерархии не только внутри литературного поля, но и в рамках всего социального пространства. В данном ракурсе закономерно рассматривать писательство как профессию, которую можно было бы сравнить со статусом других социальных групп, функционирующих в социальном пространстве. Однако по сравнению с другими, особенно нетворческими, занятиями писательство практически неинституционализировано, что создает проблему для рассмотрения его как профессии. «Профессия» писателя или художника, несмотря на все усилия писательских ассоциаций, пен-клубов и т. д., — одна из наименее кодифицированных. Это также одна из профессиональных сфер, наименее способных полностью закрепить за индивидом определенный социальный статус и «прокормить» тех агентов, кто связал с ней свою жизнь: для того, чтобы заниматься тем, что они рассматривают в качестве своего главного дела, им зачастую приходится искать дополнительное занятие — источник основного дохода. Но символические выгоды, которые приносит этот двойной статус, очевидны; осознающий себя писателем может довольствоваться скромными работами «ради куска хлеба», предлагаемыми либо самой профессией (например, редактор или корректор); либо смежными институтами: журналистикой, телевидением, радио, кинематографом и т. д. [Бурдьё, 2000: 31].

Следовательно, в данной оптике писательство рассматривается не как профессия, а как занятие, которое писатели чередуют с занятостью в смежной или иной профессиональной деятельности, что экономически создает условия для творческой деятельности и приобретения в писательской среде социального статуса и литературной репутации.

Репутация писательского труда в России. Некодифицированность писательского ремесла приводит к ложности восприятия данного занятия среди социальных групп, занимающихся деятельностью, отличной от творческой. Это приводит к неприятию писательской профессии в рамках внелитературного поля и практически минимальному значению социального статуса писателя, так как его статус подкреплен не экономическим, а символическим капиталом, имеющим значение только в рамках литературного поля, но не среди других полей. Соответственно, в такой структуре, с ее динамической асимметрией, писатели занимают подчиненное положение внутри господствующих классов, поскольку располагают большим культурным капиталом, но меньшими экономическими и политическими ресурсами, чем правящие фракции.

Подобное распределение позиций особенно характерно для российского литературного поля, которое находится в зависимости от политического, и любые внутренние изменения контролируются политическими силами и акторами. Соответственно, литературная сфера оказывается не совсем в маргинальном и оторванном от других полей положении, но при этом сильно ограничена в юридической плоскости: на данный момент в Трудовом кодексе Российской Федерации отсутствует профессиональный стандарт «писатель», в связи с чем действующие в этом поле акторы вынуждены относиться к своему литературному труду не как к профессии, приносящей основной доход, а как к занятию, которое приносит в большей степени не экономические блага, а формирует символический, культурный и властный капитал агентов.

Важно отметить, что 11 апреля 2022 года Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации приняло документ «О создании межведомственной рабочей группы при Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации по вопросу разработки профессионального стандарта профессии (специальности) «писатель»»¹, согласно которому была создана рабочая группа во главе с писателем, ректором Литературного института им. А. М. Горького Алексеем Варламовым. Целью работы этой группы является разработка профессионального стандарта специальности «писатель» для внесения соответствующих изменений в трудовое законодательство России. На наш взгляд, приведенный выше пример является подтверждением тезиса Пьера Бурдьё о зависимом положении поля литературы относительно политического поля.

Итак, на данный момент социальный статус писателя в России не имеет юридического оформления, но при этом находится не столько в маргинальном, сколько в подчиненном положении по отношению к политической сфере. В связи с этим справедливо предположение, что любые возможные изменения социального статуса, а следовательно, и репутации писательства в российском контексте напрямую связаны с функционированием политической

¹ Приказ Минцифры России № 290 «О создании межведомственной рабочей группы при Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации по вопросу разработки профессионального стандарта профессии (специальности) «писатель». ПРИКАЗ от 11.04.2022 № 290. URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/8187/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 15.01.2023).

сферы и принятием политических решений. Повлиять на подобные решения могут непосредственно литераторы, обладающие достаточным символическим и культурным капиталом, близко контактирующие с представителями политической сферы, или же те, кто является непосредственным участником обеих сфер.

Поле литературы как универсальная структура. Хотя поле литературы существенно зависит от специфики национального контекста, тем не менее в нем есть и элементы универсальной структуры, позволяющие сопоставлять эти феномены в различных национальных контекстах. Как уже говорилось выше, Жизель Сапиро, используя ключевые положения теории поля литературы, на основе понятийных связей господствующие/подчиненные и гетерономность/автономность проанализировала структуру французского поля литературы. Результатом ее исследования стала следующая классификация писателей как социальной группы со своей внутренней дифференциацией по специфическим критериям:

- 1) Эстеты (*esthètes*) находятся в господствующем положении наравне с нотаблями, обладают символическим капиталом, известностью, даже славой, но при этом не обязательно признаны институционально.
- 2) Нотабли (*notables*) находятся в господствующем положении наравне с эстетам. Для них литературный труд воспринимается как вид деятельности через две функции: воспитательную и воспроизводства социального порядка. Их господствующие позиции в литературном поле и высокие посты в тех или иных учреждениях связаны с их близостью к лидерам экономических и политических полей, с их помощью они осуществляют контроль внутри литературного поля.
- 3) Авангардисты (*avant-gardistes*) находятся в подчиненном от эстетов и нотаблей положении — наравне с массовыми писателями. Эта группа настроена критично по отношению к доминирующему видению литературы и литературной теории, принятым эстетическим нормам и, соответственно, взглядам эстетов и нотаблей.
- 4) Массовые писатели (*écrivains de masse*) находятся в подчиненном от эстетов и нотаблей положении — наравне с авангардистами; работают в востребованных на литературном рынке жанрах и получают от своей деятельности доход, вследствие чего обладают экономическим капиталом. Однако у них нет достаточного культурного и символического капитала, что не дает возможности вступать в академический литературный дискурс или принимать участие в критических дискуссиях относительно литературы [Сапиро, 2004: 130–135].

Данная категоризация показывает разницу в обладании властным, символическим и экономическим капиталом между отдельными группами писателей, что определяет структуру и специфику их взаимоотношений, основанных на понятиях власти и подчинения, в рамках литературного поля. Существующие во французском обществе различия и конфликты между эстетам, нотаблями, авангардистами и массовыми писателями по своей структуре близки к антагонизмам в писательской среде России: между

авторами, нацеленными на высокие тиражи и стабильный доход от своего литературного труда (массовые авторы), и писателями, которые печатаются в малотиражных периодических изданиях, но относят себя к автономной, элитарной группе, определяющей развитие литературных тенденций. Хотя на это сходство накладывается различие актуальных для конкретной эпохи социально-политических процессов и национальной истории.

Разработанная Пьером Бурдые теория достаточно универсальна и применима для различных контекстов, при этом некоторые ее позиции будут универсальны практически для любого из них: разница заключается непосредственно в национальной специфике, обусловленной типичными для той или иной нации историческими и социально-культурными процессами.

Исходя из концептуальной реконструкции понятий социального статуса писателей и их литературной репутации, перейдем к эмпирической реконструкции данных понятий. Для этого проведем тематический анализ размещенных в открытом доступе интервью с ведущими российскими экспертами в области литературного процесса, «оценщиками», влияющими на функционирование поля производства литературных произведений. Цель такого анализа в том, чтобы выявить набор характеристик, по которым они оценивают социальный статус писательства и его репутацию в российском контексте.

Социальный статус писателя и его репутация в России начала XXI века: тематический анализ

В качественной традиции одним из используемых методов является тематический анализ [Merton, 1975], основанием которого могут выступать как полуструктурированные интервью, взятые исследователем напрямую у респондентов, так и вторичный анализ уже взятых, расшифрованных и находящихся в публичном доступе интервью, из которых можно извлечь социологически значимую информацию [Klingeman, 1975]. И в нашем случае публичные интервью могут выступать в качестве одного из источников социологической информации, что делает данный источник «осуществимым» и «полезным» [Buetow, 2009].

Мы обращаемся к тематическому вторичному анализу шести публичных текстовых интервью ведущих литературных критиков, публицистов и культуртрегеров, взятых в период с 2011 по 2022 год для того, чтобы выяснить, как критики видят социальный статус и литературную репутацию современных писателей. В ходе анализа применялась техника открытого кодирования [Charmaz, 2006], предполагающая ознакомление с материалами интервью, определение общих категорий (тематики высказываний) и их дальнейшее кодирование для выявления детализированных высказываний и определения содержательной специфики.

Мы специально останавливаемся на фигурах критиков как экспертов и аналитиков литературного поля. Отметим, что репутация критиков может

определяться как их высокой публикационной активностью в ведущих современных литературных изданиях («толстых» журналах вроде «Нового мира» или «Знамени» и интернет-площадках вроде «Литература» и «Формаслов»), так и авторитетом, подтверждаемым другими участниками литературного поля. Он выражается в ссылках на работы критиков в научных и публицистических текстах; в упоминаниях в прессе или постах социальных сетей; личных обращениях авторов с просьбой дать критическую оценку их рукописи; участии в публичных мероприятиях в роли эксперта; участии в жюри литературных номинаций и проч.

В нашем случае кандидатуры для тематического анализа интервью отбирались на основании одного критерия: количество публикаций критика в авторитетных литературных периодических изданиях. Мы обратились к базе данных «Журнальный зал», в которой хранятся публикации современных российских писателей, поэтов, критиков и публицистов в «толстых» журналах. В результате были отобраны письменные интервью литературных критиков, публицистов и культуртрегеров: Андрея Василевского (269 публикаций на портале «Журнальный Зал»), Бориса Кутенкова (142 публикации), Сергея Чуприна (60 публикаций), Алексея Варламова (48 публикаций), Евгении Вежлян (44 публикации), Нины Ягодинцевой (30 публикаций).

В качестве объектов исследования были выбраны интервью со следующих интернет-порталов: официальная страница Ассоциации союзов писателей и издателей России в социальной сети «ВКонтакте»¹, литературный интернет-журнал «Гостиная»², официальный сайт национальной литературной премии «Большая книга»³, официальный сайт «Российской газеты»⁴, литературный онлайн-журнал «Пашня»⁵, официальный сайт издания «Аргументы и факты»⁶.

Анализировались взгляды авторов на литературное поле, социальный статус и репутацию писателя, прежде всего высказывания, которые отличаются наибольшей неоднородностью при раскрытии темы. То есть предмет — социальный статус и литературная репутация писателя — идентичен, однако выявленные темы, интересующие и волнующие респондентов в связи с данным предметом, сильно отличаются друг от друга.

¹ Интервью главного редактора журнала «Новый мир» Андрея Василевского, сделанное в ходе книжного фестиваля «Красная площадь» // Ассоциация союзов писателей и издателей России. URL: https://vk.com/aspirf?w=wall-204276876_1315 (дата обращения: 15.01.2023).

² Кутенков Б. Ситуация в литературном процессе рождает злой азарт сопротивления // Журнал «Гостиная». URL: <https://gostinaya.net/?p=13515> (дата обращения: 15.01.2022).

³ Чупринин С. «В России читают все меньше, зато пишут все больше» // Национальная литературная премия «Большая книга». URL: <http://bigbook.ru/articles/detail.php? ID=11522> (дата обращения: 15.01.2023).

⁴ Интервью ректора Литературного института им. А. М. Горького Алексея Варламова: «Мне не нравится слово «стандарт» применительно к профессии «писатель» // Год литературы. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2022/04/15/aleksej-varlamov-mne-ne-nravitsia-slovo-standart-primenitelno-k-professii-pisatel> (дата обращения: 15.01.2023).

⁵ Вежлян Е. «“Быть популярным писателем” и “быть писателем” — две разные задачи» // Интернет-издание «Пашня». URL: <https://cws.media/evgeniya-vezhlyan/> (дата обращения: 15.01.2023).

⁶ Ягодинцева Н. «Писатель — не профессия, а служение» // «Аргументы и факты». URL: https://chel.aif.ru/culture/book/poetessa_nina_yagodinцева_pisatel_-_ne_professiya_a_sluzhenie (дата обращения: 15.01.2023).

В интервью главного редактора журнала «Новый мир» Андрея Василевского тема социального статуса и литературной репутации конкретного деятеля раскрывалась как маркер «качества», подтверждающий, что на данного автора стоит обратить внимание. Согласно ему, литературная репутация современного российского писателя зависит от степени профессиональной вовлеченности в литературный процесс, маркеры которой — учеба в Литературном институте им. А. М. Горького или НИУ ВШЭ по направлению «Литературное мастерство»; участие в литературных форумах и совещаниях вроде «Химок» или «Липок»; наличие публикаций в «толстых» журналах; авторитетные мнения о творчестве со стороны ведущих критиков и т. д. Другими словами, это обладание соответствующим властным и символическим капиталом, присутствие в разных сферах социальной активности той или иной группы, занимающей «провластную» или «протестную» позицию. Все это позволяет писателю обрести определенную известность, быть на слуху, то есть получить капитал, который он может использовать для своего последующего продвижения. По мнению респондента, репутация автора обеспечивает ему социальный статус, на который смотрят при принятии решений о публикации, допустим, в журнале «Новый мир». В данном случае респондент апеллирует к социальному статусу писателя исключительно как участнику поля литературы, но не иных сфер социальной жизни.

Поэт, литературный критик и культуртрегер Борис Кутенков, в свою очередь, говорит о низком социальном статусе писателя в других, отличных от литературной, сферах жизни, так как писательская деятельность практически не монетизируется, происходит социо-экономическая трансформация в отношении литераторов к своему труду: удовлетворение приносит не материальная выгода, а символическая составляющая, что выражается в осознании «правильности» своего труда, удовлетворении от того, что их труд вызывает интерес и отклики аудитории. «Оплата исчисляется чувством осмысленности и душевного успокоения от хорошо отредактированного текста или инициированного тобой удачного выступления»¹.

Данный респондент поднимает еще одну тему — «писательство» не как профессия, а как занятие, престижность которого вне рамок литературного поля «почти нулевая»: современные авторы чаще всего вынуждены зарабатывать на жизнь трудом, смежным с литературным или совсем от него отличным.

Главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин также отмечает, что «писательство» как занятие малоприбыльно, но престижно, причем в рамках не только литературного поля, но и других социальных полей. Появляется все больше людей, не связанных с литературой, но желающих стать писателями и опубликовать хотя бы одну книгу. За этим стоит стремление укрепить свой статус в своей профессиональной сфере, отличной от литературной, показать свою успешность. Здесь мы выходим на еще две темы, которые

¹ Кутенков Б. «Ситуация в литературном процессе рождает злой азарт сопротивления» // Журнал «Гостиная». URL: <https://gostinaya.net/?p=13515> (дата обращения: 15.01.2022).

будут раскрыты в последующих интервью: профессионализм в писательской среде и литературоцентричность российской культуры, некая сакральность функций писательства в российском культурном коде.

Писательский труд остается профессиональным занятием, которое редко приносит экономическую выгоду, но дает определенный символический и властной капитал, позволяющий влиять на другие, не связанные с литературой сферы. Однако при этом, как отмечает писатель, ректор Литературного института им. А. М. Горького Алексей Варламов, социальный статус писателя и его литературная репутация не воспринимаются на социо-экономическом уровне как профессия, так как такая профессия отсутствует с современным российском трудовом законодательстве. Это факт, с которым участники литературного поля вынуждены считаться и который может стать поводом для продолжительных обсуждений.

Данных участников условно разделить на две группы:

- 1) «профессионалов» — тех, кто называет писательский труд профессией и отсутствие формального статуса считает губительным для своей профессиональной деятельности, это негативно сказывается на доходах и возможностях;
- 2) «непрофессионалов» — тех, кто видит писательство в качестве не профессии, а хобби, и не считает необходимым как-либо менять подобную ситуацию: литературный рынок давно приспособился к имеющимся юридическим условиям, и если начнутся какие-либо изменения, то это может не помочь, а навредить всем писателям.

Поэт и литературный критик Евгения Вежлян связывает тему социального статуса и репутации писателя в России с феноменом литературоцентризма в российском культурном коде и усиливающейся с годами тенденции к десакрализации роли писателя в российском обществе. Под литературоцентризмом она подразумевает архаичный синкретизм, «когда слово писателя заменяет и речь политика, и проповедь священника, и философский трактат, и политическую дискуссию». Соответственно, работа писателя, по ее мнению, как и его социальный статус, воспринимаются как сакрализованные явления российского культурного кода. Однако с разрушением Российской империи и падением СССР начался процесс десакрализации роли писателя: теперь он не «властитель дум», а профессионал, то есть ремесленник, в связи с чем разрушается дискурс «культурного человека». Российское литературное поле приспособляется к условиям капиталистического рынка с открытой экономикой и производит соответствующий запросам общества продукт: беллетристику (гетерономность). Те писатели, кто не согласился с новыми условиями рынка труда и продолжил функционировать в прежних социокультурных координатах, стали отстаивать статус маргинальной, закрытой социальной группы (автономность). В этом интервью поднимается тема антагонизма между отдельными группами, внутри структуры российского литературного поля, что свидетельствует об отсутствии в этой среде общего ориентира, что есть литература, какой она должна быть: или направленной

на монетизацию труда автора, или служением искусству, без ориентира на запросы рынка. Это становится предметом для внутренних споров, дискуссий и конкуренции.

В рассмотренных интервью респонденты, в частности поэт и литературный критик Нина Ягодинцева, также поднимают тему перехода России к рыночной экономике. Социальный статус «писатель» остается престижным, писатели продолжают писать книги, но только потому, что это их призвание, «служение», а не социальный статус. Такое положение дел побуждает респондента обратиться к теме отсутствия социальной защиты. При этом отмечается, что социально-экономические условия усиливают конкуренцию между писателями, хотя им предоставляются определенные формы поддержки, существующие в условиях рыночного общества: литературные премии, конкурсы, гранты, краудфандинг. Однако данные формы не помогают коренным образом изменить ситуацию, заставляют большинство писателей совмещать литературную деятельность с профессиональными занятиями в других областях, чаще всего не имеющих ничего общего с литературой. Из-за этого теряется значение как социального статуса писателя, так и писательских союзов, которые теоретически могли бы выступать в качестве меры социальной поддержки писателей и доказательства их статуса. Членство в творческом союзе является одним из элементов обретения социального статуса [Mendelberg, 2022], но используется не в том объеме, в котором могло бы, в связи с существующей в стране социально-экономической системой.

Проведенный тематический анализ интервью авторитетных критиков, публицистов и культуртрегеров, посвященных социальному статусу и литературной репутации писателей, показывает разнообразный спектр тем:

- 1) отсутствие или низкая монетизация литературного труда;
- 2) отказ литераторов от претензий на экономическую выгоду в пользу обретения символического, культурного и властного капитала;
- 3) литературный труд как занятие(хобби), но не профессия;
- 4) антагонизм в современном литературном поле;
- 5) десакрализация роли писателя в российском обществе;
- 6) литературоцентризм российского культурного кода.

Через данные темы раскрывается социальный статус современного российского писателя в представлениях критиков: писательский труд выглядит как негарантированный по уровню дохода, со сложно определяемыми, нечеткими и юридически незакрепленными профессиональными характеристиками. Он воспринимается как занятие, а не профессия, источник символического капитала, который, однако, сложно сохранить в нынешних условиях в связи с усиливающимся процессом десакрализации роли писателя в российской культурной жизни. Проблема социального статуса и литературной репутации имеет неотрегулированный характер в юридическом и социально-культурном отношении, что говорит об определенной маргинализованности данного поля в современной социальной ситуации и возможных грядущих изменениях в этой области.

Заключение

Проведенное исследование социального статуса и литературной репутации демонстрирует специфику российского контекста, что выражается в отсутствии гарантий в получении дохода от литературного труда. Это делает его экономически невыгодным занятием, хотя и предоставляет доступ к определенному символическому, культурному и властному ресурсам. Писательская деятельность воспринимается скорее в качестве хобби, а не профессиональной деятельности. Такое восприятие усиливается за счет актуального процесса десакрализации роли литератора в российском обществе, несмотря на предшествующую исторически-закрепленную тенденцию к литературоцентризму. Поднятые экспертами темы отражают общие социально-экономические процессы в стране и демонстрируют законодательную неурегулированность данной сферы. В результате в социальной структуре российского общества социальный статус писателя и его литературная репутация воспринимаются скорее в соответствии с нормами рыночных отношений. Можно предположить, что данное обстоятельство вызвано отсутствием юридического закрепления профессионального статуса литературного труда.

С другой стороны, это открывает определенные возможности в исследовательской перспективе, так как позволяет проанализировать, как воспринимается литературный труд в различных обстоятельствах и национальных контекстах. Поднятые проблемы могут стать одним из источников для последующих социологических исследований и внести свой вклад в осмысление современных социальных и литературных процессов.

Литература

- Бурдые П.* Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 5. С. 22–87.
- Сапиро Ж.* Французское поле литературы: структура, динамика и формы политизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 5. С. 126–143.
- Bourdieu P.* Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory. 1989. Vol. 7. № 1. P. 14–25. DOI: <https://doi.org/10.2307/202060>
- Buetow S.* Thematic Analysis and Its Reconceptualization as “Saliency Analysis” // Journal of Health Services Research & Policy. 2009. Vol. 15. № 2. P. 123–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.1258/jhsrp.2009.009081>
- Charmaz K.* Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis. London: SAGE Publications, 2006. DOI: <http://dx.doi.org/10.3402/qhw.v1i3.4932>
- Dubois J., Meaghan E., Sing P.* Pierre Bourdieu and Literature // SubStance. 2000. Vol. 29. № 3. P. 84–102. DOI: <https://doi.org/10.2307/3685563>
- George G., Linus D., Scott D.G., Samantha S.* From the Editors: Reputation And Status: Expanding the Role of Social Evaluations in Management Research // The Academy of Management Journal. 2016. Vol. 59. № 1. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.5465/amj.2016.4001>
- Klingemann H.D., Mochmann E.* Sekundäranalyse // Techniken der Empirischen Sozialforschung. 1975. № 2. P. 178–194.
- Mendelberg T.* Status, Symbols, and Politics: A Theory of Symbolic Status Politics // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2022. Vol. 8. № 6. P. 50–68. DOI: <https://doi.org/10.7758/RSF.2022.8.6.03>

Milner A. Science Fiction and the Literary Field // Science Fiction Studies. 2011. Vol. 38. № 3. P. 393–411. DOI: <https://doi.org/10.5621/sciefictstud.38.3.0393>

Merton R. Thematic Analysis in Science: Notes on Holton's Concept // Science. 1975. № 188. P. 335–338. DOI: <https://doi.org/10.1126/SCIENCE.188.4186.335>

Speller J. R.W. Science and Literature // Bourdieu and Literature. Cambridge: Open Book Publishers, 2011. P. 103–130. DOI: <https://doi.org/10.11647/OBP.0027>

Сведения об авторе:

Рязанцев Александр Павлович — аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** ariazantsev@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** [1039469](https://elibrary.ru/1039469).

Статья поступила в редакцию: 23.06.2022

Принята к публикации: 15.03.2023

Social Status and Reputation of Writers in Modern Russia: Thematic Analysis¹

DOI: [10.19181/inter.2023.15.1.2](https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.2)

Alexander P. Ryazancev HSE University, Moscow, Russia
E-mail: ariazantsev@hse.ru

This article examines the forms of social evaluation of writers' work in modern Russia. As a methodological basis, the theory of the "literary field" developed by Pierre Bourdieu and his followers is used, on the basis of which a conceptual and empirical reconstruction of the concepts of social status and reputation was carried out. Based on an empirical thematic analysis of public interviews with leading Russian experts in the field of literary process, a set of topics regarding the social status of the writer and his literary reputation in the Russian literary field has been identified. A discrepancy in the opinions of various groups of experts was found, which may indicate the presence of antagonism in the modern literary field. This circumstance, coupled with the dependent state of the literary field on the political one, confirms the hypothesis of the marginalization of these concepts and, accordingly, related social practices in modern Russia.

Keywords: social status; literary reputation; field of literature, thematic analysis

References

Bourdieu P. (1989) Social Space and Symbolic Power. *Sociological Theory*. Vol. 7. No. 1. P. 14–25. DOI: <https://doi.org/10.2307/202060>
Bourdieu P. (2000) Pole literary' [The Field of Literature]. *New Literary Review*. No. 5. P. 22–87. (In Russ.)

¹ The material of this article is based on the results of research conducted during the writing of a PhD thesis on the topic: "Formation of reputations in the modern literary process: actors and institutions".

Buetow S. (2009) Thematic Analysis and Its Reconceptualization as "Saliency Analysis". *Journal of Health Services Research & Policy*. Vol. 15. No. 2. P. 123–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.1258/jhsrp.2009.009081>

Charmaz K. (2006) *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis*. London: SAGE Publications. DOI: <http://dx.doi.org/10.3402/qhw.v1i3.4932>

Dubois J., Meaghan E., Sing P. (2000) Pierre Bourdieu and Literature. *SubStance*. Vol. 29. No. 3. P. 84–102. DOI: <https://doi.org/10.2307/3685563>.

George G., Linus D., Scott D. G., Samantha S. (2016) From the Editors: Reputation And Status: Expanding the Role of Social Evaluations in Management Research. *The Academy of Management Journal*. Vol. 59. No. 1. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.5465/amj.2016.4001>

Klingemann H. D., Mochmann E. (1975) Sekundäranalyse. *Techniken der Empirischen Sozialforschung*. No. 2. P. 178–194.

Mendelberg T. (2022) Status, Symbols, and Politics: A Theory of Symbolic Status Politics. *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*. Vol. 8. No. 6. P. 50–68. DOI: <https://doi.org/10.7758/RSF.2022.8.6.03>

Milner A. (2011) Science Fiction and the Literary Field. *Science Fiction Studies*. Vol. 38. No. 3. P. 393–411. DOI: <https://doi.org/10.5621/sciefictstud.38.3.0393>

Merton R. (1975) Thematic Analysis in Science: Notes on Holton's Concept. *Science*. No. 188. P. 335–338. DOI: <https://doi.org/10.1126/SCIENCE.188.4186.335>

Sapiro J. (2004) Frantsuzskoye pole literatury: struktura, dinamika i formy politizatsii [The French Field of Literature: Structure, Dynamics and Forms of Politicization]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 7. No. 5. P. 126–143. (In Russ.)

Speller J. R. W. (2011) Science and Literature. *Bourdieu and Literature*. Cambridge: Open Book Publishers. P. 103–130. DOI: <https://doi.org/10.11647/OBP.0027>

Author bio:

Alexander P. Ryazancev — Graduate Student, HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: ariazantsev@hse.ru. **RSCI Author ID:** 1039469.

Received: 23.06.2022

Accepted: 15.03.2023

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.3

EDN: BBROJS

Механизмы формирования начального диалога в анонимной онлайн-коммуникации¹

Ссылка для цитирования:

Котельников М. П. Механизмы формирования начального диалога в анонимной онлайн-коммуникации // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 1. С. 45–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.3> EDN: BBROJS

For citation:

Kotelnikov M. P. (2023) The Formation of the Beginning of Dialogue in Anonymous Online Communication. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 1. P. 45–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.3>

Котельников Максим Павлович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: don.kotelnikov@yandex.ru

Основная цель статьи — отследить и проанализировать соотношение технических и смысловых аспектов анонимного взаимодействия в сети. Эмпирически исследуется начальная фаза общения двух собеседников в «Анонимном чате ВКонтакте». Совмещая концептуальные и методологические ресурсы конверсационного анализа и анализа категоризации членства, а также теорию аффордансов, адаптированную в отношении технических объектов (в данном случае анонимного чата), автор отстаивает концепт очередности высказываний анонимных собеседников для успешного взаимодействия. Большинство посетителей используют чат для поиска краткосрочного романтического и/или сексуального общения, поэтому в начале переписки собеседники зачастую стремятся идентифицировать гендерную принадлежность друг друга при помощи типичных высказываний. Отмечается важность обладания первым чередом, так как именно он с высокой долей

¹ Статья подготовлена на материалах магистерской диссертации, защищенной автором в НИУ ВШЭ в 2022 г.: Котельников М. П. Практики деанонимизации в онлайн-коммуникации: конверсационный анализ. URL: <https://www.hse.ru/ma/csa/students/diplomas/624888204> (дата обращения: 10.12.2022).

вероятности дает приоритетное право задать вопрос относительно гендерной принадлежности собеседника. Однако обладателю первого чреда рано или поздно придется отвечать на вопросы собеседника, так как рассматриваемое анонимное взаимодействие, организованное по очереди, стремится к информационной симметрии.

Ключевые слова: онлайн-чат; конверсационный анализ; анонимность; очередность; гендер; коммуникация

Введение

С развитием технологий коммуникация между людьми стала возможной не только в офлайн-, но и в онлайн-среде. Взаимодействие лицом к лицу уже давно является одним из основных объектов исследования для социальных ученых, однако остается открытым вопрос о том, насколько применимы концептуальные ресурсы, использовавшиеся для изучения офлайн-коммуникации, к онлайн-пространству. Очевидного консенсуса по этому вопросу (как и практически по всем остальным) в социологии не наблюдается, однако в целом можно утверждать, что большинство социологов, исследующих взаимодействие, так или иначе признают возрастающее значение технически опосредованной коммуникации (в том числе и через интернет) и необходимость трансформации уже имеющихся концептов, чтобы сделать их пригодными для изучения форм взаимодействия, отличных от общения лицом к лицу. Несмотря на обозначенную тенденцию, стоит отметить, что не все социальные ученые считают интернет-коммуникацию заслуживающей пристального исследовательского внимания. Так, Тайлер утверждает, что интернет лишь расширяет возможности, которые до этого уже были предоставлены людям с появлением телефонов. Высказывались сомнения и в том, что интернет способствует формированию новых социальных связей, поскольку зачастую люди общаются в онлайн с теми, с кем знакомы в офлайне. Ключевая проблема этой точки зрения, на наш взгляд, заключается в том, что она основывается скорее на общих (и во многом субъективных) представлениях о человеческой коммуникации. Это обстоятельство значительным образом снижает их аналитическую ценность.

Большого внимания, по нашему мнению, заслуживают работы, в которых предпринимаются попытки адаптировать существующие понятийные аппараты, разработанные в классической социологии, для исследования онлайн-взаимодействия. Зачастую социологи обращаются к текстам Э. Гоффмана¹, и это неудивительно, поскольку именно он внес значительный вклад

¹ Наиболее часто в качестве концепта, подлежащего адаптации для исследования онлайн-коммуникации, выбирается «встреча», которая, по Гоффману, имеет место тогда, когда существует «единый фокус когнитивного и визуального внимания, что воспринимается как единая, взаимная деятельность» [Goffman, 1971: 1–70]. Большинство авторов сходятся в том, что под «встречей» в случае онлайн-общения можно понимать практически все виды синхронной коммуникации

в анализ взаимодействия лицом к лицу¹. Помимо работ Гоффмана, в качестве теоретической отправной точки для анализа взаимодействия через интернет применяются феноменологические разработки Бергера и Лукмана². Однако эта во многом полезная работа имеет тот же недостаток, что уже был озвучен в отношении скептических тезисов, высказываемых в адрес исследований онлайн-взаимодействия: концептуальное переосмысление классиков социологии далеко не всегда основывается на эмпирических данных. Если эти данные и имеются, то зачастую анализируют не реальные кейсы взаимодействия в интернете, а, к примеру, интервью с пользователями. На наш взгляд, анализ интернет-коммуникации должен основываться на изучении фрагментов взаимодействия, которое действительно имело место: будь то текстовые переписки, видеозаписи онлайн-звонков, записи голосовых сообщений и так далее. Именно поэтому в рамках данной работы мы обращаемся к конверсационному анализу (далее — CA, conversational analysis), который традиционно применяется для изучения записей (или транскриптов) повседневного взаимодействия.

CA имеет богатый опыт эмпирического изучения взаимодействия лицом к лицу, однако все еще стоит вопрос относительно релевантности результатов, полученных в ходе исследований офлайн-взаимодействия для онлайн-пространства. При этом надо учитывать, что «офлайн» и «онлайн» не являются гомогенными средами, а включают в себя множество различных типов взаимодействия, например, коммуникация лицом к лицу может сильно различаться во время дружеской беседы и во время допроса в суде, так же как звонок по Zoom не идентичен переписке в Telegram. Одной из ключевых особенностей разговора (как одной из базовых форм взаимодействия) является передача права голоса. Изучение механизмов, с помощью которых говорящие передают друг другу право (а порой и обязанность) говорить, может способствовать пониманию того, как соотносятся офлайн- и онлайн-коммуникация.

В парадигмальной для CA статье Сакса, Щеглоффа и Джефферсона [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015] утверждается, что одна из базовых систем организации разговора — формирование очередности. Широкую известность получили 14 тезисов [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 147–148], более-менее исчерпывающим образом описывающих любой повседневный разговор. На наш взгляд, очередность не менее важна при онлайн-взаимодействии

(видеозвонки, переписки в мессенджерах), однако этот концепт едва ли применим для коммуникации асинхронной (общение по электронной почте). Подробнее о различении синхронной и асинхронной коммуникации — ниже.

¹ Впрочем, сам американский социолог полагал различные виды технически-опосредованной коммуникации «маргинальными и производными формами социальных контактов» [Goffman, 1971: 1–70].

² Сам Лукман в работе, написанной в соавторстве с другим классиком феноменологической социологии, Шюцем, расширяет свой концепт «мира в пределах досягаемости» (та часть социальной и физической реальности, которая доступна для изменения посредством действий актора) до «мира в пределах опосредованной досягаемости», он, в свою очередь, становится доступным благодаря технике (на момент написания работы речь шла о возможностях, предоставляемых телефоном и телевизором) [Schutz, Luckmann, 1973].

(степень этой важности может зависеть от того, о какой именно онлайн-среде идет речь), хотя ее формирование может существенным образом отличаться от того, как это происходит офлайн.

В рамках данной статьи, используя концептуальные ресурсы СА, мы намереваемся исследовать начала переписок в «Анонимном чате ВКонтакте» и показать, что в рассматриваемом случае распределение чередов имеет принципиально важную роль для протекания взаимодействия. Сначала мы кратко опишем базовые выводы, полученные в ходе исследований формирования очередности в офлайн-среде, затем сделаем то же самое применительно к онлайн-пространству. Вслед за этим, прибегая к концепту аффорданса, укажем на техническую и смысловую специфику «Анонимного чата ВКонтакте», которая непосредственно влияет на организацию передачи чередов, а в эмпирической части проиллюстрируем, как это влияние осуществляется.

Исследования очередности в офлайн-пространстве

Ранее мы упомянули о 14 тезисах, сформулированных Саксом и его коллегами. Мы не будем перечислять каждый из них, однако укажем на самые базовые, релевантные практически для любого типа взаимодействия.

Череды состоят из так называемых единиц конструирования чередов, которые могут представлять собой предложения, клаузы, фразы или отдельные слова. Каждая из таких единиц может рассматриваться как самостоятельное завершённое высказывание, после артикуляции которого следует релевантное место перехода, где появляется возможность для смены говорящего (впрочем, наличие этой возможности не гарантирует ее реализации) [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 147]. Так как мы анализируем исключительно текстовые данные, то мы не будем здесь обсуждать работы, в которых рассматриваются релевантные места перехода в устном взаимодействии. Зачастую идентификация таких мест опирается на интонацию, что невозможно в нашем случае. Ключевым ресурсом, используемым для идентификации релевантного места перехода во взаимодействии, осуществляемым посредством текста, является грамматика. В наших данных в качестве основного маркера релевантного места перехода выступает вопрос, который на письме обозначается с помощью вопросительного слова и/или вопросительного знака¹. Кроме того, следует отметить, что сам факт отправки сообщения уже может свидетельствовать о том, что отправляющий ожидает ответа от другого пользователя².

Когда появляется релевантное место перехода, смена говорящего может реализовываться двумя базовыми способами:

¹ То есть вопрос может иметь различные формы, например: «Как твое имя», «Имя?».

² Однако следует отметить, что отправление сообщения не всегда свидетельствует о том, что его отправитель желает передать право голоса.

Проблема может заключаться в том, что каждое отдельное сообщение может восприниматься как самостоятельное, из-за чего второй собеседник мог решить, что теперь его черед писать.

1. Текущий говорящий эксплицитно назначает следующего. Такое назначение может осуществляться различными способами, среди которых выделяют несколько основных:

А. Использование обращения (допустим, произнесение имени человека).

Б. Артикуляция первой части «смежной пары». Суть данного понятия заключается в том, что соседние высказывания, произносимые говорящими, как правило, связаны между собой. Первое высказывание способствует формированию ожиданий относительно второго и так далее [Schegloff, 1968]. Щеглофф и Сакс перечисляют следующие характеристики, по которым можно опознать «смежные пары»¹: они состоят из двух чередов; высказывания производятся разными говорящими; высказывания расположены возле друг друга; часть первой пары предшествует части второй пары (например, предложение предшествует отказу); определенные части первой пары соединяются с определенными частями второй пары (например, приветствие соединяется с приветствием, а не с прощанием).

В. Для выбора конкретного человека в качестве следующего говорящего обычно используется комбинация обращения и артикуляции первой части смежной пары (например, «Майкл, посидишь со мной на скамейке во дворе?»). Необходимость их совмещения обусловлена тем, что по отдельности обращение и первая часть смежной пары не обязательно указывают на конкретного человека как на того, кто должен говорить следующим².

Помимо перечисленных трех способов назначения следующего говорящего (где третий является комбинацией первых двух) существует и ряд других, например, неэксплицитные техники, зависящие от контекстуальных особенностей того или иного взаимодействия, а также использование телесных манифестаций (допустим, перевод взгляда на того, кто должен говорить следующим), однако эти способы в большей степени актуальны при взаимодействии лицом к лицу, поэтому здесь они обсуждаться не будут.

2. Следующий говорящий может осуществить самоотбор, то есть самовольно назначить себя тем, кто будет говорить дальше. В наших данных эта техника практически не встречается, поэтому не будем останавливаться на ней подробно. Однако хотелось бы отметить, что самоотбор нередко связан со случаями одновременного наложения говорения. Предчувствуя наступление релевантного места перехода, второй говорящий может вступить еще до того, как закончит говорить первый. Случаи одновременного говорения невозможны при общении с помощью текста, однако возможны проблемы с определением того, чье сообщение было первым. Это будет обсуждаться ниже.

¹ В рамках статьи мы намереваемся продемонстрировать релевантность каждой из этих характеристик для исследуемого нами чата.

² В наших данных повсеместно используется лишь один способ назначения следующего говорящего, а именно: артикуляция (разумеется, осуществляемая посредством отправления текстового сообщения) первой части «смежной пары», и практически всегда в качестве первой части выступает вопрос.

Исследования очередности в онлайн-пространстве

Письменное взаимодействие в онлайн-среде стало предметом анализа для конверсационных аналитиков в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Хотя, как справедливо отмечает Мередит, было бы неверным говорить, что до этого момента конверс-аналитики не интересовались технологически опосредованной коммуникацией [Meredith, 2019: 242]. Здесь стоит вспомнить, что уже одни из основателей конверсационного анализа, Сакс и Щеглофф [Sacks, 1966; Sacks, Schegloff, 1973], анализировали записи телефонных бесед. Очевидно, что интеракция лицом к лицу исторически предшествует текстовому взаимодействию в онлайн, в связи с чем ряд конверс-аналитиков для обоснования необходимости изучения онлайн-взаимодействия ссылались на то, что такой вид интеракции может быть потенциально сравним с коммуникацией лицом к лицу. В последние годы количество публикаций, выполненных в парадигме конверс-анализа и связанных с анализом текстового взаимодействия, значительно выросло. Вероятно, с этим обстоятельством связаны учащающиеся призывы рассматривать текстовую онлайн-коммуникацию как специфический вид взаимодействия, уже не ставя перед собой задачи сравнения этого типа интеракции с общением лицом к лицу. На данный момент литература по анализу текстового взаимодействия невероятно обширна, однако все же представляется возможным выделить основные проблемы, которые становятся предметом изучения конверс-аналитиков: передача черед, «ремонт»¹ и организация начала и конца взаимодействия. Зачастую в этих работах активно применяются (не без некоторого переосмысления) концепты, разработанные для анализа взаимодействия лицом к лицу, что неудивительно, поскольку исследователи офлайн-взаимодействия занимались изучением тех же проблем². Отдельно стоит выделить работы с использованием предложенного Саксом анализа категоризации членства. В основном в них исследуются дискурсивные практики, при помощи которых участники онлайн-взаимодействия приписывают друг другу те или иные идентичности или помещают друг друга в различные категории. Как справедливо замечают Паулюс и соавторы [Paulus, Warren, Lester, 2016], большинство исследований так или иначе затрагивают множество проблем сразу. Так, например, при изучении формирования очередности в начале переписки может анализироваться наложение чередов, которое, в свою очередь, требует «ремонта».

Важно отметить, что существует критика относительно применимости концепций, разработанных внутри конверсационного анализа,

¹ Определение «ремонта» может быть позаимствовано у Китцингера: «Набор практик, посредством которых взаимодействующий прерывает текущее направление действий, чтобы устранить возможные проблемы с речью, прослушиванием или пониманием разговора» [Kitzinger, 2013: 229].

² Здесь мы имеем в виду то, что, допустим, проблема передачи черед существует в обеих средах, однако разрешаться в онлайн и офлайн она может по-разному.

по отношению к текстовому онлайн-взаимодействию. Так, Грайффенхаген и Уотсон [Greiffenhagen, Watson, 2005: 89] указывают на то, что подавляющее большинство (в качестве исключения можно привести [Meredith, Stokoe, 2013]) исследований имеют дело исключительно со стенограммами, оставляя в слепой зоне физические действия участников переписки. Грубо говоря, во внимание не принимаются индивидуальные для каждого из переписывающихся ситуативные обстоятельства, которые могут влиять на ход переписки, например, задержка ответа может быть вызвана тем, что одного из взаимодействующих отвлек кот, однако этот момент останется неучтенным, если он не будет артикулирован в переписке. На наш взгляд, замечания Грайффенхагена и Уотсона следует считать обоснованными, однако работа исключительно со стенограммами представляется нам также плодотворной, тем более что далеко не всегда возможно осуществить видеозапись действий участников переписки. Кроме того, так как сами участники взаимодействия не имеют возможности видеть друг друга, они ориентируются исключительно на то, что видно на экране монитора. То есть тексты переписок — это данные, в одинаковой степени наблюдаемые как для имеющего доступ исследователя, так и для участников интеракции. Конечно, условный кот может отвлечь одного из разговаривающих, и это обстоятельство может повлиять на ход беседы, однако для второго участника действия кота ненаблюдаемы, и, как следствие, он не может на них ориентироваться — только если впоследствии ему не будет сообщено, что имело место вмешательство животного.

Данная работа встраивается в традицию исследования организации очередности в онлайн-чатах, однако в качестве эмпирического объекта выбран чат, который, насколько нам известно, никогда не изучался до этого. Как показывает Херринг, специфика текстовой коммуникации посредством СМС (однако это актуально и для онлайн-переписки) заключается в том, что участники взаимодействия не могут ориентироваться на физические манифестации друг друга (голос¹, интонацию, позу, выражение лица, жесты). При взаимодействии лицом к лицу визуальная и аудиальная доступность разговаривающих друг для друга является существенным ресурсом для организации передачи чередов в разговоре. Более того, во время переписки собеседники получают сообщения в порядке их написания, в связи с чем могут возникнуть проблемы с пониманием того, как сообщения соотносятся друг с другом по смыслу [Herring, 1999: 2].

В контексте указанных обстоятельств логично задаться вопросом, за счет каких ресурсов (ввиду недоступности телесных) осуществляется передача чередов во время переписки. В рамках данной работы мы концентрируемся на анализе начала переписок, так как именно в начале (о чем будет сказано более подробно ниже) распределение чередов имеет существенное значение,

¹ В данном случае мы не принимаем во внимание общение с помощью голосовых сообщений, а также видеозвонки.

поскольку обладание первым чередом может дать право в приоритетном порядке задавать вопросы собеседнику.

Конверс-аналитики уделяли немалое внимание изучению формирования очередности (в том числе в начале разговоров) в переписках по СМС, различных чатах, социальных сетях и т. д. [Rintel, Mulholland, Pittam, 2006; Kasesniemi, 2003]¹. Однако их выводы тяжело экстраполировать на иные случаи. К тому же это противоречило бы этнометодологической логике исследования, следуя которой, мы должны признать каждую социальную ситуацию в той или иной мере уникальной и заслуживающей отдельного анализа. Следовательно, нам необходимо детально описать особенности данного чата и попытаться показать, как его смысловая и техническая специфика связана с формированием очередности в начале переписки.

Описание аффордансов «Анонимного чата ВКонтакте»

Мы разделяем тезис Яна Хатчби, высказанный им в статье «Технологии, тексты и аффордансы» [Hutchby, 2001], суть которого можно кратко резюмировать следующим образом: любая технология обладает определенным аффордансом², то есть архитектурой, которая, с одной стороны, ограничивает пользователя (как бы мы ни хотели, мы не сможем полететь в Лос-Анджелес на пылесосе), но, с другой стороны, дает ему определенные возможности интерпретации того, как она может быть применена. Например, мы можем использовать тот же пылесос не только для уборки дома, но и для запугивания кошки. Этот тезис является компромиссом между конструктивистской позицией³, утверждающей, что технологии по своей сути являются текстами, в которые пользователь волен вчитать практически что угодно, и реалистской трактовкой технологии, в рамках которой любая технология жестко ограничивает и строго предписывает пользователю набор действий, которые возможно с ней совершить [Hutchby, 2001: 5]. Итак, придерживаясь мысли Хатчби, приступим к описанию аффордансов исследуемого нами чата.

Техническая организация чата

Чтобы начать общение в рассматриваемом нами чате, пользователю необходимо написать личное сообщение так называемому чат-боту (см. рис. 1). Кликая на строку «написать сообщение», пользователь встречается со следующей инструкцией:

¹ А вот анонимности, как кажется, не уделялось должного внимания. В качестве исключения можно привести работу Якника и Авни [Jacknick, Avni, 2017], где с помощью эпистемики Хэритэджа и анализа категорий членства Сакса рассматриваются практики категоризации на анонимном онлайн-форуме.

² Создатель термина Гибсон определяет аффорданс следующим образом: «Аффордансы окружающей среды — это то, что она предлагает животному, то, чем она его снабжает и обеспечивает, будь то во вред или во благо» [Gibson, 1986: 127].

³ Хатчби отождествляет данную позицию главным образом с трудами Вулгара [Woolgar, 1991].

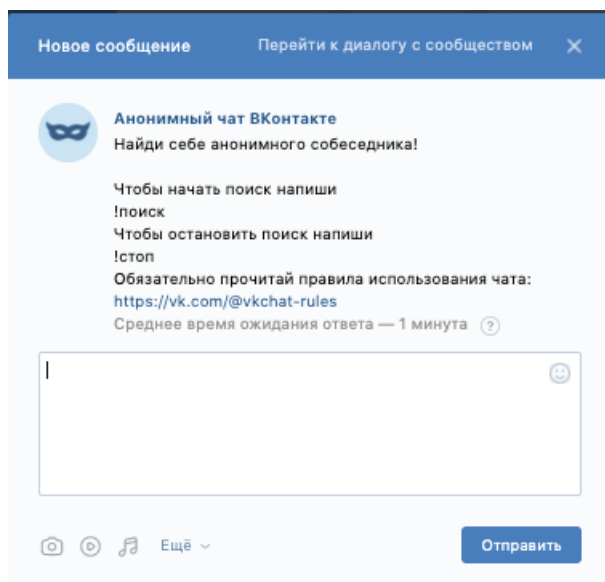

Рисунок 1. Анонимный чат-бот
Источник: социальная сеть VK

На продемонстрированном скриншоте видно, что для начала и завершения разговора следует напечатать команды «!поиск» и «!стоп» соответственно. Стоит отметить, что эти команды не отображаются на экране получателя. Поясним. Допустим, в какой-то момент один из собеседников решает закончить общение и набирает команду «!стоп». В таком случае второй собеседник увидит не сообщение «!стоп», а следующее уведомление, присланное чат-ботом (см. рис. 2).

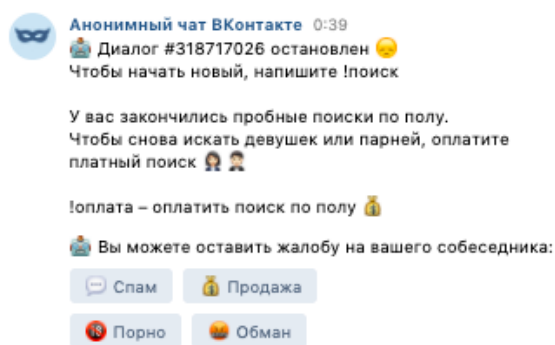

Рисунок 2. Системное сообщение
Источник: социальная сеть VK

В реально имеющей место практике пользователи не всегда следуют означенной инструкции. Мы имеем в виду, что порой собеседники могут забывать (в данном случае это довольно правдоподобная гипотеза) ставить

восклицательный знак перед словом «стоп», вследствие чего беседа не прерывается, а один из ее участников просто получает сообщение «стоп». Из-за этого возникают довольно курьезные случаи, однако их описание и анализ не входят в задачи данной работы. Не в последнюю очередь ошибки при наборе команд могут быть связаны с тем, что такой интерфейс не является широко распространенным. В ВК существуют схожие чат-боты, где начало и конец диалога инициируются похожими командами («Анонимный чат бот», «Общение | Одинокие | Чат | Знакомства»), однако эти боты куда менее популярны, чем исследуемый нами, судя по количеству подписчиков. В самом популярном в русскоязычном пространстве, если опираться на список выдачи в поисковиках при запросе «анонимный чат», анонимном чате за пределами ВК — Nekto.me — интерфейс мало похож на интерфейс «Анонимного чата ВКонтакте». Таким образом, несмотря на кажущуюся простоту интерфейса, неопытные пользователи, то есть не часто пользующиеся данным чат-ботом, могут непреднамеренно нарушать инструкции, что может приводить к поломкам в коммуникации.

Во время беседы собеседники не могут визуалью наблюдать, что кто-то из них «реализует» свой черед. В разговоре лицом к лицу акторы в силу физического соприсутствия понимают, кто говорит, и, как правило, осуществляют переход череды в релевантном месте перехода. Большинство современных мессенджеров также обладают функцией уведомления собеседников о действиях друг друга, например, актер видит на своем экране: «собеседник печатает», «собеседник записывает голосовое сообщение» или «собеседник был в сети n времени назад». В случае рассматриваемого нами чата такие функции отсутствуют.

Для более формализованного описания технической архитектуры данного чата обратимся к работам авторов, осмысливших различные виды коммуникации, отличные от взаимодействия лицом к лицу. Киеслер, Зубров, Мосес и Геллер [Kiesler, Zubrow, Moses, Geller, 1985] предлагают различать синхронную и асинхронную коммуникации. В первом случае череды следуют друг за другом практически мгновенно (разговор лицом к лицу, обмен мгновенными сообщениями), во втором, как правило, имеет место задержка, которая может быть довольно продолжительной, как при общении по электронной почте. Однако данная дихотомия может быть усложнена. Андерсон, Беард и Уолтер, используя различие между односторонним [Cherny, 1999; Walther, 1996] и двусторонним способами передачи данных [Capron, 1990]¹, выделяют три уровня, по которым может быть ранжировано темпоральное расположение чередов при онлайн-взаимодействии: неодновременность (асинхронные односторонние системы, такие как электронная почта, доски обсуждений, блоги), практически одновременность (синхронные односторонние системы,

¹ При односторонней передаче данных собеседники могут отправить и получить по одному сообщению одновременно, при этом они имеют дело с уже готовыми высказываниями (например, письмо или сообщение). При двусторонней передаче получение и отправку сообщения совпадают по времени, то есть реципиент получает сообщение по мере того, как отправитель его производит (например, устная беседа по телефону).

такие как обмен мгновенными сообщениями, многопользовательские чаты и текстовые чаты в многопользовательских играх), высокая степень одновременности (синхронные двусторонние системы, такие как VAX «телефон» и современные программы для разговоров UNIX)»¹ [Anderson, Beard, Walther, 2010: 5]. Рассматриваемый нами чат представляет собой практически одновременную организацию коммуникации, так как паузы между очередями крайне малы (обычно около нескольких секунд), однако наложение чередов в данном случае практически невозможно. Вернее, как будет показано ниже, оно возможно, но не в том смысле, в каком наложение может иметь место в разговоре, допустим, по телефону, то есть в данном случае исключается возможность одновременного говорения, однако собеседники в ряде ситуаций могут испытывать затруднения при определении того, чей черед был первым.

Тематическая организация чата

Что касается содержательной специфики данного чата (о чем в нем говорят), то большинство разговоров может быть отнесено к романтической/сексуальной тематике. Отчасти такое положение вещей может быть объяснено тем, что подавляющее большинство подписчиков составляют юноши и девушки в возрасте от 14 до 25 лет². Можно полагать, что в этот период жизни указанные темы представляют для человека особый интерес. В правилах чата прописана рекомендация не пользоваться чатом до достижения совершеннолетия³, хотя неясно, читает ли их подавляющее большинство пользователей. Кроме того, существует запрет на распространение порнографического контента, однако это не гарантирует, что в действительности нельзя получить сообщение порнографического содержания. Эти ограничения, тем не менее, не запрещают напрямую обмен сообщениями, касающимися сексуальной тематики.

Смысловая специфика начальных сообщений в переписке в «Анонимном чате ВКонтакте»

Описав аффордансы данного чата, мы можем перейти к анализу конкретных практик, которые напрямую связаны как с ограничениями, так и с ресурсами аффорданса. В качестве эмпирического материала мы проанализировали около 250 переписок (их первые сообщения). Ряд знакомых автора (также были использованы личные переписки автора⁴) предоставили доступ к своим перепискам в исследуемом чате, во всяком случае, к интересующей нас

¹ Цитируемая статья была написана в 2010 г., сегодня к коммуникационным средам, для которых характерна высокая степень одновременности, мог бы быть отнесен, к примеру, Zoom.

² На момент написания статьи чат насчитывал 1 480 786 подписчиков, из них в указанном возрастном промежутке находилось 1 017 226 человек (для общения в чате не обязательно на него подписываться).

³ Количество подписчиков до 18 лет составляет 494 027 человек. Очевидно, что эта рекомендация не соблюдается.

⁴ Необходимо отметить, что переписки, в которых принимал участие автор, имели место за долгое время до проведения исследования.

информации, то есть к началу переписок¹. Подавляющее большинство (189) первых сообщений имеют целью прояснение гендерной принадлежности собеседника. В связи с этим обстоятельством мы хотели бы обсудить два момента: 1) почему отсутствие приветствия, свойственное для начала переписок в данном чате и не свойственное коммуникации лицом к лицу и многим формам технически опосредованного взаимодействия, в большинстве случаев считается легитимным, то есть не вызывает негативной реакции собеседника; 2) за счет каких языковых текстуальных ресурсов идентифицируется гендер.

1) Почему опускается приветствие, традиционное для коммуникации лицом к лицу или переписки по электронной почте? Ответ на данный вопрос может быть связан с тем, что общение в данном чате анонимно. В случае анонимного онлайн-чата собеседникам недоступна как фактическая информация друг о друге (имя, возраст, гендер, место жительства и т. д.), так и визуальная. Возможность встречи собеседников в реальной жизни также стремится к нулю. Вероятно, абсолютная анонимность ослабляет потребность акторов в ориентации на некие моральные конвенции и производство приятного впечатления друг на друга. Впрочем, нельзя утверждать, что забота о социальной приемлемости собственных действий становится совсем нерелевантной. Как мы сказали выше, основная тематика общения лежит в романтической и сексуальной плоскости. Для того, чтобы такого рода коммуникация была успешной, вероятно, необходима некоторая симпатия собеседников друг к другу. Если действия одного из собеседников интерпретируются как «морально неприемлемые», то, вероятно, беседа будет прекращена. Однако, как показывают наши данные, отсутствие приветствия не воспринимается подавляющим большинством пользователей чата как «морально неприемлемое», впрочем, есть и исключения. Причина такого положения вещей может быть в том, что собеседники догадываются о целях друг друга, и эта идея будет развита далее в тексте. Мы полагаем, что большинство пользователей чата разделяет представление о том, что искать долговременное общение с помощью его функционала нецелесообразно. Формально аффорданс чата позволяет собеседникам обмениваться ссылками на страницы друг друга, однако, как показывает опыт нашего исследования, это практически никогда не происходит. Здравый смысл подсказывает, что в чате встречаются люди, которые могут проживать на значительном расстоянии друг от друга, существенно отличаться по возрасту, иметь иные увлечения и интересы и т. д. Ввиду этих факторов логично предположить, что немногие пользователи чата ищут здесь постоянных собеседников, общение с которыми будет продолжено за пределами чата.

¹ Методологическая проблема здесь заключается в том, что исследуемые переписки не находятся в открытом доступе и довольно тяжело найти людей, готовых предоставить свои анонимные переписки для изучения. Автор попросил своих знакомых, пользовавшихся чатом, дать доступ только к началу переписок, а также попросил знакомых попросить своих знакомых сделать то же самое (снежный ком). Когда мы говорим о том, что мы проанализировали 250 переписок, это не значит, что речь идет о 250 людях. В целом в исследовании приняли участие около 27 человек.

2) При идентификации гендера собеседника используются, по-видимому, конвенциональные сокращения: «м д?», «м ж?», «п д?»¹. Здесь интересны прежде всего несколько моментов²:

А. Выше мы привели все возможные комбинации сокращений, обозначающих гендер. Сочетание «п ж» ни разу не было встречено. Причину отсутствия такой комбинации можно найти с помощью анализа категоризации членства, разработанного Саксом [Sacks, 1995: 40–49]. Данный анализ связан с двумя базовыми концептами: коллекция и категория. Коллекции составляют естественные группы категорий, то есть члены общества чувствуют, что эти категории «должны применяться вместе» [Sacks, 1966: 15–16]. В данном случае речь идет о коллекциях гендера и возраста. Слова «пацан», «парень», «девушка» являются категориями в коллекции «гендер» и одновременно категориями в коллекции «возраст» — в данном случае эти слова маркируют молодость. Однако слова «женщина» и «мужчина» также являются категориями в коллекциях «гендера» и «возраста», но маркируют скорее зрелость. Таким образом, сочетание категорий «парень» и «женщина» неуместно в силу того, что они маркируют разные возрастные состояния. Условно можно сказать, что внутри коллекции «возраст» существуют подколлекции «детство», «юность» и «зрелость», категориями в которых, соответственно, будут «мальчик — девочка», «парень — девушка», «мужчина — женщина». Соответственно, комбинация «парень или женщина?» не встречается ввиду того обстоятельства, что эти слова принадлежат разным подколлекциям³.

Б. В большинстве случаев в паре на первом месте стоит сокращение, обозначающее принадлежность к мужскому гендеру. Впрочем, встречались случаи, когда порядок был иной: как становилось ясно из дальнейшей переписки, такие сообщения отправляли мужчины (у нас, конечно, нет никакого достоверного способа установить, что это на самом деле так; вполне возможна ситуация, когда собеседник называет свой ненастоящий гендер, однако мы оставим это обстоятельство за рамками анализа). Можно предположить, что в таком случае женский гендер оказывается на первом месте в паре в качестве предпочтительного.

В. Оппозиция постоянно бинарная. Мы не наблюдали ни одного случая, когда собеседнику был бы предоставлен более широкий выбор для идентификации своей гендерной принадлежности. Также мы ни разу не столкнулись с вопросом, который был бы сформулирован развернуто (типа: «твой пол?», «пол?», «какого ты пола?»).

¹ Где, как нам представляется, «м» — мужчина, мальчик; «ж» — женщина; «д» — девушка, девочка, дама; «п» — парень (пацан).

² Логично предположить, что вопрос «Как тебя зовут?» также может быть использован для гендерной идентификации собеседника.

³ Конечно, следует иметь в виду, что использование всех слов глубоко контекстуально. Так, даже взрослые люди, например, будучи в романтических отношениях, могут называть друг друга «мой мальчик» или «моя девочка».

Г. Не часто, но все же встречаются случаи, когда отправитель сообщения формулирует вопрос не с помощью бинарной оппозиции, а используя лишь одно сокращение (например: «м?», «ж?»). Судя по тому, как развиваются диалоги в данном случае, гендер, фигурирующий в вопросе, предпочтителен для отправителя. Использование одного сокращения допускает пять вариантов развития событий: а) получатель покидает беседу, оставляя вопрос без ответа, вероятно, отдавая себе отчет в том, что его гендер не соответствует предпочтительному; б) получатель подтверждает, что он принадлежит гендеру, указанному в аббревиатуре (будь то «да», или на вопрос «ж?» поступает ответ «ж»); в) получатель отрицает свою принадлежность к гендеру, указанному в аббревиатуре (будь то «нет», или на вопрос «ж?» поступает ответ «м») — в таком случае отправитель, как правило, покидает беседу; г) получатель задает встречный вопрос касательно гендера отправителя, в таком случае отправитель в большинстве случаев прекращает беседу; впрочем, возможны и два других практически одинаково распространенных варианта: отправитель дает ответ на вопрос или отправитель указывает на то, что он задал вопрос первым, — это обязует получателя ответить на него [Schiffrin, 1977; Schegloff, 1968]; д) получатель дает ответ, не включенный в четыре предыдущих варианта. Это могут быть как не связанные с вопросом высказывания, так и связанные, но с более сложной архитектурой, чем в вариантах «а» — «г», например, «для начала неплохо было бы поздороваться, а потом уже спрашивать пол».

Д. В подавляющем большинстве случаев получатель подобного рода сообщений понимает их именно как вопрос о гендерной принадлежности и отвечает с помощью одной из предложенных букв («м» или «ж»). Крайне редко встречались случаи, когда получатель задавал уточняющий вопрос наподобие: «Что ты имеешь в виду?»¹. Если имел место уточняющий вопрос, то отправитель в большинстве случаев покидал беседу, но порой переформулировал заданный вопрос, используя полные формы слов, например: «Какой пол?».

Особенности чередования участников «Анонимного чата ВКонтакте»

В работе «Простейшая систематика организации очередности в разговоре» Сакс, Щеглофф и Джефферсон пишут: «Череды ценят, их добиваются или их избегают. Социальная организация очередности распределяет череды между участниками. Она должна, по крайней мере частично, иметь форму экономики. Можно ожидать, что, подобно любым другим экономикам, ее организация будет влиять на относительное распределение того, что она организует»

¹ Есть интуитивные основания предполагать, что уточняющий вопрос задают люди, впервые пользующиеся подобными чатами.

[Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 149]. Попытаемся описать, как обстоят дела с «ценностью» чередов в рассматриваемом нами чате: сделать это можно благодаря тому, что техническая архитектура чата фиксирует время отправления сообщений, а также время, соответствующее началу и концу коммуникации. Мы пришли к выводу, что наиболее ценен первый черед, поскольку он в некотором смысле обуславливает дальнейшее распределение чередов.

По мнению Щеглоффа, начало разговора важно, как минимум, потому что именно в течение первых чередов акторы производят работу, в результате которой один из собеседников занимает так называемую якорную позицию, что, позволяет задать тему для разговора. Фактически же в начале беседы стороны могут «бороться» за утверждение или отклонение предложенной темы. Однако так или иначе, если обладатель якорной позиции задал тему, то отвечающий, вероятно, будет вынужден реагировать на это обстоятельство [Schegloff, 1986: 117]. Щеглофф утверждает, что начало беседы (речь идет о телефонных звонках), как правило, представляет собой четыре последовательности: вызов («summon») — ответ, взаимная идентификация, приветствие, обмен вопросами о «самочувствии» («How are you»). Однако, как было сказано выше, начало разговора сугубо контекстуально, зависит от степени знакомства говорящих, их статуса, среды (онлайн или офлайн), целей и т. д. Поэтому данные наблюдения Щеглоффа релевантны по большей части для телефонных звонков между людьми, обладающими определенной степенью знакомства. В нашем случае речь идет об анонимном онлайн-чате, поэтому, если пользоваться терминологией Щеглоффа, для нас наибольший аналитический интерес представляет последовательность чередов, связанная со взаимной идентификацией собеседников. Очевидно, что в силу отличия телефона от онлайн-чата неуместно говорить о последовательности «вызов — ответ», также мы практически не наблюдали последовательность, связанную с узнаванием собеседниками самочувствия друг друга.

Здесь следует обратиться к работе Лаурсен, которая формулирует следующее «нормативное правило»: «Исходное сообщение должно получить ответное сообщение» [Laurson, 2005: 56]. Также мы вслед за Лаурсен пока что рассматриваем только тип коммуникации, который может быть формализован с помощью следующей схемы: А — В — А — В (где А — сообщения, принадлежащие первому отправителю, а В — сообщения первого получателя) [Laurson, 2005: 54]. Более того, все нижеследующие примеры будут соответствовать тому, что Ян Хатчби и Ванита Танна называют сообщениями «простого формата» [Hutchby, Tanna, 2008: 147]. Различение простых и сложных сообщений связано с количеством действий, совершаемых в рамках того или иного сообщения. Под простыми сообщениями можно понимать просьбы («можно?»), приветствие («добрый день»), отказ («ни за что») и так далее. Сложными сообщениями будут являться любые высказывания, в которых совершается более чем одно действие, например: «Привет, можно занять у тебя сто динаров?» (приветствие и просьба) или «Я дома. Что сделать на ужин?» (констатация факта и вопрос). Обсуждать сообщения сложного формата в рамках данного текста мы практически не будем.

В процессе анализа мы обнаружили, что первое сообщение отправляется, как правило, мгновенно. Это может свидетельствовать о том, что участники коммуникации «борются» за право обладать первым чередом. Первый черед ценится главным образом потому, что владеющий им получает право задать интересующий его вопрос первым. Впрочем, это не значит, что за обладателем первого череда резервируется право на бесчисленное количество вопросов. Приведем несколько примеров¹:

«(02:04) А: м ж?
(02:04) В: ж
(02:04) А: м
(02:05) В: сколько лет?»

В данном случае мы наблюдаем следующую архитектуру ведения переписки: обладатель первого череда (А) использует третий черед для того, чтобы сообщить собеседнице В свой гендер, тем самым упуская возможность задать следующий вопрос. Право спрашивать переходит к собеседнице В.

«(11:15²) А: нд?
(11:16) В: н
(11:16) А: ск лет?
(11:16) В: 19»

Этот случай отличается от предыдущего тем, что обладатель первого череда (А) использует третий черед для того, чтобы продолжать задавать интересующие его вопросы. Собеседник В в четвертом чередѣ дает ответ.

«(22:17) А: м ж?
(22:18) В: ж
(22:19) А: тебе сколько?
(22:19) В: ты-то кто?»

Здесь мы наблюдаем то, о чем говорилось выше: обладание первым чередом не предоставляет собеседнику А гарантированного права на задавание вопросов. Собеседник В требует ответа от А, полагая, что обмен информацией о себе должен быть зеркален: это именно та экономика, о которой писал Сакс с соавторами. В данном случае подразумевается нечто вроде простого обмена: я называю свой гендер, ты называешь свой. Три описанные ситуации исчерпывают практически все возможные варианты такого рода формализованного обмена (напомним крайне важное обстоятельство: мы анализировали только сообщения «простого формата»). Единственное, что хотелось бы добавить: В может прервать череду вопросов А не на четвертом чередѣ, а позже, например:

¹ Во всех приводимых ниже беседах орфография и грамматика соответствует оригинальным перепискам.

² Здесь и далее в цитатах в скобках указано время отправления.

«(04:59) А: мд?
(04:59) В: д
(05:00) А: тебе сколько лет?
(05:01) В: 17
(05:01) А: зовут как?
(05:01) В: Вера
(05:01) А: откуда ты?
(05:02) В: ты сам для начала на свои вопросы ответь»

Мы видим, что прерывание происходит только на восьмом чередке. Этот кейс является некоторым расширением второго рассмотренного нами случая, но важно понимать, что прерывание не обязательно происходит в принципе. Также стоит отметить примечательный факт: В, не зная гендера А, тем не менее обращается к А, используя мужское местоимение «сам».

Теперь рассмотрим альтернативные случаи развития событий, все еще оставаясь в рамках сообщений «простого формата». Возможны случаи «наложения» сообщений, претендующих занять первый черед¹:

«(23:57) А: мд?
(23:57) В: м ж?»

В такой ситуации возможно несколько вариантов развития событий:

- 1) Один из собеседников довольно быстро называет свой гендер, второй называет свой гендер в ответ. Далее череды распределяются путем самоотбора (кто быстрее задаст следующий вопрос или напишет иную реплику).
- 2) Собеседники ждут, пока кто-либо из них не назовет свой гендер. Такое ожидание может длиться достаточно долго (впрочем, редко превышает минуту). Если один из собеседников (А) все-таки называет свой гендер, то второй (В) либо называет свой — в том случае, если гендер собеседника А оказывается предпочтительным, либо отключается, вероятно, по причине того, что гендер А оказался неpreferable.
- 3) Собеседники начинают выяснять, чьему сообщению все-таки принадлежит первый черед. Приведем ряд примеров этой ситуации:

«(18:44) А: парень или девушка?
(18:44) В: м д?
(18:45) А: походу одновременно отправили))
(18:46) В: ну, я м»

В данном примере ситуация довольно быстро разрешается, и условное «наложение» не вызывает серьезных последствий.

¹ Возникает вопрос, как собеседники понимают, что сообщения «наложились» друг на друга. Чат не указывает время отправки с точностью до секунды, поэтому наложение здесь скорее конструируется участниками переписки, нежели происходит независимо от них. Проще говоря, собеседники видят, что отправка их сообщений происходит синхронно и, уже исходя из этого, начинают действовать так, будто бы сообщения «наложились».

- «(11:43) А: пацан или девушка?
 (11:43) Б: м ж?
 (11:43) Б: мое сообщение было первым
 (11:44) А: нефиг. мое
 (11:44) Б: ничего не знаю
 (11:45) А: *отключается*»

В приведенном выше диалоге собеседникам не удастся восстановить очередность, в силу чего общение прекращается. Невозможность прийти к консенсусу отчасти обусловлена тем, что архитектура чата не позволяет верифицировать, какой из собеседников действительно был первым. Ввиду отсутствия такого «объективного рефери» общающимся приходится полагаться только на собственные коммуникативные усилия.

Рассмотрим еще один пример, касающийся «наложения». В отличие от предыдущих его можно считать слегка курьезным.

- «(02:17) А: м д?
 (02:17) В: девочка мальчика?
 (02: 18) А: что молчишь?
 (02:18) В: так я первая спросила
 (02: 18) А: ахах значит дэвушка
 (02:19) В: бл значит да походу, ахаха»

Рассматриваемая ситуация специфична по двум причинам. Во-первых, собеседник А с помощью вопроса «что молчишь?» не стремится утвердить факт «наложения» сообщений, а скорее задает вопрос более общего характера, пытаясь выяснить причину молчания В. В свою очередь, В своим сообщением подтверждает, что возникли некоторые проблемы с очередностью, которые теперь эксплицитно прояснены. Интересно, что в ходе своего высказывания В раскрывает свой гендер, однако эта условная ошибка решает проблему, связанную с очередностью, поскольку основная ставка первой пары сообщений (раскрытие собственного гендера) теряет свой смысл на четвертом черед.

Однако возможна ситуация, когда обладание первым чередом становится проблемой. Как было показано выше, если собеседник А задает вопрос касательно гендера первым, то в большинстве случаев В вынужден ответить на него (мы помним исходный тезис Лаурсен: «Исходное сообщение должно получить ответное сообщение»). Однако, как можно заметить, Лаурсен не утверждает, что ответное сообщение в необходимом порядке должно содержательно соответствовать первому. Приведем пример, когда резервирование за собой первого черед ведет к затруднению, а не к получению ответа.

- «А: м ж?
 Б: ну, тебе интересно — ты и ответь первым»

Мы снова наблюдаем, что по умолчанию используется мужская форма слова, хотя гендер собеседника не известен («первым»). Раньше мы уже

говорили, что в разговорной речи зачастую первым следует представление себя самого, а уже потом задается вопрос об имени собеседника (о гендере обычно спрашивать смысла нет, в силу его очевидности), или собеседник называет свое имя сам. В анонимной переписке в подавляющем большинстве случаев дело обстоит иначе. Приведенный выше пример является скорее исключением и больше соответствует модели представления себя, свойственной разговорной речи. Вероятно, здесь не существует никакого априорного решения вопроса о порядке очередности. Фразы «мой вопрос был первым» и «ты первый спросил, ты первый и отвечай» имеют разную механику назначения отвечающего. Вероятно, проблем не возникает, когда собеседники одновременно придерживаются принципа назначения отвечающего, соответствующего одной из этих фраз. Если они придерживаются принципов, принадлежащих разным фразам, то им потребуется совершить некоторую коммуникативную работу для того, чтобы все-таки назначить отвечающего. Анализ этой работы выходит за рамки данного текста.

Ранее мы говорили, что будем работать только с «простыми» сообщениями. Однако в завершение позволим себе очень кратко проанализировать один кейс, имеющий отношение к «сложным» сообщениям. Порой обладатель первого черед стремится использовать его с максимальной для себя пользой и задает в рамках одного сообщения сразу несколько вопросов. Приведем ряд примеров:

«А: М ж? Ск лет? Откуда?»

*В: *отключается**

«А: пд возраст»

В: не много вопросов сразу?»

В первом случае собеседник В отключается, во втором упрекает А в попытке использовать первый черед неким неверным образом. Мы склонны полагать, что большинство пользователей чата соблюдают правило «один вопрос за один черед» — это опять-таки согласуется с рассуждениями Сакса и его коллег об экономике обмена в рамках коммуникации.

Выводы

Мы продемонстрировали, что формирование очередности не менее значимо при текстовой коммуникации в онлайн, чем во время взаимодействия лицом к лицу. Особое внимание было уделено анализу значения обладания первым чередом. Мы показали, что он с большой долей вероятности способствует получению приоритетного права задавать вопросы собеседнику во время переписки. Важность обладания первым чередом в этом смысле, с одной стороны, является специфической особенностью анонимного онлайн-общения, однако, с другой, она может быть соотнесена с рядом ситуаций взаимодействия лицом к лицу, в рамках которых обладание первым чередом также может иметь

существенное значение. О значимости первого череда в офлайн-взаимодействии известно относительно давно. Еще Сакс и коллеги в своей программной статье ссылались на работы антропологов, исследовавших эту проблематику. Впрочем, как утверждают Сакс и соавторы, «Те подходы, которые напрямую обращались к очередности, верно оценивая ее глубокое значение и детальный характер ее организации, носили в основном программный характер либо имели очень слабую эмпирическую составляющую» [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 144].

Кроме того, мы показали, что большинство тезисов касательно формирования очередности, сформулированных Саксом для описания офлайн-взаимодействия, актуальны и для рассматриваемого чата. Распределение чередов после первого, скорее всего, будет иметь вид: А — В — А — В, что отсылает нас к первому тезису: «смена говорящего повторяется или как минимум происходит» [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 147]. Однако в то же время такая последовательность не является обязательной, что согласуется с шестым тезисом: «порядок чередов не фиксирован, а варьируется» [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 148]. Несмотря на то, что обладатель первого череда может получить некоторые преимущества (так как узнает некую информацию о собеседнике раньше, чем тот — о нем), все же обладание первым чередом, который, как мы показали выше, обычно используется для задавания вопроса о гендере, не гарантирует, что право задавать вопросы останется за обладателем первого череда, а обладателю второго череда всегда придется на них отвечать. Если рассматривать «вопрос» и «ответ» как членов «смежной пары», обладающих определенным содержанием, то вполне легитимно вспомнить о восьмом тезисе, который гласит, что «содержание чередов заранее не определено» [ibid:148]. Если в первом череде был задан вопрос, а во втором получен ответ, то нет никакой гарантии, что продолжится чередование вопросов и ответов. Впрочем, такое возможно. Также напомним, что даже на вопрос о гендере может быть получен не ответ, а к примеру, встречный вопрос. Эти выводы свидетельствуют о том, что механизмы формирования чередов важны для коммуникации в любой среде.

Однако, несмотря на то что феномен организации очередности как таковой имеет место в обеих средах — онлайн и офлайн, аффордансы онлайн-площадки, как тематические, так и технические, могут влиять на формирование очередности. В данном случае техническая невозможность однозначной идентификации наложения чередов друг на друга приводила к тому, что участники могли сталкиваться с проблемой определения, чей черед был первым.

В заключение еще раз прокомментируем идею о том, что аффордансы могут являться как ресурсом, так и ограничением. С одной стороны, анонимность исследуемого чата — ресурс, используя который, можно репрезентировать себя более свободно, чем в повседневной офлайн-жизни: можно говорить, что думаешь, не опасаясь каких-либо социальных санкций, сообщать ложные сведения относительно собственного гендера и возраста, и так далее. Однако, с другой стороны, мы видим, что взаимодействующие все равно склонны использовать начальные череды для процедуры идентификации друг друга. Мы рассмотрели только тактики определения гендера, однако, забегая вперед,

можем утверждать, что вслед за гендером собеседники зачастую идентифицируют возраст друг друга, порой — место жительства, а также просят прислать фотографии, тем самым во многом аннулируя ту анонимность, на условиях которой началась коммуникация. Более того, здравый смысл подсказывает, что в ответ на свои вопросы собеседники ожидают прочесть правду. То есть та же самая анонимность выступает в роли ограничения. Можно предположить, что тяжело коммуницировать с человеком, совершенно ничего о нем/ней не зная. Это ограничение участники взаимодействия пытаются преодолеть на первых чередях взаимодействия.

Литература

Сакс Х., Щеглофф Э., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологическое обозрение / Пер. с англ. А. Корбут. 2015. Т. 14. № 1. С. 142–202. EDN: TRRRAJ

Anderson J., Beard F., Walther J. Turn-Taking and the Local Management of Conversation in a Highly Simultaneous Computer-Mediated Communication System // Language@Internet. 2010. Vol. 7. P. 1–28.

Capron H. Computers: Tools for an Information Age (2nd ed.). Redwood City: Benjamin Cummings, 1990.

Cherny L. Conversation and Community: Chat in a Virtual World. Stanford: CSLI Publications, 1999.

Gibson J. The Ecological Approach to Visual Perception. New York: Psychology Press, 1986. DOI: <https://doi.org/10.2307/429816>

Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. New York: Basic Books, 1971. DOI: <https://doi.org/10.2307/2576707>

Greiffenhagen C., Watson R. “Teoria” e “Método” na CMC: identidade, género e tomada-detorno: uma abordagem etnometodológica e analítica conversacional // CMC, Identidades e Género: Teoria e Método / Ed. by A. Braga. Covilhã: Universidade da Beira Interior, 2005. P. 89–114.

Herring S. Interactional Coherence in CMC // Journal of Computer-Mediated Communication. 1999. Vol. 4. № 4. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1109/HICSS.1999.772674>

Hutchby I. Technologies, Texts and Affordances // Sociology. 2001. Vol. 35. № 2. P. 1–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0038038501000219>

Hutchby I., Tanna V. Aspects of Sequential Organization in Text Message Exchange // Discourse and Communication. 2008. Vol. 2 № 2. P. 143–164. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481307088481>

Jacknick C., Avni S. Shalom, Bitches: Epistemic Stance and Identity Work in Anonymously Online Forum // Discourse, Context and Media. 2017. Vol. 15. P. 54–64. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.DCM.2016.11.002>

Kasesniemi E. L. Mobile Messages. Young People and a New Communication Culture. Tampere: Tampere University Press, 2003.

Kiesler S., Zubrow D., Moses A., Geller V. Affect in Computer-Mediated Communication: An Experiment in Synchronous Terminal-to-Terminal Discussion // Human-Computer Interaction. 1985. Vol. 1. № 1. P. 77–104. DOI: https://doi.org/10.1207/S15327051HCI0101_3

Kitzinger C. Repair // The Handbook of Conversation Analysis. / Ed. by J. Sindell, T. Stivers. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2013. P. 229–256. DOI: <http://dx.doi.org/10.7565/landp.2013.003>

Laurson D. Please reply! The Replying Norm in Adolescent SMS Communication // The Inside Text: Social, Cultural and Design Perspectives on SMS / Ed. by R. Ling, P. Pedersen. Dordrecht: Springer, 2005. P. 53–73. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/1-4020-3060-6_4

Meredith J., Stokoe E. Repair: Comparing Facebook “Chat” with Spoken Interaction // Discourse & Communication. 2013. Vol. 8. № 2. P. 181–207. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481313510815>

- Meredith J. Conversation Analysis and Online Interaction // Research on Language and Social Interaction. 2019. Vol. 52. № 3. P. 241–256. DOI: <https://doi.org/10.1080/08351813.2019.1631040>
- Paulus T., Warren A., Lester J. Applying Conversation Analysis Methods to Online Talk: A Literature Review // Discourse, Context & Media. 2016. Vol. 12. № 3. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2016.04.001>
- Rintel E., Mulholland J., Pittam J. First Things First: Internet Relay Chat Openings // Journal of Computer-Mediated Communication. 2006. Vol. 6. № 3. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2001.tb00125.x>
- Sacks H. The Search for Help: No One to Turn to. Berkeley: University of California, 1966.
- Sacks H. Lectures on Conversation. Oxford: Blackwell Publishing, 1995.
- Schegloff E. Sequencing in Conversational Openings // American Anthropologist. 1968. Vol. 70. № 6. P. 1075–1095. DOI: <https://doi.org/10.1525/AA.1968.70.6.02A00030>
- Schegloff E., Sacks H. Opening Up Closings // Semiotica. 1973. Vol. 8. № 4. P. 289–327. DOI: <https://doi.org/10.1515/semi.1973.8.4.289>
- Schegloff E. The Routine as Achievement // Human Studies. 1986. Vol. 9. № 2. P. 111–151. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00148124>
- Schiffrin D. Opening Encounters // American Sociological Review. 1977. Vol. 42. № 5. P. 679–691.
- Schutz A., Luckmann T. The Structures of the Life-World. Evanston: Northwestern University Press, 1973. DOI: <https://doi.org/10.2307/1959185>
- Walther J. Synchronicity, Interactivity, and Entrainment in Computer-Mediated, Oral, and Written Communication. San Diego, 1996.
- Woolgar S. The Turn to Technology in Social Studies of Science // Science, Technology and Human Values. 1991. Vol. 16. № 1. P. 20–50. DOI: <https://doi.org/10.1177/016224399101600102>

Сведения об авторе:

Котельников Максим Павлович — аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** don.kotelnikov@yandex.ru. **ORCID ID:** 0000-0003-3946-6636.

Статья поступила в редакцию: 11.07.2022

Принята к публикации: 15.03.2023

.....

**The Formation of the Beginning of Dialogue
in Anonymous Online Communication¹**

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.3

Maxim. P. Kotelnikov HSE University, Moscow, Russia
E-mail: don.kotelnikov@yandex.ru

The main purpose of the article is to track and analyze the correlation of technical and semantic aspects of anonymous interaction on the web. The initial phase of communication between two interlocutors in the “Anonymous VKontakte chat” is empirically investigated. Combining

¹ The article was prepared on the materials of the master’s thesis defended by the author at the HSE University in 2022. URL: <https://www.hse.ru/en/ma/csa/students/diplomas/624888204> (accessed 10 December 2022).

the conceptual and methodological resources of conversational analysis and membership categorization analysis, as well as the theory of affordances adapted to technical objects (in this case, anonymous chat), the author defends the concept of the order of statements of anonymous interlocutors for successful interaction. Most visitors use the chat to search for short-term romantic and/or sexual communication, therefore, at the beginning of the correspondence, the interlocutors often seek to identify each other's gender identity using typical statements. The importance of having the first row is noted, since it is he who, with a high degree of probability, gives the priority right to ask a question about the gender identity of the interlocutor. However, this right does not negate the fact that sooner or later (rather sooner) the owner of the first turn will have to answer the questions of the interlocutor, so the anonymous interaction under consideration, through the communicative efforts of actors organized in the next order, tends to information symmetry.

Keywords: online chat; conversation analysis; anonymity; sequence; gender; communication

References

Anderson J., Beard F., Walther J. (2010) Turn-Taking and the Local Management of Conversation in a Highly Simultaneous Computer-Mediated Communication System. *Language@Internet*. Vol. 7. P. 1–28.

Capron H. (1990) *Computers: Tools for an Information Age (2nd ed.)*. Redwood City: Benjamin Cummings.

Cherny L (1999) *Conversation and Community: Chat in a Virtual World*. Stanford: CSLI Publications.

Gibson J. (1986) *The Ecological Approach to Visual Perception*. New York: Psychology Press.

DOI: <https://doi.org/10.2307/429816>

Goffman E. (1971) *Relations in Public: Microstudies of the Public Order*. New York: Basic Books.

DOI: <https://doi.org/10.2307/2576707>

Greiffenhagen C., Watson R. (2005) "Teoria" e "Método" na CMC: identidade, género e toma-da-detorno: uma abordagem etnometodológica e analítica conversacional. In: A. Braga (ed.) *CMC, Identidades e Género: Teoria e Método*. Covilhã: Universidade da Beira Interior. P. 89–114.

Herring S. (1999) Interactional Coherence in CMC. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 4. No. 4. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1109/HICSS.1999.772674>

Hutchby I. (2001) Technologies, Texts and Affordances. *Sociology*. Vol. 35. No. 2. P. 1–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0038038501000219>

Hutchby I., Tanna V. (2008) Aspects of Sequential Organization in Text Message Exchange. *Discourse and Communication*. Vol. 2. No. 2. P. 143–164. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481307088481>

Jacknick C., Avni S. (2017) Shalom, Bitches: Epistemic Stance and Identity Work in Anonymous Online Forum. *Discourse, Context and Media*. Vol. 15. P. 54–64. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.DCM.2016.11.002>

Kaseniemi E. L. (2003) *Mobile messages. Young People and a New Communication Culture*. Tampere: Tampere University Press.

Kiesler S., Zubrow D., Moses A., Geller V. (1985) Affect in Computer-Mediated Communication: An Experiment in Synchronous Terminal-to-Terminal Discussion. *Human-Computer Interaction*. Vol. 1. No. 1. P. 77–104. DOI: <https://doi.org/10.1207/S15327051HCI0101-3>

Kitzinger C. (2013) Repair. In: J. Sindell, T. Stivers. (eds.) *The Handbook of Conversation Analysis*. Wiley-Blackwell. P. 229–256. DOI: <http://dx.doi.org/10.7565/landp.2013.003>

Laursen D. (2005) Please reply! The Replying Norm in Adolescent SMS Communication. In: R. Ling, P. Pedersen (eds.) *The Inside Text: Social, Cultural and Design Perspectives on SMS*. Dordrecht: Springer. P. 53–73. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/1-4020-3060-6_4

- Meredith J., Stokoe E. (2013) Repair: Comparing Facebook "Chat" with Spoken Interaction. *Discourse & Communication*. Vol. 8. No. 2. P. 181–207. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481313510815>
- Meredith J. (2019) Conversation Analysis and Online Interaction. *Research on Language and Social Interaction*. Vol. 52. No. 3. P. 241–256. DOI: <https://doi.org/10.1080/08351813.2019.163-1040>
- Paulus T., Warren A., Lester J. (2016) Applying Conversation Analysis Methods to Online Talk: A Literature Review. *Discourse, Context & Media*. Vol. 12. No. 3. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2016.04.001>
- Rintel E., Mulholland J., Pittam J. (2006) First Things First: Internet Relay Chat Openings. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 6. No. 3. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2001.tb00125.x>
- Sacks H. (1966). *The Search for Help: No One to Turn to*. Berkeley: University of California.
- Sacks H. (1995) *Lectures on Conversation*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. (2015) Prostejshaya sistematika organizacii ocherednosti v razgovore [A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 14. No. 1. P. 142–202. (In Russ.)
- Schegloff E. (1968) Sequencing in Conversational Openings. *American Anthropologist*. Vol. 70. No. 6. P. 1075–1095. DOI: <https://doi.org/10.1525/AA.1968.70.6.02A00030>
- Schegloff E., Sacks H. (1973) Opening Up Closings. *Semiotica*. Vol. 8. No. 4. P. 289–327. DOI: <https://doi.org/10.1515/semi.1973.8.4.289>
- Schegloff E. (1986) The Routine as Achievement. *Human Studies*. Vol. 9. No. 2. P. 111–151. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00148124>
- Schiffrin D. (1977) Opening Encounters. *American Sociological Review*. Vol. 42. No. 5. P. 679–691.
- Schutz A., Luckmann T. (1973) *The Structures of the Life-World*. Evanston: Northwestern University Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/1959185>
- Walther J. (1996) *Synchronicity, interactivity, and entrainment in computer-mediated, oral, and written communication*. San Diego.
- Woolgar S. (1991) The Turn to Technology in Social Studies of Science. *Science, Technology and Human Values*. Vol. 16. No. 1. P. 20–50. DOI: <https://doi.org/10.1177/016224399101600102>

Author bio:

Maxim. P. Kotelnikov — Graduate Student, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** don.kotelnikov@yandex.ru. **ORCID ID:** 0000-0003-3946-6636.

Received: 11.07.2022
Accepted: 15.03.2023

Исследовательская рефлексия

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.4
EDN: BFQZVX

Репрезентативность качественных опросов

Ссылка для цитирования:

Белановский С. А. Репрезентативность качественных опросов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 1. С. 69–94. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.4>
EDN: BFQZVX

For citation:

Belanovskiy S. A. (2023) Representativeness of Qualitative Surveys. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 1. P. 69–94. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.4>

Белановский Сергей Александрович

Институт Народнохозяйственного прогнозирования РАН,
Москва, Россия

E-mail: sbelan@yandex.ru

Автор ставит под сомнение широко распространенное мнение, что качественные опросы (глубокие интервью и фокус-группы) никогда не смогут принять характер представительного исследования. Причина возникновения этой ошибочной, по мнению автора, точки зрения — неправомерный перенос критериев репрезентативности количественных исследований на качественные. В статье сформулирована математическая постановка задачи определения репрезентативной выборки качественных опросов. Сформулированы ограничения и дано решение в их рамках. Показано, что при соблюдении определенных условий репрезентативная выборка качественного опроса может составлять 15–40 респондентов, что соответствует исследовательской практике, базирующейся на эмпирических критериях достаточности.

Ключевые слова: выборка; популяция; рекрутинг; репрезентативность; качественные исследования; качественные опросы; теоретическое насыщение; глубокие интервью; фокус-группы

В данной статье анализируется возможность применения к качественным опросам¹ понятия репрезентативности в статистическом смысле этого слова. По мнению автора, репрезентативность качественных опросов часто оценивается по критериям количественных, что неправомерно. «Общая тенденция состоит в том, что исследователи ограничивают обсуждение выборки количественными исследованиями, а затем заявляют или подразумевают, что качественная выборка по своей природе непредставительна» [McMichael, 2008: 454].

Понятие репрезентативности позволяет исследователю принять решение о достаточности объема собранной информации или объема выборки. В качественных работах такое решение принимается интуитивно, на основе субъективных представлений исследователя и обобщения имеющегося опыта.

С нашей точки зрения, *математическая* оценка репрезентативности *некоторых* видов качественных исследований возможна, но требует иного математического подхода.

Понятие репрезентативности в качественных исследованиях

Понятие «репрезентативность» было введено в научный оборот как статистическое, означающее соответствие параметров выборки характеристикам популяции или генеральной совокупности. Репрезентативность определяет, насколько возможно результаты выборочного исследования переносить на всю генеральную совокупность.

Применительно к количественным социологическим опросам различают качественный и количественный аспекты репрезентативности выборки. Качественный аспект рассматривается как свойство учетных единиц наблюдения (объектов, респондентов) и принцип их отбора в выборочную совокупность. Количественный — это объем выборки, то есть число отобранных единиц. Важно учитывать, что слово «качественный» полисеманлично, поэтому «качественный аспект выборки» и «качественное социологическое исследование» не синонимы.

Авторы работ по методологии качественных исследований меняют смысл понятия «репрезентативность», понимая его как «репрезентацию реальности» [Страусс, Корбин, 2001: 23] или «отражение реальности в репрезентативных понятиях» [Страусс, Корбин, 2001: 157], а также как «репрезентативное обобщение» [Freeman et al., 2006: 27]. Эти трактовки основываются на изначальном значении слова *représentatif*, но не имеют отношения к статистическому понятию. Можно сказать, что понятие репрезентативности применительно к качественным исследованиям становится «качественным»: его смысл интуитивно понятен, но не имеет операционального определения. Это отмечают и сами сторонники методологии качественных исследований. «Идея выборки

¹ Слово «опрос» является производным от слова «спрашивать». В данной статье качественный опрос понимается как исследование, проведенное методом глубокого интервью в индивидуальном или групповом формате (фокус-группы).

в качественных исследованиях скользка даже в таких основных смыслах, как репрезентация, единица анализа и генеральная совокупность» [Nakkeeran, 2016: 44]. Понятие репрезентативности в такой трактовке становится близким к понятию «релевантность».

В данной статье мы хотим показать, что в отношении *некоторых* видов качественных исследований понятие репрезентативности может быть применено также и в статистическом, «количественном» смысле этого слова.

Качественные исследования и качественные опросы. Понятие качественных исследований не имеет четкого определения. Определение их как «методов социальных наук, ориентированных на исследование индивидов, понимание и объяснение субъективных аспектов их взаимодействия», представляется нам слишком широким и лишенным конкретного содержания.

Более операциональным может служить определение через совокупность используемых методов, которые являются не-количественными [Страусс, Корбин, 2001: 23]. Автор методологии «обоснованной теории» Ансельм Страусс определяет этот вид исследований так: «Под термином качественное исследование мы подразумеваем любой вид исследования, в котором исходные данные получаются нестатистическими или неколичественными способами» [там же]. Согласно Страуссу и другим авторам, такие исследования могут основываться на анализе широкого круга источников информации: интервью, дневников наблюдений, личных документов, публикаций в СМИ и др., включая даже статистические данные [Strauss, 1990: 44].

Здесь и далее предметом нашего рассмотрения являются качественные социологические *опросы*, которые понимаются как часть более общего понятия качественных исследований.

Массовые явления и социальные структуры. Социологические исследования делятся на изучение социальных структур и массовых явлений. Статистические методы оценки репрезентативности применимы только к объектам, которые могут быть представлены как массовое явление.

На этот аспект указывал экономист Ф. Хайек: «Занимающиеся статистикой не изучают общества. Общество есть совокупность структур, а не массовое явление» [Хайек, 2003: 186]. По нашему мнению, высказывание Хайека справедливо лишь отчасти, поскольку в обществе существуют социальные объекты, близкие к идеальному типу массового явления. К их числу могут быть отнесены экономические и политические рынки, многие другие социальные процессы, подчиняющиеся закону больших чисел¹.

Отмечаемый большинством социологов процесс «атомизации» современного общества увеличивает значимость исследований массовых явлений.

¹ Социальные структуры и массовые явления образуют идеально-типическую шкалу, на одном полюсе которой люди рассматриваются как совокупность взаимосвязанных индивидов, которая имеет внутреннее строение и обладает определенной устойчивостью групповых связей, а на другом — как совокупность автономных и не связанных друг с другом индивидов, «социальных атомов». Согласно теории социального атомизма индивид является «атомом» общества и, следовательно, объектом анализа. На этой теории (или постулате) построена теория выборки в количественных опросах. В данной статье мы распространяем этот постулат на некоторые виды качественных опросов.

Изучение *социальных структур* входит в задачу качественной социологии, причем ее методам зачастую нет альтернативы. Но понятие статистической репрезентативности к таким исследованиям неприменимо, за исключением случаев, когда в изучаемых структурах имеются сегменты, которые могут рассматриваться как массовые (например, массовые профессии на промышленных предприятиях). Однако социальные структуры не могут рассматриваться как массовые явления, поскольку в них есть много уникальных ролей и отношений, к которым это понятие неприменимо.

Итак, предметом нашего рассмотрения являются социальные *массовые явления*, изучаемые методами качественных опросов. К этим методам относятся индивидуальные глубокие интервью и фокус-группы. Первые используются при изучении и структур, и массовых явлений. Вторые — только при изучении массовых явлений.

Учетная единица качественного исследования. Методологи качественного подхода отмечают, что в их исследованиях человек или респондент, как правило, не является учетной единицей. Такой единицей является релевантный случай, которым в зависимости от целей исследования может быть мнение, наблюдение, событие или сообщение. В качественных исследованиях это если не общепринятый, то широко распространенный подход.

Так, А. Страусс пишет по этому поводу: «Поскольку мы ищем события и случаи, указывающие на феномены, а не подсчитываем индивидов как таковых, то каждое наблюдение, интервью или документ можно отнести к многочисленным примерам этих событий» [Страусс, Корбин, 2001: 158].

Аналогично другие авторы отмечают, что «в качественных исследованиях репрезентируемая “вселенная” не всегда является населением. Речь идет о репрезентативности случаев, релевантных создаваемой теории» [Nakkeeran, 2016: 44]. «В качественных исследованиях единицы выборки очень разнообразны, гибки и редко ограничиваются людьми» [Gentles, Calling, 2017: 4].

Создание выборки релевантных случаев «представляет собой непрерывный процесс, происходящий в течение всего периода сбора данных в связи с меняющимися критериями релевантности. Не существует априорной стратегии выборки, так как она развивается по ходу исследования» [Nakkeeran, 2016: 46].

Обращает на себя внимание, что Н. Наккеран использует понятие «вселенная (Universe) релевантных случаев» вместо принятого в количественной методологии статистического термина «генеральная совокупность». В России близким по смыслу термином можно, наверное, считать выражение «мир мнений».

Респондент как учетная единица. Может ли «мир мнений» рассматриваться как генеральная совокупность, к которой применима количественная теория выборки? Теоретически, наверное, да. Однако на практике мнение не является объектом, непосредственно доступным для наблюдения и учета.

При работе со стенограммами интервью или фокус-групп исследователь отбирает и типологизирует релевантные высказывания. Однако источником высказываний является человек. Поэтому в качественных опросах для того,

чтобы получить выборку (тезаурус) мнений, необходимо сначала создать выборку респондентов.

Таким образом, хотя большинство исследователей, придерживающихся качественной методологии, считают, что единицей выборки является не человек, а релевантное высказывание, они правы лишь отчасти. Если говорить о единицах *анализа*, то они правы. Но если говорить о процедуре отбора *источников* высказываний, то учетной единицей становится респондент. Следовательно, методические вопросы формирования выборки *людей* для таких опросов остаются в повестке дня.

Вывод. Общепринятые понятия репрезентативности в количественных и качественных методологиях имеют разный смысл, являются омонимами. Однако мы считаем, что применительно к некоторым видам качественных исследований данное понятие может быть использовано в «количественном» смысле этого слова. Конкретно речь идет об исследованиях массовых представлений общественного мнения, осуществляемых методами качественных опросов, в которых учетной единицей является респондент.

Создание типологий как цель качественного исследования

Систематизация социальных явлений. Цель изучения массовых социальных явлений обычно состоит в выявлении и классификации релевантных высказываний по определенному кругу вопросов. В социологии этот путь называют конструированием типологий или систематизацией явлений по принципу их родства.

Социальная популяция редко бывает гомогенной. Обычно она гетерогенна, и эта гетерогенность является предметом исследования. Один из инструментов изучения таких объектов — типологизация.

Типология является идеальной конструкцией, создаваемой для упорядочения гетерогенной реальности. Метод создания таких конструкций восходит к учению М. Вебера об идеальных типах. По Веберу, идеальный тип «формируется односторонним акцентированием одной или более точек зрения и синтезом очень многих расплывчатых, более или менее разрозненных, имеющих налицо или по временам отсутствующих конкретных индивидуальных явлений, которые организуются в соответствии с этими односторонне подчеркиваемыми точками зрения в единую логическую конструкцию» [Вебер, 1990: 469].

По аналогии с гносеологическим учением И. Канта природа идеальных типов и типологий является синтетической (логико-эмпирической). В основе типологий лежат эмпирические наблюдения, которые логически упорядочиваются исследователем. Получившаяся конструкция вновь соотносится с наблюдаемыми явлениями [Гайденко, 1990: 23].

В социологии основным инструментом создания типологий являются качественные исследования. Неслучайно их называют «открытыми». Открытость

состоит в том, что в них отсутствует заранее заданный набор переменных. Последние выявляются в процессе самого исследования.

Целью многих количественных исследований тоже является типологизация изучаемой гетерогенной реальности, однако ее возможности ограничены изначально заложенным в инструментарий набором переменных. Поэтому вклад количественных исследований в упорядочивание реальности обычно сводится к установлению количественных пропорций между типологическими случаями.

Многоступенчатый процесс конструирования типологий в качественных исследованиях первоначально состоит в определении списка (тезауруса) релевантных высказываний, которые затем подвергаются агрегированию и логической обработке.

Релевантность типологических случаев. С формальной точки зрения для получения эмпирической основы при создании типологий достаточно выявить один-единственный случай, формирующий определенную позицию в идеально-типической системе координат. Однако на практике не каждый выявленный случай включается в типологическую картину.

Причин существует две. Первая состоит в появлении какого-то числа заведомо нерелевантных и порой довольно странных высказываний. К примеру, в маркетинговой фокус-группе может прозвучать сообщение, что некий респондент общался с инопланетянами. Исследователи знают, что нечто подобное порой можно услышать. Однако такие высказывания в буквальном смысле единичны, то есть они не повторяются ни в одной другой группе (хотя могут встречаться неадекватные высказывания с другим смысловым содержанием).

Вторая причина состоит в том, что любое исследование ограничено разумной степенью точности. Так, при изучении брендов исследователя обычно интересует либо ограниченное число доминирующих брендов, либо некое число брендов, занимающих специфичную маркетинговую нишу. Прочие бренды рассматриваются как нерелевантные, не подлежащие включению в выборку.

Таким образом, для создания типологии достаточно единичного случая при условии отсека заведомо неадекватных и нерелевантных, которые исключаются из рассмотрения. С учетом этой оговорки для доказательства существования значимого типологического случая требуется некоторое, пусть небольшое количество однотипных высказываний. Так, появление одного-двух близких по смыслу высказываний в нескольких, порой территориально разобщенных фокус-группах является основанием для серьезного отношения к этому сегменту.

Сказанное не означает, что опросное качественное исследование может ограничиться опросом одного респондента. Объем выборки должен быть таков, чтобы в ней не был упущен ни один важный типологический случай. С заданной вероятностью в ней должны быть представлены все значимые сегменты.

Об ошибочном понимании репрезентативности качественных исследований. Приведем пример ошибочной трактовки репрезентативности качественного исследования с позиций количественной методологии. Весной 2020 года «Группа Белановского» провела ряд исследований идеологического спектра российского общества. Опрос проводился методом глубокого интервью. Рекрутинг осуществлялся через интернет методом снежного кома, всего было опрошено более 200 респондентов, представлявших разные взгляды. Были выявлены три сегмента: «либералы/демократы», идейно противостоящие им «имперцы» и «неопределившиеся», мировоззрение которых является смешением обеих крайностей¹. В группе «демократов» были выявлены два субсегмента: «рыночники» и «социалисты».

Эти исследования были подвергнуты критике с позиций количественной методологии. В частности, директор «Левада-Центра»² Д. Волков охарактеризовал наше исследование как нерепрезентативное и некорректное. «Не нужно быть специалистом, чтобы понимать, что опросы “добровольцев”, подобранных в интернете, телефонные опросы знакомых и 2–3 разрозненные фокус-группы не могут дать сколько-нибудь верного представления о настроениях в обществе»³. Правда, в другом месте автор критики отмечает: «они (Группа Белановского) описали возможные типы, но насколько они распространены, непонятно»⁴.

Необходимо отметить, что на следующем этапе исследования мы провели количественный опрос, в котором были определены доли названных сегментов⁵. Но здесь важнее подчеркнуть, что создание типологии представляет собой самостоятельный этап исследования, основанный на иных критериях репрезентативности. Критика Д. Волкова была бы справедливой, если бы он указал, что в результате искажения выборки в ней могли отсутствовать некоторые важные сегменты, а те, что включены, маргинальны и не подлежат включению в типологию. Однако как раз в этом пункте критик признает результаты исследования валидными.

Вывод. Для создания типологий достаточно сравнительно небольшого числа релевантных случаев, доказывающих их существование в популяции. Объем выборки должен обеспечить представленность этих случаев хотя бы в единичных экземплярах. Полученная типология сама по себе не позволяет оценить численное соотношение сегментов, но может быть положена в основу количественного исследования, направленного на решение этой задачи.

¹ Конец «Путинского большинства»: о чем на самом деле говорится в докладе группы Белановского // Forbes. 2020 г. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/403121-konec-putinskogo-bolshinstva-o-chem-na-samom-dele-govoritsya-v-doklade-gruppy> (дата обращения: 12.12.2022).

² АНО «Аналитический центр Юрия Левады» включен в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента по решению Минюста.

³ Ждут ли Россию великие потрясения // Левада-Центр. 2020 г. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/1-0/zhdut-li-rossiyu-velikie-potryaseniya/> (дата обращения: 12.12.2022). АНО «Аналитический центр Юрия Левады» включен в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента по решению Минюста.

⁴ Эксперты предупредили о возможности новых массовых протестов в России // Ведомости. 2020 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/06/04/831966-novih-protestov> (дата обращения: 12.12.2022).

⁵ Доли определялись по экспериментальной методике. Авторы предлагали профессиональному сообществу обсудить ее, но обсуждения не последовало.

Социальная популяция и ее сегменты в контексте репрезентативности

Генеральная совокупность и популяция. В нашем понимании это синонимичные термины, однако применительно к качественным исследованиям обычно используется второй, поскольку в таких исследованиях часто изучаются сравнительно узкие целевые группы.

Социальной популяцией называется совокупность индивидов, обладающих единым признаком или совокупностью признаков.

С формальной точки зрения социальной популяцией может быть названа любая совокупность людей, объединенных по определенному признаку. Важно, что признаки должны поддаваться операционализации. Несоблюдение этого принципа ведет к появлению неопределенных множеств типа «гениальные люди». Однако в зависимости от целей исследования такие множества могут быть операционализированы путем введения соответствующего критерия, например, «авторы рейтинговых работ» или «нобелевские лауреаты». Иными словами, для корректного отбора индивидов или кейсов необходимо максимально четко обозначить границы изучаемой группы до тех пор, пока не станет ясно, сколько именно элементов в ней содержится и что это за элементы.

В зависимости от объема признака границы популяции могут быть широкими или узкими.

Как и социальные группы вообще, популяции делятся на номинальные (формально выделенные по какому-то признаку) и реальные (общности людей, в которых имеются связи и отношения). В прикладных исследованиях чаще изучаются номинальные группы, в том числе демографические, а также такие как розничные покупатели, электорат, получатели пособий и др.

Релевантность границ популяции и признаков вытекает из целей исследования. Формального алгоритма здесь нет, решение принимает исследователь исходя из стоящих перед ним задач.

Выборка респондентов из популяций, соответствующих типу массового явления, осуществляется случайным отбором так называемых типичных представителей. «Типичного представителя зачисляют в выборку потому, что он “такой же, как другие”, то есть не имеет ярко выраженных отличий от представителей своей социальной группы» [Gorden, 1987: 138].

В качественных исследованиях используются также выборки, основанные на специфичных и не всегда операциональных критериях типа «наиболее осведомленный информант» [Malterud, 2016: 42]. Такие выборки не являются случайными и не могут оцениваться по формальным критериям.

Сегменты популяции и их иерархия. В большинстве исследований предметом изучения выступают характеристики не только популяции, но и ее сегментов.

Популяция делится на сегменты по правилам логического деления понятий. Эти правила одинаковы для количественных и качественных исследований, но в данном случае мы ограничимся рассмотрением качественных.

Существуют задачи, в которых требуется определить некий параметр только для генеральной совокупности. К примеру, в электоральных исследованиях это определение рейтингов кандидатов. При этом пол, возраст, этническая принадлежность и другие признаки не учитываются, так как все избиратели равны перед законом.

Однако для выборных штабов анализ сегментов важен для определения наиболее перспективных целевых групп и разработки соответствующих «посланий» (месседжей). К примеру, кандидат может апеллировать к гендерным, возрастным, расселенческим, профессиональным и другим группам, учитывая их специфические интересы.

Сегменты могут образовывать определенную иерархию, поскольку каждый из них может быть разделен на сегменты следующего уровня. Так, все взрослое население может быть разделено на мужчин и женщин, далее на возрастные группы, затем по уровню образования и т. д. Теоретически число ступеней деления может быть бесконечным, но на практике обычно используются одна-две ступени.

Первичные и вторичные сегменты. В качественных исследованиях сегменты могут быть разделены на первичные и вторичные, основанные на независимых и зависимых переменных соответственно. Первые закладываются в основу рекрутингового отбора. Вторые распределяются случайным образом (простая случайная выборка).

В качестве первичных признаков часто выступают объективно измеряемые характеристики, такие как пол, возраст, регион и др. Но могут применяться и субъективные критерии, например приверженность к какому-то бренду. В последнем случае при формировании выборки используется метод фильтрации, а также рекрутинг в местах скопления целевых респондентов (например, у входа в соответствующий магазин), метод снежного кома и др.

Совмещение объективных и субъективных рекрутинговых признаков случается редко, поскольку это ведет к сильному удорожанию и утяжелению исследования, зачастую без значимого приращения результатов. «При формировании фокус-групп социально-демографические характеристики респондентов либо играют главную роль, либо не играют никакой роли, если в основу кладутся маркетинговые критерии» [Goldman et al., 1988: 195].

Если первичные признаки составляют основу рекрутинга, то вторичные обычно являются предметом исследования. Они образуют сегменты нижестоящего уровня, о которых исследователь хочет получить информацию. Состав сегментов и их доли в популяции иногда бывают известны заранее, но далеко не всегда. В последнем случае цель исследования заключается в выявлении как самих сегментов, так и характерных для них признаков, мотиваций и систем аргументации.

К примеру, в нашем исследовании электората В. Жириновского в 2012 году были выявлены три отчетливо различимых сегмента, которые в фокус-группах были представлены примерно равными долями:

- радикально настроенный русский националистический сегмент с характерными для него антииммигрантскими настроениями («полиция не защищает русских»);

- сегмент, которому нравятся хулиганские выходки Жириновского и устраиваемые им шоу («*мне просто нравится этот раздолбай*»);
- сегмент, которому нравится выход Жириновского за пределы политкорректности и обсуждение им запретных тем («*Жириновский говорит умные вещи*»).

Внутри каждого подобного сегмента есть мотивы и аргументы, которые могут образовывать следующую ступень деления, однако исследователи обычно не заходят столь глубоко, ограничиваясь высказываниями, прозвучавших в сегментах предыдущего уровня.

Основания сегментирования. С формальной точки зрения логические основания, которые исследователь может положить в основу сегментирования, могут быть любыми. Однако практика исследований обычно ограничивается следующей типичной схемой, состоящей из трех уровней. Назовем их условно: уровень брендов, уровень мотиваций и лексический уровень.

На первом уровне популяция делится на сторонников и противников определенных идейных позиций (например, дозволенности или запрета определенных действий) либо на приверженцев определенных брендов (маркетинговых или электоральных). В зависимости от целей исследователь может выбрать в качестве первого уровня деления и другие основания.

На второй ступени среди сторонников определенного мнения или бренда выявляются сегменты, различающиеся по мотивациям и аргументам сделанного выбора, как в случае со сторонниками Жириновского. Сегменты могут разделяться на субсегменты подобно тому, как в нашем исследовании «демократы» разделились на «рыночников» и «социалистов».

На третьей ступени выявляются лексические различия в выражении сходных по смыслу мнений. Как известно, форма и лексический состав выражения мыслей обладают значительной вариабельностью. Выявление этих вариантов позволяет уточнить как сами мысли, так и формы их выражения. В практике составления отчетов принято приводить несколько примеров выражения сходных мыслей для обозначения диапазона возможных формулировок и смысловых оттенков.

Дискретность мнений. В массовом сознании мнения по тому или иному вопросу не бывают бесконечно разнообразными и не образуют непрерывного спектра. Число преобладающих мнений обычно невелико. Оно колеблется в диапазоне от двух до четырех. Порой встречается и почти полный консенсус. За рамками этих доминирующих мнений остаются редкие, маргинальные и «оригинальные», часто уникальные, то есть не повторяющиеся у других респондентов. За исключением особых случаев такие высказывания исключаются из рассмотрения.

Несколько иная ситуация возникает с брендами, количество которых в том или ином сегменте рынка может достигать одного-двух десятков. Специфика брендов состоит в том, что они не являются непосредственным продуктом работы общественного сознания, а создаются рыночным предложением, более разнообразным, чем спонтанно возникающие мнения. Однако и в этом случае число исследуемых мнений ограничивается относительно небольшим

числом либо преобладающих, либо занимающих специфичную рыночную нишу брендов.

Промежуточные мнения, как правило, бывают колеблющимися и эклектичными, построенными в логике «с одной стороны ... с другой стороны». Такие мнения могут рассматриваться как особый сегмент, именуемый политологами «болотом». В электоральных исследованиях изучение «болота» бывает важным, поскольку именно оно часто решает исход голосования.

Сегмент versus популяция. Сегменты популяции могут рассматриваться либо как части широкой генеральной совокупности, либо как самостоятельные (более узкие) генеральные совокупности. Последние, в свою очередь, делятся на сегменты следующего уровня.

При необходимости углубления информации исследователь может принять решение считать популяцией не всю генеральную совокупность, а лишь сторонников определенного бренда или мнения. Сегментами первого уровня в этом случае будут их мотивы и аргументы, а рекрутинг будет осуществляться методом подбора целевых респондентов.

Теоретически исследователь может спуститься еще на один уровень и принять решение считать популяцией только тех сторонников бренда, которые выдвигают определенный мотив своего выбора (например, сторонников Жириновского — радикальных националистов). Предметом изучения тогда станет детализация мотива и, возможно, его дальнейшая сегментация. Но на практике столь глубокое разделение сегментов обычно непродуктивно и используется редко.

При наличии нескольких целевых сегментов перед исследователем возникает дилемма: рекрутировать в качестве респондентов представителей широкой популяции или только сторонников отдельных целевых сегментов, формируя отдельные (сегрегированные) группы.

Рассмотрим условный пример. Предположим, исследователя интересуют сторонники некоторых основных брендов (обычно от двух до четырех), преобладающих на рынке или в электорате. Он может собрать определенное число либо «населенческих», либо целевых групп.

Оба варианта имеют свои преимущества и недостатки. «Населенческие» группы проще собрать, и они дешевле. В них меньше искажений рекрутинга. Поскольку мы говорим об изучении значимых по численности сегментов, их представительство при достаточном объеме выборки будет надежно обеспечено. В результате исследователь получит достаточное число релевантных высказываний по каждому сегменту, выделяя их из общего массива.

Рекрутинг целевых групп часто бывает затруднен и дорог. Это порой вынуждает исследователя идти по населенческому пути. Однако у целевых групп есть важные преимущества. При целенаправленном рекрутинге точка зрения сторонников исследуемого бренда усиливается эффектом фасилитации и видна более выпукло. При населенческом рекрутинге эти аспекты смазываются.

Целевые группы позволяют также увидеть некоторые специфичные моменты. Например, критерий наличия или отсутствия в данной группе ярых поклонников определенной точки зрения или бренда («фанатов»). Примерами

могут служить ядро сторонников Ю. Лужкова в 1990-е и В. Путина в начале 2000-х годов. Исчезновение «фанатов» при стабильных рейтингах (или даже при их росте!) — важный симптом для аналитика, хорошо заметный в целевых группах, но неразличимый в населенческих.

Широкий населенческий рекрутинг дает полный обзор значимых сегментов популяции, но не позволяет получить глубокие знания о каждом из них, ограничиваясь изучением первого и отчасти второго уровня сегментации. Узкий целевой рекрутинг дает возможность начать сразу со второго уровня с переходом на третий. Преимуществом первого является широта полученной информации, преимуществом второго — ее глубина.

Выше рассматривался случай, когда цель исследования заключалась в изучении сегментов, составляющих значительную часть популяции (условно более 20%). Малозначимые сегменты в таком случае отсекаются (не считаются значимыми). Но бывают противоположные случаи, когда именно такие сегменты являются целевыми. Тогда исследователь делает их популяциями, а мотивы и аргументы — сегментами нижестоящего уровня.

Вывод. Социальные популяции по структуре часто напоминают «матрешку», поскольку делятся на сегменты и субсегменты, образуя несколько ступеней деления. Важный вопрос для исследователя состоит в том, какой уровень деления считать популяцией (генеральной совокупностью), а какой — первой ступенью деления сегментов. Широкие популяции позволяют охватить весь спектр мнений или брендов, узкие — глубже изучить мотивы и лексические особенности выражения мнений.

Эмпирическая оценка репрезентативности качественных опросов

Концепция теоретического насыщения. В практике исследований оценка достаточности массива собранной информации основывается на концепции теоретического насыщения.

А. Страусс описывает работу этой концепции так: аналитик читает собранный им массив текстов (стенограмм интервью, дневников наблюдений и т. п.), отмечая случаи, релевантные изучаемой проблеме. В какой-то момент наступает насыщение: искомые случаи начинают повторяться, а новые встречаются все реже и в конце концов практически перестают появляться [Strauss, 1990: 63]. «Как долго вы должны продолжать делать выборку (релевантных случаев — С.Б.)? Общее правило заключается в том, чтобы делать выборку до тех пор, пока не будет достигнуто теоретическое насыщение по каждой категории» [Страусс, Корбин, 2001: 155]. Граница насыщения устанавливается субъективно.

Процесс насыщения можно описать в статистических терминах, поскольку по мере увеличения объема первичных текстов вероятность появления новых случаев убывает и в конце концов становится минимальной, хотя по закону асимптотического приближения не становится равной нулю.

В формализованном виде эта граница могла бы быть выражена неким числом, отражающим предельно низкую вероятность появления новых случаев при дальнейшем увеличении массива. Однако на практике такой метод оценки репрезентативности не используется, так как построить соответствующий график можно только постфактум¹.

Об отсутствии количественного критерия насыщения в качественных исследованиях пишут многие авторы. «В литературе по качественным исследованиям термин “насыщение” не является дискретным и формально различимым этапом сбора данных. Как и почему считается, что оно достигнуто, определяется рефлексией исследователя» [Malterud et al., 2016: 1757].

Эмпирическое определение порога насыщения. Репрезентативность выборки может быть верифицирована не только математически, но и эмпирически — исходя из принципа насыщения. Это справедливо как для качественных, так и для количественных опросов.

Для нас показателен иллюстративный пример, взятый из книги Э. Ноэль «Массовые опросы»: «Обсуждая с посетителями проблемы достоверности данных массового опроса, им объясняют, что по одной-двум тысячам интервью можно судить о мнениях или желаниях взрослого населения Западной Германии, превышающего 40 миллионов. Им показывают на диаграмме, как выглядят результаты опроса по данным, полученным от первой сотни, затем от двухсот, трехсот поступающих с территории ФРГ интервью. Посетители могут видеть, как довольно быстро — после восьмисот или тысячи анкет — результаты стабилизируются и последующие тысяча, две и более анкет уже не приносят существенных изменений» [Ноэль, 1978: 86].

В этом примере просматривается аналогия с качественными опросами. Практика показывает, что в качественном исследовании в однородной популяции (примером могут служить покупатели определенного продукта) по мере увеличения числа опрошенных постепенно достигается насыщение, которое выражается в том, что высказанные мнения начинают повторяться, а количественные пропорции стабилизируются.

Индивидуальные интервью. Если совокупность обследуемых индивидов рассматривается как однородная популяция, целесообразная численность респондентов составляет 20–30 человек. Эта цифра определена из практического опыта многих исследователей, включая и автора данной статьи.

В качестве примера сошлемся на французского социолога Алена де Вульпона, специализирующегося на изучении трендов общественного сознания с помощью индивидуального глубокого интервью. В начале 1990-х годов на семинаре в ЦЭМИ РАН он сообщил, что первоначально опрашивал по 50 человек, но затем убедился, что вполне достаточно 20 (устное сообщение).

¹ Концепция теоретического насыщения близка к концепции убывающей предельной полезности в экономике, согласно которой каждая следующая единица продукта обладает меньшей полезностью, чем предыдущая. В обобщенном виде эта концепция не оцифровывается и дается в учебниках в виде иллюстративного графика. Для отдельных рынков соответствующая кривая может быть построена, но только постфактум, на основе полученных ранее эмпирических данных.

Некоторые авторы называют еще меньшие числа. «Целевая выборка из шести-десяти участников с разным опытом может предоставить достаточную информацию для описания различных практик самообслуживания больных диабетом». Правда, для обоснования столь малой выборки автор вводит понятие информационной мощности, что делает ее неслучайной [Malterud, 2016: 1757].

Фокус-группы. В нашем понимании метод фокус-групп предназначен не для достижения группового консенсуса по К. Левину, а для составления тезауруса индивидуальных мнений, глубина раскрытия и лексическое разнообразие которых усиливается эффектом фасилитации [Белановский, 2022: 224; Белановский, Никольская, 2021: 99; Белановский, Никольская, 2022: 373]. Поэтому объем фокус-групповой выборки будет учитываться в модели по числу участвующих респондентов. Типичное число респондентов в одной группе — десять человек.

Считается общепризнанным, что наиболее целесообразное количество фокус-групп в одном исследовании находится в диапазоне от 3 до 12 [Greenbaum, 1988: 93]. С точки зрения объема выборки можно провести и большее число групп, формальная репрезентативность от этого только возрастет. Однако при анализе чрезмерно больших текстовых массивов исследователь испытывает субъективные затруднения: его внимание ослабляется, и он может впасть в состояние «истощения и оцепенения» [Greenbaum, 1988: 94]. Значительная часть массива в этом случае не включается в анализ и становится «лишней».

Практика показывает, что проведение 6–12 фокус-групп вполне достаточно, чтобы даже редкие мнения прозвучали хотя бы один-два раза (обычно бывает чаще). По нашему мнению, при увеличении масштаба исследования в пределах однородной популяции состав основных мнений уже не меняется.

Такой же точки зрения придерживается российский социолог М. Волькенштейн, занимающаяся фокус-группами с 1990-х годов. Она считает, после проведения шести фокус-групп в однородной популяции новые мнения практически перестают появляться (устное сообщение).

Вывод. В качественных исследованиях эмпирические оценки достаточно выборки основаны на концепции теоретического насыщения. Эти оценки являются интуитивными и потому неконкретными. Перейдем к вопросу о возможности их математической формализации.

Математическая модель оценки репрезентативности качественных опросов

Основные допущения. Математические модели работают с идеальными объектами и потому основаны на определенных допущениях. В нашем случае допущения таковы:

1. Рассматриваются не качественные исследования вообще, а только качественные опросы.
2. Предмет исследования — массовые представления (мнения), но не социальные структуры.

3. Единицей отбора в выборке является респондент (носитель мнения).
4. Внутри популяции респонденты рекрутируются простым случайным отбором.
5. Условие идеальной популяции: каждый респондент имеет мнение, релевантное исследуемому вопросу.
6. Один человек является носителем только одного мнения. Высказанные мнения однозначны по смыслу.
7. Промежуточные эклектичные мнения либо исключаются из рассмотрения, либо рассматриваются как особый сегмент. Во многих исследованиях изучение так называемого болота (неустойчивых эклектичных мнений) — важная релевантная задача.

Постановка задачи. С точки зрения социолога, ориентированного на количественные методы, объем выборки от 20 до 100 человек кажется некорректным, поскольку доверительный интервал и доверительная вероятность в привычном понимании явно ниже приемлемых значений. Однако качественные исследования не предназначены для ответа на вопрос «сколько?», поэтому математическая постановка задачи для должна быть иной.

Соответствие характеристик выборки и генеральной совокупности может оцениваться по разным критериям. В количественных социологических опросах им является совпадение долей определенного набора признаков с заданной точностью и уровнем доверия.

Но существуют классы задач, для которых релевантным критерием будет наличие или отсутствие в выборке хотя бы одного объекта с определенным признаком. Такие задачи соответствуют качественным исследованиям.

Рассмотрим подобные задачи.

Задача 1. Это классическая задача количественного исследования, которая приведена здесь для сравнения с последующими. Требуется определить величину случайной выборки, при которой с заданной точностью и заданным уровнем доверия численное соотношение мнений будет соответствовать их распределению в генеральной совокупности. Под заданной точностью понимается максимально возможное расхождение долей сегментов в выборочной и генеральной совокупностях.

Смысл задачи. Для некоторых практических целей бывает необходимо с заданной точностью определить долю объектов, обладающих определенным признаком в генеральной совокупности, не прибегая к сплошному пересчету. Задача актуальна не только для определения социологических рейтингов. К примеру, может быть поставлена задача, насколько частота встречаемости определенного слова в массиве текстов может быть экстраполирована на всю совокупность слов в языке. Эта задача близка к реальности при составлении частотных словарей.

Задача 2. Определить величину случайной выборки, при которой с заданной точностью и заданным уровнем доверия существующие в популяции мнения будут представлены в выборке хотя бы одним высказыванием. Под заданной точностью понимается доля сегментов в генеральной совокупности $n\%$, ниже которой названное условие может не соблюдаться, то есть реже

встречающееся мнение может не попасть в выборку. Эту задачу мы будем называть *доказательством существования*.

Смысл задачи. Для некоторых практических целей требуется с заданной вероятностью определить, встречается определенный признак в генеральной совокупности или нет (либо его доля пренебрежительно мала). Появление этого признака можно назвать эмпирическим доказательством существования. При этом задача количественного определения частоты встречаемости не ставится.

Попадание в выборку определенного мнения рассматривается как доказанный факт его существования. В выборку с какой-то вероятностью могут попасть и редкие, маргинальные мнения, однако их доли в генеральной совокупности меньше установленных условиями задачи $n\%$. Их существование тоже является доказанным фактом, однако попадания в выборку может не произойти. Но если их доля равна или больше $n\%$, их попадание в выборку с заданной вероятностью гарантировано. Задача актуальна не только для социологических исследований. Например, она может быть поставлена при выявлении существования определенных организмов в биологических пробах.

На практике вторая задача часто предшествует первой. Так, существование австралийского животного утконоса было доказано по одной-единственной шкуре, завезенной в Европу. При этом численность популяции, ареал обитания и прочие характеристики были установлены намного позднее. Но без доказательства существования эти задачи не могли быть решены.

Возвращаемся к социологии. Как уже говорилось, цель качественного опроса — выявить существующие релевантные мнения, в том числе непредвиденные [Мертон и др., 2019: 38]. Цель — создание тезауруса мнений и типологий на их основе. Точные количественные доли на этапе качественного исследования не важны и при необходимости могут быть определены после.

Таким образом, если в количественных исследованиях требуется определить объем выборки, обеспечивающей заданную точность значения рейтингов, то в качественных нужно определить минимальный объем выборки, обеспечивающий (с заданной точностью) попадание в нее мнений, релевантных целям исследования.

Задача 3. Определить величину случайной выборки, при которой с заданной точностью и заданным уровнем доверия каждое существующее в популяции мнение будет представлено в выборке не меньше, чем тремя высказываниями. Прочие условия — как в задаче 2. Критерий трех высказываний взят условно, на его месте может быть поставлено любое число, однако для практики социологических исследований это условие наиболее актуально.

Смысл задачи. Мнения, высказываемые респондентами в социологических опросах, разделяются на массовые и немассовые (редкие, маргинальные или неадекватные), доля которых в популяции меньше установленной $n\%$. При решении задачи 2 нет возможности строго определить, является ли высказанное мнение массовым или маргинальным. Если же некое мнение прозвучало неоднократно (условно — три и более раза), оно может быть признано массовым. Разделение высказываний на массовые и маргинальные может быть

описано в специальной математической модели, однако мы ограничимся принятием «правила трех случаев».

Решение задач. Задача 1 и ее решение описано во всех учебниках по количественной социологии, поэтому здесь рассматриваться не будет. Остановимся на задачах 2 и 3.

Оценим величину выборки, при которой респондент, представляющий определенное мнение, будет фигурировать в ней хотя бы раз, при уровнях доверия 99%, 95% и 90%. Эта величина будет зависеть от:

- требуемого условиями задачи минимального числа респондентов с определенным мнением (в наших примерах это 1 и 3);
- числа и доли сегментов с определенными мнениями в генеральной совокупности.

Теоретически распределение долей сегментов может быть любым, но мы ограничимся рассмотрением некоторых типовых случаев, встречающихся на практике.

1. Доля сегмента 100%, что соответствует полному консенсусу. Эту ситуацию можно сравнить с выборами советской эпохи, когда доля проголосовавших за блок коммунистов и беспартийных по официальным данным составляла 99,9%. В современных условиях подобная ситуация возникает в случае целенаправленного отбора сторонников определенного мнения или бренда. Это не означает, что среди них не окажется представителей нижестоящих уровней сегментации с разными мотивациями и лексическими формами выражения мыслей. Однако при идеальном рекрутинге доля сегмента первого уровня составит 100%, а вероятность попадания в выборку целевых респондентов по определению будет равна 1.

2. Доля сегмента 90%. Оставшиеся 10% считаются маргинальными, они не являются предметом изучения и их попадание в выборку не обязательно. Важно, чтобы рекрутингом был охвачен хотя бы один или три представителя преобладающего (целевого) большинства.

3. Два равных по численности сегмента (50: 50%). Оба сегмента значимы по численности, поэтому задача ставится так: необходимо попадание в выборку хотя бы одного или трех представителей *каждого* сегмента.

4. Три равных по численности сегмента (33: 33: 33%) с тем же условием.

5. Четыре равных по численности сегмента (25: 25: 25: 25%) с тем же условием.

6. Соотношение сегментов 90: 10, но требуется, чтобы в выборку попал хотя бы один или три представителя малого сегмента. Данная задача распадается на две. В первом случае вероятность попадания в выборку большого сегмента принимается за 100%. Во втором случае требуется соблюдение условия для каждого сегмента. Расчеты показывают, что при округлении до целых величин искомые числа не меняются. Это справедливо для обоих случаев (с одним или с тремя респондентами).

7. Соотношение сегментов 95: 5. Требуется, чтобы в выборку попал хотя бы один или три представителя малого сегмента.

Результаты расчетов даны в таблице 1, сами расчеты приведены в [Приложении к статье](#)¹.

Таблица 1

Объемы качественной выборки при различных долях сегментов

Уровень доверия	Доли сегментов, %						
№ столбцов	1	2	3	4	5	6	7
Доли сегментов	100	90	50:50	33:33:33	25:25:25:25	10	5
<i>А. В выборку попадает хотя бы один респондент</i>							
99%	1	2	8	15	21	44	90
95%	1	2	6	11	16	29	59
90%	1	1	5	9	13	22	45
<i>Б. В выборку попадают не менее трех респондентов</i>							
99%	3	5	15	26	38*	81	165
95%	3	5	12	21	34*	61	124
90%	3	4	11	18	30*	52	105

* Данные получены путем экстраполяции значений по соотношениям в других сегментах.

Анализ результатов

Создание обобщенной формулы. В таблицах представлены дискретные данные по отдельным случаям соотношения сегментов и числа респондентов, попадающих в выборку. В перспективе представляется возможным создать обобщенную формулу для определения величины качественной выборки для любых соотношений названных величин. На основе такой формулы может быть создан калькулятор, подобный тому, который используется для расчета выборки в количественных исследованиях.

Объем выборки предсказуемо возрастает при переходе от значимых сегментов к меньшим (маргинальным), а также при переходе от случая «один респондент» к случаю «три респондента».

В целом получившиеся объемы выборок относительно невелики и во многих случаях меньше, чем используемые на практике. Важно оговорить, что речь идет о выборках, составленных из целевых респондентов. Степень «разбавления» выборки нецелевыми и маргинальными респондентами зависит от многих факторов, которые невозможно учесть в модели. При правильном рекрутинге их число бывает невелико и ими можно пренебречь. Если же число таких респондентов становится значимым, необходимо уточнять алгоритм рекрутинга.

Случай «одного респондента». Появление в выборке единичного респондента с определенным мнением ставит перед исследователем ряд проблем.

¹ Расчеты произведены социологом-математиком, который просил не указывать его имя.

Прежде всего, исследователь должен оценить релевантность мнения и его адекватность предмету обсуждения. Эту оценку исследователь делает субъективно. Неадекватные мнения отсеиваются.

Единичное мнение не позволяет сделать вывод, является ли оно типичным для некоторого небольшого, но значимого сегмента, обоснованно попавшего в выборку, или оказалось в выборке случайно, то есть оно столь редкое и маргинальное, что в дальнейшей работе его не следует учитывать.

Наконец, единичное высказывание доказывает существование определенного мнения лишь на верхнем уровне деления сегментов, то есть на уровне брендов. Но оно не позволяет углубить исследование — перейти к оценке разнообразия мнений на уровне мотиваций и лексическом уровне. В единичном высказывании может прозвучать только один мотив и одна форма выражения мысли, чего недостаточно для полноценного построения типологии.

Тем не менее появление единичного, но релевантного высказывания сигнализирует исследователю о возможном существовании малого важного сегмента. В этом случае он может принять решение целенаправленно его изучить.

Для наиболее распространенного случая трех примерно равных по численности сегментов при уровне доверия 99% достаточно опросить 15 целевых респондентов, чтобы получить хотя бы по одному высказыванию в каждом. При уровне доверия 90% это число снижается до 8.

Случай «трех респондентов». Появление в выборке трех респондентов с близкими мнениями свидетельствует о существовании реального сегмента, хотя строгий математический критерий для такого вывода нами не разработан. Три респондента позволяют с определенной степенью достоверности определить наличие различных субсегментов, мотиваций и лексических форм.

Для случая трех сегментов при уровне доверия 99% необходимо опросить 26 целевых респондентов, чтобы получить не менее трех высказываний по каждому сегменту. При уровне доверия 90% число респондентов снижается до 18.

Малые сегменты. В нашем случае малыми сегментами мы будем считать 10% и 5% от численности популяции. Изучать их можно либо в рамках большой выборки, включающей в себя все значимые сегменты (как правило, это населенческая выборка), либо созданием целевых групп.

Применительно к населенческим группам при уровне доверия 99% для случая «одного представителя» 10% сегмента требуется опросить 44 респондента (5 фокус-групп), 5% сегмента — 90 респондентов (9 фокус-групп). Для случая «трех представителей» потребуются соответственно 8 и 17 фокус-групп. Эти числа отражаются в сложившейся практике проведения исследований.

Если принимается решение проводить опрос целевым образом, то при идеальной фильтрации нужно опросить одного респондента для случая «одного представителя» и трех — для случая «трех представителей». Если же допустить, что процедура фильтрации дает 10-процентную ошибку, необходимое число респондентов при уровне доверия 99% увеличится соответственно до двух и пяти. На практике для страховки от каких-либо искажений названные

величины могут быть с небольшими затратами увеличены до десяти, то есть до объема одной фокус-группы. Такое увеличение точности не противоречит целям исследования.

Если исследователя интересует только сегмент, представленный в популяции малыми долями, изучение его с помощью широкой (населенческой) выборки нецелесообразно и расточительно. Если же исследователю важны все значимые сегменты популяции, использование широких выборок необходимо.

Нижестоящие уровни сегментации. При близкой к идеальной процедуре фильтрации целевых респондентов исследователь пропускает первый уровень сегментации (уровень брендов) и сразу переходит ко второму (уровню мотивов). Тем самым он возвращается к исходной задаче, поскольку целевые респонденты становятся популяцией, а сегментами — основания выбора. Выше мы писали, что в типичном случае число основных мотивов находится в диапазоне от двух до четырех, в наиболее распространенном случае — три. Для последнего случая при соблюдении условия «трех представителей» необходимо опросить 26 отфильтрованных респондентов, или провести три целевых фокус-группы.

Объяснение расхождений с количественными опросами. В качественных исследованиях не принято определять точные доли сегментов, выраженных процентами. Допускаются лишь приближенные оценки типа «большинство», «меньшинство» и «примерно поровну». При этом исследователи, имеющие в своем распоряжении качественные и количественные данные по одному и тому же вопросу, нередко сталкиваются с ситуацией, когда «большинство» в фокус-группах превращается в очевидное «меньшинство» в количественном опросе, и наоборот.

Объяснений обычно выдвигается два. Первое состоит в количественной ошибке выборки, которая в качественных исследованиях действительно велика. Второе предполагает, что в фокус-группах или глубоких интервью люди отвечают несколько иначе, чем в количественных опросах. К сожалению, нам неизвестны эксперименты, направленные на проверку второй гипотезы, хотя основания для ее выдвижения, безусловно, есть. Очевидно, на результаты исследования в определенной мере влияют оба фактора.

Наши расчеты позволяют дать оценку влияния первой гипотезы в числовых величинах. Возьмем для примера случай двух равных сегментов (50: 50) при соблюдении условия «трех представителей». При уровне доверия 99% нам необходимо опросить 15 респондентов, чтобы в выборке оказалось не менее трех представителей каждого сегмента. Если один из сегментов будет представлен тремя респондентами, то второй, соответственно, двенадцатью, то есть явным большинством. Возможна и обратная ситуация, а также случай «примерно поровну». Это означает, что в качественных исследованиях даже оценками «большинство — меньшинство» следует пользоваться с осторожностью. Более важны статистические оценки правомерности зачисления некоего случая в типологию или оставления его без внимания.

Вывод. Для создания репрезентативной выборки по качественным критериям достаточно небольшого числа респондентов, от единиц до нескольких

десятков. Во многих случаях необходимое число респондентов даже меньше, чем то, которое используется на практике. Правда, этот вывод касается идеальной популяции и идеального рекрутинга.

Практические факторы, влияющие на величину выборки

В исследовательской практике существуют факторы, влияющие на величину выборки как в сторону ее уменьшения, так и в сторону ее увеличения. Мы не беремся рассматривать этот вопрос в полном объеме, но остановимся на некоторых факторах.

А. Уменьшение выборки

«Удвоение» высказываний. Многие респонденты высказывают не одно, а несколько релевантных мнений. Часто это касается сообщений о пережитом опыте, будь то потребительские инсайты, случаи конфликтных ситуаций и др. Некоторые респонденты подкрепляют свою мысль ссылкой не только на свой личный опыт, но и на опыт близких знакомых, попавших в ситуацию, соответствующую теме обсуждения. Даже в тех случаях, когда интервьюер, согласно инструкции, просит апеллировать только к личному опыту, люди в своих высказываниях могут опираться сразу на несколько ситуаций своего многократного опыта. По этой причине количество релевантных высказываний может увеличиваться без увеличения числа респондентов (условно — удваиваться). При проведении больших серий фокус-групп или интервью массив релевантных высказываний с учетом «удвоения» может стать достаточным и при меньших объемах выборки.

Сходного мнения придерживаются и другие авторы: «В контексте качественного исследования мы предпочитаем использовать термин информант, а не респондент. Это различие помогает дополнительно выделить тот аспект, что респондент дает информацию не только о себе, но и обо всей жизни своего сообщества, которое он представляет. Обычное определение выборки в этих ситуациях не подходит» [Malterud, 2016: 44].

Эффект «удвоения» при исследовании разных вопросов не одинаков, поэтому его трудно учесть в математической модели. Он меньше касается мотиваций и реакций на предъявляемые стимулы. Однако в отношении пережитого опыта этот эффект реален, он снижает требования к величине выборки.

Б. Увеличение выборки

Неоднородность популяции. Расчеты, результаты которых приведены выше, сделаны применительно к идеальной популяции с точки зрения ее однородности. Реальные популяции в той или иной мере отличаются от этого идеального типа. В первую очередь это касается населенческих групп. Известно, что социально-демографические и населенческие сегменты обладают определенной спецификой. Это приводит к необходимости

сегрегировать группу [Мертон и др., 2019: 38]. Из-за расширения охвата разных социальных групп выборка может увеличиваться по сравнению с расчетными показателями.

Социально-демографические группы редко сегрегируются в сравнительных целях, поскольку результаты фокус-групп не являются консенсусными, и их прямое сравнение затруднено. В социально-демографических сегментах звучат в основном одни и те же мнения, но в разных пропорциях, и порой в разных формулировках. Цель состоит в пополнении тезауруса и достижении уверенности, что важный типологический случай не будет упущен. Лишь при увеличении числа респондентов в каждом сегменте до репрезентативного уровня исследователь может с осторожностью перейти к выдвижению сравнительных гипотез [Greenbaum, 1988: 211], но в этом случае сравниваемые сегменты становятся популяциями.

Недостижимость респондентов. Эта проблема в равной мере касается качественных и количественных исследований. В количественных исследованиях достижимость респондентов в поквартирных опросах у ведущих российских полстеров обычно составляет от одной четверти до одной трети, если не применяются специальные меры стимулирования. Мнения прочих потенциальных респондентов, строго говоря, остаются неизвестными.

Относительно фокус-групп ситуация схожая, однако статистика достижимости отсутствует. Очевидно, что достижимость сильно зависит от метода рекрутинга. Влияние этого фактора оценить трудно, но мы считаем, что увеличение выборки может в какой-то мере компенсировать сдвиг, связанный с недостижимостью.

Фактор низких доходов. Поскольку участие в фокус-группах оплачивается, это создает сдвиг в сторону малообеспеченного населения.

Сдвиг выборки уменьшает вероятность появления мнений или высказываний, характерных для более высокодоходных групп. Тем не менее принадлежность респондента к определенному социальному слою или группе не на 100% детерминирует его взгляды. Поэтому и в таком случае мы считаем, что увеличение выборки респондентов может *отчасти* компенсировать этот сдвиг, особенно если речь идет о смежных доходных группах. Разумеется, правильнее собрать специальные группы с более высоким доходом респондентов. Для представителей среднего класса это вполне решаемая задача. Однако бюджет исследования не всегда позволяет идти по этому пути.

Нецелевые респонденты. Даже при добросовестном рекрутинге нельзя исключать того, что в выборку попадет какое-то число нецелевых респондентов. Особенно актуальна эта проблема для малых выборок в сегментах типа 90: 10, где целевой группой является сегмент 90%, а объем репрезентативной выборки очень мал. Практическая рекомендация может состоять в том, что малые расчетные выборки следует увеличивать до 10 респондентов, то есть до одной стандартной фокус-группы. В прочих случаях, возможно, расчетную величину выборки для подстраховки стоит увеличивать на 10%.

Респонденты-профессионалы. К сожалению, такой метод рекрутинга не ушел в прошлое. Однако этот случай находится за рамками корректно проведенного исследования, поэтому мы его не рассматриваем.

Вывод. Реальные популяции и реальный рекрутинг могут вносить коррективы в определение объемов выборки, но, с нашей точки зрения, не очень большие. При этом следует учитывать, что значительное увеличение выборки сверх расчетных величин наряду с ростом финансовых затрат ведет к снижению коэффициента использования результатов: число повторяющихся релевантных случаев становится столь значительным, что в результате существенная их часть оказывается невостребованной и не используется в отчете.

Заключение

Широко распространенное мнение, что качественные опросы (интервью и фокус-группы) никогда не могут принять характер репрезентативного исследования, представляется нам неверным, поскольку данная позиция не учитывает, что критерии репрезентативности количественных и качественных исследований различаются. Уточненная постановка математической задачи (с учетом определенных допущений, отражающих типичные практические случаи) приводит к выводу, что для получения тезауруса релевантных мнений достаточно опросить сравнительно небольшое число респондентов (от единиц до нескольких десятков). Этот математический результат по порядку величин совпадает с исследовательской практикой, ориентирующейся на эмпирические оценки достаточности выборки.

Подобная постановка вопроса представляется инновационной как в российской, так и в зарубежной литературе. Принятие наших аргументов научным сообществом потребует корректировки общепринятых установок о критериях репрезентативности качественных исследований, которые зачастую смешиваются с критериями количественного подхода.

Автор отдает себе отчет, что лишь наметил путь к изучению данного вопроса, который потребует дальнейшего более глубокого исследования.

Литература

- Белановский С. Глубокое интервью и фокус-группы. М.: Директ-Медиа, 2022.
- Белановский С., Никольская А. Что не так с фокус-группами? // ЭКО. 2021. Т. 51. № 6. С. 99–118. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-6-99-118> EDN: UDTZHO
- Белановский С., Никольская А. К Дискуссии о фокус-группах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 373–393. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1994> EDN: OLFZAP
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гайденко П. Социология Макса Вебера // Избранные произведения М. Вебера. М.: Прогресс, 1990. С. 5–43. EDN: SHZQHV
- Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью. М: ВЦИОМ, 2019.
- Ноэль Э. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. М: Прогресс, 1978.

Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования / Пер. с англ. Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Хайёк Ф. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003.

Freeman E., Marrais K., Preissle J., Roulston K., Pierre E. Standards of Evidence in Qualitative Research: An Incitement to Discourse // Educational Researcher. Vol. 36. № 1. P. 25–32. 2006. DOI: <http://dx.doi.org/10.3102/0013189X06298009>

Gentles S., Calling S. For a Shared Understanding of Sampling Terminology in Qualitative Research: Proposed Clarifications Derived From Critical Analysis of a Methods Overview by McCrae and Purssell // International Journal of Qualitative Methods. 2017. Vol. 16. P. 1–7. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1609406917725678>

Goldman A., McDonald S. The Group Depth Interview: Principles and Practices Cliffs. New Jersey: Prentice-Hall. 1988.

Gorden L. R. Interviewing: Strategy, Techniques and Tactics. Chicago: The Dorsey Press, 1987.

Greenbaum T. The Practical Handbook and Guide to Focus Group Research. Lexington: Lexington Books, 1988.

Nakkeeran N. Is Sampling a Misnomer in Qualitative Research? // Society Sociological Bulletin. Vol. 65. № 1. 2016. P. 40–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0038022920160103>

Malterud K., Siersma V., Guassora A. Sample Size in Qualitative Interview Studies: Guided by Information Power // Qualitative Health Research. 2016. Vol. 26. № 13. P. 1753–1760. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732315617444>

McMichael A. A Primer for Technical Communicators. Texas Tech University // Journal of Business and Technical Communication. Vol. 22. № 4. 2008. P. 454–473. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1050651908320362>

Strauss A. Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques. Newbury Park: SAGE Publications, 1990. DOI: <https://doi.org/10.2307/2074814>

Сведения об авторе:

Белановский Сергей Александрович — кандидат экономических наук, ведущий инженер, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия. **E-mail:** sbelan@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 73431; **ORCID ID:** 0000-0002-4993-1944.

Статья поступила в редакцию: 13.06.2022

Принята к публикации: 15.03.2023

.....

Representativeness of Qualitative Surveys

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.4

Sergey A. Belanovskiy IEF RAS, Moscow, Russia
E-mail: sbelan@yandex.ru

The author challenges the widely held belief that qualitative surveys (in-depth interviews and focus groups) will never be considered as a representative study. The origins of this erroneous, according to the author, point of view is an incorrect transfer of criteria for the representativeness

of quantitative studies to qualitative ones. The article formulates a mathematical statement the task of determining a representative sample of qualitative surveys. The article provides the solution of the task taking into account relevant constraints. It is shown that under certain conditions representative sample of qualitatively study may be 15–40 respondents, which corresponds to research practice based on empirical criteria for sufficiency.

Keywords: sampling; population; recruiting; representativeness; qualitative research; qualitative surveys; theoretical saturation; in-depth interviews; focus groups

References

- Belanovskij S. (2022) *Glubokoe interv`yu i fokus-grupp* [In-Depth Interview and Focus Groups]. Moscow: Direct-Media. (In Russ.)
- Belanovskij S., Nikolskaya A. (2021) Chto ne tak s fokus-gruppami? [What is Wrong with Focus Groups]. *ECO*. Vol. 51. No. 6. P. 99–118. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-6-99-118>
- Belanovskij S., Nikol'skaya A. (2022) K diskussii o fokus-gruppax [To the Discussion on Focus Groups]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social`ny`e perezmeny`* [Public Opinion Monitoring]. No. 3. P. 373–393. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1994>
- Freeman E., Marrais K., Preissle J., Roulston K., Pierre E. (2006) Standards of Evidence in Qualitative Research: An Incitement to Discourse. *Educational Researcher*. Vol. 36. No. 1. P. 25–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.3102/0013189X06298009>
- Gajdenko P. (1990) *Sociologiya Maksa Vebera* [Max Weber's Sociology]. *Izbrannye proizvedeniya M. Vebera* [M. Weber's Selected Works]. Moscow: Progress. P. 5–43. (In Russ.)
- Gentles S., Calling S. (2017) For a Shared Understanding of Sampling Terminology in Qualitative Research: Proposed Clarifications Derived From Critical Analysis of a Methods Overview by McCrae and Purssell. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 16. P. 1–7. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1609406917725678>
- Goldman A., McDonald S. (1988) *The Group Depth Interview: Principles and Practices* Cliffs. New Jersey: Prentice-Hall.
- Gorden L.R. (1987) *Interviewing: Strategy, Techniques and Tactics*. Chicago: The Dorsey Press.
- Greenbaum T. (1988) *The Practical Handbook and Guide to Focus Group Research*. Lexington: Lexington Books.
- Hayek F. (2003) *Kontrrevolyuciya nauki. E`tyudy` o zloupotrebleniyax razumom* [The Counter-Revolution of Science. Studies on the Abuse of Reason]. Moscow: OGI. (In Russ.)
- Malterud K., Siersma V., Guassora A. (2016) Sample Size in Qualitative Interview Studies: Guided by Information Power. *Qualitative Health Research*. Vol. 26. No. 13. P. 1753–1760. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732315617444>
- McMichael A. (2008) A Primer for Technical Communicators. Texas Tech University. *Journal of Business and Technical Communication*. Vol. 22. No. 4. P. 454–473. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1050651908320362>
- Merton R., Fiske M., Kendall P. (2019) *Fokusirovannoe interv`yu* [The Focused Interview]. Moscow: VCIOM. (In Russ.)
- Nakkeeran N. (2016) Is Sampling a Misnomer in Qualitative Research? *Society Sociological Bulletin*. Vol. 65. No. 1. P. 40–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/003802292-0160103>
- Noel E. (1978) *Massovy`e oprosy`. Vvedenie v metodiku demoskopii* [Mass Polls. Introduction to the Demoscopy Methodology]. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Strauss A., Korbin D. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya* [Basics of Qualitative Research]. Transl. from Eng. by T.S. Vasileva. Moscow: URSS. (In Russ.)

Strauss A. (1990) *Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques*. Newbury Park: SAGE Publications. DOI: <https://doi.org/10.2307/2074814>

Weber M. (1990) *Izbranny`e proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress. (In Russ.)

Author bio:

Sergey A. Belanovskiy — Candidate of Economics, Leading Engineer, Institute of Economic Forecasting RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** sbelan@yandex.ru.
RSCI Author ID: 73431; **ORCID ID:** 0000-0002-4993-1944.

Received: 13.06.2022

Accepted: 15.03.2023

ИНТЕР-энциклопедия качественных методов

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.5
EDN: BYLIOU

ИНТЕР-энциклопедия: интервью с детьми¹

Ссылка для цитирования:

Савинская О. Б. ИНТЕР-энциклопедия: интервью с детьми // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 1. С. 95–103. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.5> EDN: BYLIOU

For citation:

Savinskaya O. B. (2023) INTER-Encyclopedia: Interviewing Children. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 1. P. 95–103. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.5>

Савинская Ольга Борисовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
E-mail: osavinskaya@hse.ru

В статье представлен краткий обзор метода интервью для изучения мнения детей, их жизненного опыта, эмоциональных переживаний. Анализ метода основан на принципах новой социологии детства: равноправное общение, агентность детей, вовлечение в принятие решений, касающихся жизни детей. Дается определение методической инклюзии как механизма адаптации метода к особенностям социальной группы. Выделены и описаны следующие аспекты метода: глубокая проработка сценария интервью с учетом особенностей возраста; включение элементов геймификации и проективных методик в сценарий интервью; выбор места проведения интервью; подбор интервьюеров и более тщательный инструктаж; динамичное ведение интервью с переключением видов деятельности; гибкость ведения интервью в соответствии с индивидуальными особенностями и развитием ребенка; контакт с родителем или другим ответственным лицом до и после интервью.

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ключевые слова: новая социология детства; интервьюирование детей; методическая инклюзия; геймификация; стимульный материал и среда

Новая социология детства, активно заявившая о себе к 90-ым годам XX века, и ратовавшая за включение детей в принятие решений, касающихся их жизни, сформировала запрос на упорядочивание методологии и методов сбора данных с участием детей. Это коснулось прежде всего метода получения информации от детей — метода интервью и его современных «цифровых» вариаций.

Востребованность интервью с детьми. Человеческая жизнь начинается с этапа детства, который представляет собой относительно длительную часть жизни человека. Традиционная социология предполагает, что маленький человек еще не обладает достаточными знаниями, опытом, мировоззрением, и потому нет исследовательской необходимости его опрашивать. Образовательные и другие социальные организации, связанные с детством, конструировались с точки зрения взрослых как экспертов и специалистов по работе с детьми, при этом мнение детей не учитывалось. Максимум, чему уделялось внимание, это наблюдение за детьми для сбора материала для последующего экспертного осмысления взрослыми. Дети рассматривались не как агенты социальных преобразований, а скорее как пассивные их приобретатели, осваивающие в процессе социализации предложенный взрослыми социальный порядок.

Однако, рынок и активно развивающиеся маркетинговые исследования, стремящиеся угодить любой аудитории потребителей, в том числе и детской, привели к осознанной необходимости детального изучения детской мотивации, основываясь прежде всего на разных видах интервью. Повышению значимости детского взгляда при изучении связанных с детством социальных феноменов и процессов способствовали социальные революции XX века (например, расовые, этнические, гендерные), на фоне которых возникали поколенческие культурные разрывы, выявляя специфику разных возрастных групп и новых поколений. Стало очевидно, что дети являются не только потенциально, но и актуально значимой социальной группой общества со своими особыми умениями и практиками освоения социального мира. К 1990-ым годам эти постулаты по отношению к детству оформились как «новая социология детства» [James, 2007; Митрофанова, 2016; Ерыпылева, 2019].

Новое позиционирование детей в исследовательской деятельности с неизбежностью повлияло на корректировку социальной методологии [Паскаль, Бертрам, 2016]. Интервьюирование детей начинает применяться в самых разных сферах изучения общества как касающихся непосредственно детского возраста (например, образование [Савинская, 2018], социальные услуги для детей [Савинская, Истомина, 2019], подростковые субкультуры), так и людей самых разных возрастных групп (жизнь и перемещения в городе [Филиппова, Бухтиярова, 2022], потребление цифровых гаджетов и сервисов, досуга и коммуникаций [Колосова, Березина, 2022]).

Методическая инклюзия. Для адаптации социологических методов сбора данных при работе с детьми для установления комфортных отношений с ребенком на всех этапах исследовательского процесса используются знания не только из социологии, но и из педагогики, лингвистики, психологии. Такую подстройку метода под социальную группу, в данном случае — детей, можно назвать *методической инклюзией*.

Возраст. Основной критерий, из которого нужно исходить при адаптации метода интервью, — это возраст ребенка. Предложенные психологами стадии развития ребенка уже нашли свое отражение в структуре института образования, где выделяется дошкольный, младший школьный и школьный возраст и для каждого возраста разработаны свои методики обучения. Эти этапы взросления предопределяют и техники организации интервью. Если для дошкольного возраста релевантно применение только широкого спектра проективных методик, наблюдения за игрой и за внеигровой деятельностью, то начиная с 6–7 лет, в общение с ребенком добавляют (прото)нарративные техники расспрашивания, предполагающие диалогическое обсуждение последовательности событий с некоторыми элементами оценки отдельных практик, рефлексия эмоционального состояния в процессе обсуждения отдельных событий. К средней школе (дети старше 10 лет) спектр методов интервьюирования расширяется. Детский нарратив становится все более уверенным и здесь уместно формализованное интервью и анкетирование детей. Не только техники интервьюирования меняются в зависимости от возраста, но и методы анализа полученного материала: если на дошкольном уровне образный, ассоциативный характер данных требует одних методик анализа, то на более поздних этапах взросления, при сборе данных, предполагающих более рациональное мышление, расширяется и спектр методик анализа.

Планирование стратегии общения с ребенком. Подготовка к полевому исследованию начинается с погружения в мир детства и анализа изучаемой темы [Осорина, 2018]. Это погружение с неизбежностью сигнализирует исследователю, что игра, которая является ключевой формой жизнедеятельности ребенка, требует *геймификации сценария интервью* или же включения в разговор различных *проективных методик* для стимулирования фантазийности беседы. Подобный подход считается нормативным основанием данного метода. Поэтому при планировании гайда и сквозного сюжета разговора имеет смысл включить элементы геймификации, которые помогут не только удерживать интерес к беседе, но и будут демонстрировать принятие исследователем детских приоритетов общения. Игровой сюжет не только помогает вовлечь ребенка в комфортное общение, но и помогает давать более ясные ответы [Rollins, McCabe, Bliss, 2000]. Дети часто говорят более короткими репликами, в предшкольном и младшем школьном возрасте их рассказы обычно скупы, не сложилась готовность и умение высказывать негативное мнение [Rytel, 2006]. Сюжетная линия помогает вписать реплики участников игры в контекст сюжета. Проективные методики играют схожую роль — задавая смысловое пространство для ассоциаций (речевых, рисуночных, поведенческих (психодрама), вещных и т. д.), интервьюер упрощает ребенку возможность выбора

репертуара самовыражения [O'Reilly, Parker, 2014] и рефлексии относительно своего выбора и его обоснования. Проективные методики хороши не только для дошкольников, но и подростков. При этом они будут существенно различаться в зависимости от когнитивных возможностей возрастной группы. Хорошими заданиями в гайде будут считаться те, которые задают тонус и заинтересованность в теме разговора-игры, но при этом не утомляют ребенка.

Иногда саму ситуацию интервью, когда один спрашивает, а другой — отвечает, ребенок может воспринять как вариант ролевой игры и получать удовольствие от того, что он оказался в новой для него «экспертной» позиции. Он может сам спровоцировать уход от изначально задуманной сюжетной игры. Если «игра в интервью» с точки зрения исследователя дает хороший познавательный эффект — изначально поставленные задачи хорошо раскрываются в разговоре, — то можно по ходу перестроить беседу на «обычное» интервью. Самый главный критерий — удержание внимания и расположения ребенка-собеседника. Поэтому при подготовке гайда важно продумать разные ходы событий, быть готовым подстраиваться под способности каждого собеседника и менять приемы геймификации в процессе интервью.

Важно также правильно определить *место проведения интервью*. Во время интервью должна быть комфортная среда, стимулирующая равноправное общение [Ahern, Van Meter, Lamb, 2018]. Это может быть детская комната в доме, в группе (без воспитателей/учителей, но воспитатель/учитель может находиться рядом и слышать разговор), на детской площадке, на улице, в парке, в игровой комнате торгового центра и т. д. Маркетинговые компании приглашают детей в специальную комнату для фокус-групп и стараются оснастить ее яркими элементами, соответствующими детским интересам, чтобы расположить детей к комфортному разговору. Игрушки и предметы развивающей среды могут быть замечательным стимульным материалом для припоминания прошлого опыта и проигрывания его в интервью. Поэтому место и предметы, которые будут полезны для интервью, надо продумать заранее и договориться с родителями об использовании помещения (если интервью не на улице) и личных вещей ребенка.

Ведущим/интервьюером лучше брать человека близкого по возрасту к интервьюируемому. С. Н. Майорова-Щеглова рекомендует подбирать в качестве интервьюеров старших школьников, которые по возрасту не сильно отличаются от изучаемой группы [Щеглова, 2000]. Хороший опыт имеется и при подготовке студентов. Небольшой разрыв в возрасте создает более равноправные и доверительные отношения для получения искренней информации. Близкие по возрасту люди лучше знают и имеют применять особые возрастные диалекты — слова, характерные для определенного возраста.

Перед началом интервью необходимо получить *информированное согласие* от лица, несущего ответственность за ребенка. Если ребенок живет в семье, то это биологические или приемные родители. Если он живет вне семьи, то это другие люди, являющиеся его опекунами. Если интервью проводится в школе или в детском саду, то согласие должны давать родители и только они, а не воспитатели/учителя или директор школы. Это право и ответственность

родителей — дать согласие на проведение опроса с их ребенком. Но учреждение образования может при этом задавать общие правила и этику общения с детьми, а также контролировать соответствие тематики возрасту детей. В информированном согласии также важно указать форму записи собираемых материалов (аудио-, видео-) для анализа, и отдельно — правила публикации исходных материалов, если такая потребность есть. Согласие на анализ аудио-, видео-данных вовсе не дает согласие на их публикацию. При публикации видео-материалов важно согласовать форматы анонимизации ребенка. Формы информированного согласия есть в разных учебниках по исследованию детей [O'Reilly, Parker, 2014].

Если планируется интервью в цифровом формате, то его рекомендуется делать с детьми старше десяти лет и при более активном включении родителя на этапе подготовки. В этом случае важно продумать цифровой стимульный материал (видео и фото материалы, игровые моменты на разных платформах), который поможет удерживать внимание и активность ребенка.

Ситуация интервью. Во время знакомства и первичного обсуждения предстоящего разговора интервьюер оценивает словарный запас ребенка, его речевые навыки, обдумывает и принимает по ходу беседы решение о наиболее подходящей стратегии общения [Johnston, Benedan, Brubacher, Powell, 2021]. Интервьюер подстраивается под словарный запас ребенка, говоря относительно простыми словами, в случае с подростками — применяя слова, свойственные его поколению [Adler, Adler, 1998]. Подростковый язык — сленг — подвижный, быстро меняется, поэтому важно знать лингвистические особенности языка изучаемого поколения. Умение взаимодействовать с ребенком и расположить его к себе вызовет большее доверие у родителей. Вопросы должны быть короткими, максимально понятными: дети любят говорить динамичными короткими репликами, а не длинными предложениями. Этому способствует и коммуникативная культура социальных сетей.

Любой формат интервью в разной степени его геймифицированности должен иметь свой *ритм, тайминг* этапов и *переключение видов деятельности* на разных этапах. Например, интервьюер может начать с разговора. Потом, при смене темы, можно перейти на сюжет игры или применение проективных методик (например, что-то порисовать или придумать ассоциации, разложить карточки или собрать коллаж) [O'Reilly, Parker, 2014], а потом опять вернуться к разговору. Важно, чтобы ребенок не уставал заниматься одним видом деятельности — речевой практикой. Хороший результат получается, когда разговор предполагает не просто хладнокровную рефлексю (ее ребенок почти не способен дать), но эмоциональное сопровождение описываемого опыта, игру в описание характеристик разных героев, участвующих в фантазийных историях, телесное проигрывание опыта определенного героя в психодраме. Такое переключение с одного вида активности на другой помогает удерживать внимание и бодрость ребенка. Для более ранних возрастов важно предусмотреть этапы интервью, в которых дети могли бы двигаться согласно заданию или даже просто по своим интересам (небольшой перерыв в интервью) или перемещаться в процессе разговора (например, по детской площадке) или же

ответы на некоторые вопросы выражать языком тела. Для таких случаев важно заранее договориться с родителем об особенностях видео-записи.

Длительность. Интервью должно длиться не более часа с подростками, а при разговоре со старшими дошкольниками или младшими школьниками не более 40 минут, чтобы не утомить ребенка. Лучше делать несколько сеансов интервью в разные дни. К концу интервью интервьюер должен быть уверен, что ребенок находится в спокойном уравновешенном состоянии, не испытывает неконтролируемые эмоции по поводу обсуждаемой темы, отдельных сюжетов из его жизни или совместно проигранных историй [Morrow, Richards, 1996]. Хорошая практика после интервью пообщаться с родителем, параллельно наблюдая за поведением ребенка.

Вовлечение детей в разработку практических решений. В поле возможно использовать и стратегии action-research [Reason, Bradbury 2001], которые предполагают обсуждение с детьми каких-то практических выводов, и может быть даже рекомендаций [Митрофанова, 2016]. Например, в нашем интервью [Савинская, 2018] мы просили детей сказать, каких игр и активностей в детском саду не хватает и почему. Дети придумывали новые игры, которые мы потом обсуждали с воспитателями. Обсуждение возможных изменений в жизни ребенка повышает его агентность [James, 2009; Ерпылева, 2019] и самооценку и настраивает на позитивное, желательное развитие дальнейших событий в его жизни.

Таким образом, особенностями интервьюирования детей являются: глубокая проработка сценария интервью с учетом особенностей возраста; включение элементов геймификации и проективных методик в сценарий интервью; подбор места проведения интервью; отбор интервьюеров и более тщательный инструктаж; динамичное ведение интервью с переключением видов деятельности; гибкость ведения интервью в соответствии с индивидуальным и особенностями и развитием ребенка; контакт с родителем или другим ответственным лицом до или после интервью.

Литература

Ерпылева С. Рождаются ли дети социальными акторами? // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 54–61.

Колосова Е. А., Березина А. В. Чтение современных российских подростков в контексте цифровизации // Детская книга в цифровую эпоху. Томск: Томский государственный педагогический университет, 2022. С. 132–139. EDN: DFPAOJ

Митрофанова С. Ю. Реализация принципов участвующего подхода в современной социологии детства // Вектор науки ТГУ. 2016. № 2. С. 132–135. DOI: <https://doi.org/10.18323/2073-5073-2016-2-132-135> EDN: WBVWFN

Осорина М. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 6-ое изд. СПб: Питер, 2018.

Паскаль К., Бертрам Т. Прислушиваясь к маленьким гражданам: борьба за внедрение парадигмы участия в исследования раннего детства // Современное дошкольное образование: теория и практика. 2015. № 1. С. 69–78. EDN: VOHZLL

Савинская О. Б. Социальный порядок детского сада глазами детей: конструирование мира детства через интервью-игру // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 77–85. DOI: <https://doi.org/10.7868/S013216251803008X> EDN: YVQXSW

Савинская О. Б., Истомина А. Г. Пространственное конструирование социальной услуги для семей с детьми // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 4. С. 491–506. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-491-506> EDN: HOFVTE

Филипова А. Г., Бухтиярова И. Н. О смыслах, барьерах и практиках участия детей: размышления над седьмым разделом Национальной стратегии действий в интересах детей // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 1. С. 23–36. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-1-23-36> EDN: ARJMPA

Щеглова С. Н. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М.: ЮНПРЕСС, 2000. EDN: RXNBJL

Adler E. A., Adler E. Peer Power: Preadolescent Culture and Identity. New Brunswick: Rutgers University Press, 1998.

Ahern E. C., Van Meter F., Lamb M. E. A Macro-Coding Perspective: Interviewer support and Child Comfort in Investigative Interviews with Young Alleged Victims of Sexual Abuse // Children and Youth Services Review. 2018. № 95. P. 361–367. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chilcyouth.2018.11.013>

James A. Giving Voice to Children's Voices: Practices and Problems, Pitfalls and Potentials // American Anthropologist. 2007. Vol. 109. № 2. P. 261–272. DOI: <https://doi.org/10.1525/aa.2007.109.2.261>

James A. Agency // The Palgrave Handbook of Childhood Studies / Ed by J. Qvortrup, W. Corsaro, M. S. Honig. London: Palgrave MacMillan, 2009. P. 34–45.

Johnston V., Benedan L., Brubacher S., Powell M. The Roles of Child Temperament and Interviewer Support on Children Reports of Adult Wrongdoing // Personality and Individual Differences. 2021. Vol. 175. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110732>

Morrow V., Richards M. The Ethics of Social Research with Children: An Overview // Children and Society. 1996. Vol. 10. P. 90–105. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.10990860.1-996.tb00461.x>

O'Reilly M., Parker N. Doing Mental Health Research with Children and Adolescents. A Guide to Qualitative Methods. Thousand Oaks: Sage, 2014.

Reason P., Bradbury H. Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice. London: Sage, 2001.

Rollins P. R., McCabe A., Bliss L. Culturally Sensitive Assessment of Narrative Skills in Children // Seminars in Speech and Language. 2000. Vol. 21. № 3. P. 223–234. DOI: <https://doi.org/10.1055/s-2000-13196>

Rytel J. Disagreement in Preschoolers' Narrative Discourse // Psychology of Language and Communication. 2006. Vol. 10. № 1. P. 21–44.

Сведения об авторе:

Савинская Ольга Борисовна — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** osavinskaya@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 167791; **ORCID:** 0000-0003-3858-6644; **ResearcherID:** H-2949-2015.

Статья поступила в редакцию: 25.01.2023

Принята к публикации: 15.03.2023

INTER-Encyclopedia: Interviewing Children¹

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.5

Olga B. Savinskaya HSE University, Moscow, Russia
E-mail: osavinskaya@hse.ru

The article provides a brief overview on interview as a method for studying the opinions of children, their life experience, and emotional experiences. The analysis of the method is based on the principles of the new sociology of childhood: equal communication, agency of children, involvement in decision-making concerning the lives of children. A definition of methodological inclusion is given as a mechanism for adapting a method to the characteristics of a social group. The following aspects of the children' interviewing are identified and described: in-depth study of the interview script, taking into account the characteristics of age and the inclusion of elements of gamification and projective techniques in the interview script, selection of the best interview venue, selection of interviewers and more thorough briefing due to their age, dynamic interviewing with switching activities, flexibility in conducting interviews in accordance with the individual characteristics and development of the child, contact with a parent or other responsible person before and after the interview.

Keywords: new sociology of childhood; interviewing children; methodological inclusion; gamification; stimulus material and environment

References

Adler E. A., Adler E. (1998) *Peer Power: Preadolescent Culture and Identity*. New Brunswick: Rutgers University Press.

Ahern E. C., Van Meter F., Lamb M. E. (2018) A Macro-Coding Perspective: Interviewer Support and Child Comfort in Investigative Interviews with Young Alleged Victims of Sexual Abuse. *Children and Youth Services Review*. No. 95. P. 361–367. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2018.11.013>

Erpileva S. (2019) Rozhdayutsya li deti socialny' mi aktorami? [Are Children Born as Social Actors?]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. No. 42. P. 54–61. (In Russ.)

Filipova A. G., Buxtiyarova I. N. (2022) O smyslax, barerax i praktikax uchastiya detej: razmyshleniya nad sedmym razdelom Nacionalnoj strategii dejstvij v interesax detej [About the Meanings, Barriers and Practices of Child Participation: Reflections on the Seventh Section of the National Strategy for Children]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 20. No. 1. P. 23–36. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-1-23-36>

James A. (2009) Agency. In: J. Qvortrup, W. Corsaro, M. S. Honig (eds.) *The Palgrave Handbook of Childhood Studies*. London: Palgrave MacMillan. P. 34–45.

James A. (2007) Giving Voice to Children's Voices: Practices and Problems, Pitfalls and Potentials. *American Anthropologist*. Vol. 109. No. 2. P. 261–272. DOI: <https://doi.org/10.1525/aa.2007.109.2.261>

Johnston V., Benedan L., Brubacher S., Powell M. (2021) The Roles of Child Temperament and Interviewer Support on Children Reports of Adult Wrongdoing. *Personality and Individual Differences*. Vol. 175. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110732>

Kolosova E. A., Berezina A. V. (2022) Chtenie sovremennyx rossijskix podrostkov v kontekste cifrovizacii [Reading Modern Russian Teenagers in the Context of Digitalization]. *Detskaya kniga v cifrovuyu epoxu*. [Children Book in the Digital Age]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. P. 132–139. (In Russ.)

¹ The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

Mitrofanova S. Yu. (2016) Realizaciya principov uchastvuyushhego podxoda v sovremennoj sociologii detstva [Implementation of the Principles of Participatory Approach in Modern Sociology of Childhood]. *Vektor nauki TGU* [Science Vector of Togliatti State University]. No. 2. P. 132–135. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18323/2073-5073-2016-2-132-135>

Morrow V., Richards M. (1996) The Ethics of Social Research with Children: An Overview. *Children and Society*. Vol. 10. P. 90–105. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1099-0860.1996.tb00461.x>

O'Reilly M., Parker N. (2014) *Doing Mental Health Research with Children and Adolescents. A Guide to Qualitative Methods*. Thousand Oaks: Sage.

Osorina M. (2018) *Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslyx. 6-oe izd.* [The Secret World of Children in the Space of the World of Adults. 6th ed.]. Saint-Petersburg: Piter. (In Russ.)

Paskal K., Bertram T. (2015) Prislushivayas' k malen'kim grazhdanam: bor'ba za vnedrenie paradigmy` uchastiya v issledovaniya rannego detstva [Listening to Young Citizens: The Struggle to Make Real a Participatory Paradigm in Research with Young Children]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie: teoriya i praktika* [Preschool Education Today: Theory and Practice]. No. 1. P. 69–78. (In Russ.)

Reason P. Bradbury H. (2001) *Handbook of action research: Participative inquiry and practice*. London: Sage.

Rollins P.R., McCabe A., Bliss L. (2000) Culturally Sensitive Assessment of Narrative Skills in Children. *Seminars in Speech and Language*. Vol. 21. No. 3. P. 223–234. DOI: <https://doi.org/10.1055/s-2000-13196>

Rytel J. (2006) Disagreement in Preschoolers' Narrative Discourse. *Psychology of Language and Communication*. Vol. 10. No. 1. P. 21–44.

Savinskaya O. B. (2018) Socialnyj porjadok detskogo sada glazami detej: konstruirovaniye mira detstva cherez interv'y-u-igru [The Social Order of Kindergarten through the View of Children: Constructing World of Childhood via Interview-Game]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3. P. 77–85. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7868/S013216251803008X>

Savinskaya O. B., Istomina A. G. (2019) Prostranstvennoe konstruirovaniye social'noj usluzhi dlya semej s detmi [The Spatial Constructions Social Services for Families with Children]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 17. No. 4. P. 491–506. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-491-506>

Shheglova S. N. (2000) *Kak izuchat` detstvo? Sociologicheskie metody` issledovaniya sovremenny`x detej i sovremennogo detstva* [How to Study Childhood? Sociological Methods of Research of Modern Children and Modern Childhood]. Moscow: YNPRESS. (In Russ.)

Author bio:

Olga B. Savinskaya — Candidate of Sociology, Leading Researcher, International Laboratory for Social Integration Research, HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: osavinskaya@hse.ru. **RSCI Author ID:** 167791; **ORCID:** 0000-0003-3858-6644; **ResearcherID:** H-2949-2015.

Received: 25.01.2023

Accepted: 15.03.2023

Рецензии

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.6
EDN: YICYBJ

О Максе Вебере с пониманием

Ссылка для цитирования:

Малинкин А. Н. О Максе Вебере с пониманием // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 1. С. 104–118. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.6> EDN: YICYBJ

For citation:

Malinkin A. N. (2023) Understanding Max Weber. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 1. P. 104–118. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.6>

Малинкин Александр Николаевич

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

E-mail: lo_zio@bk.ru

Рецензия на книгу:

Ионин Л. Г. (2022) *Драма жизни Макса Вебера*. М.: РАНХиГС, Издательский дом «Дело», 384 с.

В рецензии на книгу известного российского социолога Л. Г. Ионина о Максе Вебере анализируется суть креативного, нестандартного подхода автора (Л. Г. Ионина) к пониманию героя своего «интеллектуального романа» в контексте его ставшей классической социологической доктрины. Соединяя различные пласты науковедческого и психобиографического подходов, рецензент вслед за автором «исторического романа» пытается найти ответ на вопрос, в чем же состояла истинная «драма жизни» Макса Вебера.

Ключевые слова: Макс Вебер; рационализация; расколдовывание мира; феномен; судьба; любовь; драма

Книга доктора философских наук, профессора Л. Г. Ионина «Драма жизни Макса Вебера» необычна. Причем в нескольких отношениях. Необычны ее жанр, тема и сам авторский подход к теме.

Начнем с жанра. Это не научное исследование, а скорее увлекательный и легко читаемый исторический роман. Но очевидно: чтобы написать такую книгу, автор должен был проделать большую научно-исследовательскую работу. Во-первых, речь идет об анализе источников информации о личной жизни Вебера — по большей части иноязычных биографических исследований, мемуаров, писем. Во-вторых, в книге рассматриваются основные идеи и понятия Вебера (главы 4 и 7) в их авторском понимании и истолковании.

Нельзя не отметить: Л. Г. Ионин настолько превосходно владеет материалом, что рассказывает о сложных, иногда запутанных вещах просто и ясно. Особенно важна седьмая глава, где автор — при явной симпатии к Макс Веберу и с высочайшей степенью деликатности по отношению к нему — показывает читателю: между ним и великим немцем пролегает целая эпоха, позволяющая ему дистанцированно-критически оценить мировоззренческие предпосылки веберовской теории о прогрессирующей рационализации и десакрализации («расколдовывании») мира [Ионин, 2022: 222–223]. При этом обе главы, четвёртая и седьмая, органично вписываются по своей стилистике в текстуальное целое.

Вообще-то читать Макса Вебера в оригинале и понимать трудно, переводить — и подавно. Но и в русском переводе, каким бы адекватным он ни был, Макс Вебер, извините, не подарок. Немецкий ученый обладал юридическим складом ума, писал витиевато и мудрено, выстраивая понятийно-терминологические системы и подсистемы. Все, что можно, старался тут же разложить по рационально-концептуальным полочкам, а что нельзя (пример — «харизма») — стремился поименовать, рационализировать, инвентаризировать. Выскажу предположение, что книга является плодом двадцатилетнего тяжелого труда: воздушное строение «Драмы...» имеет под собой солидный невидимый фундамент в виде четырехтомника «Хозяйство и общество», редактором перевода которого был Л. Г. Ионин.

Внимательный читатель обнаружит в книге несколько относительно независимых пластов литературной реальности, из взаимных соотношений которых автор хитро сплетает ткань своего повествования.

Во-первых, это подлинная реальность, или «историческая вещь в себе». Мы никогда не познаем ее такой, какой она была на самом деле. Только что (или 100 лет назад?) она была, переливаясь всеми красками бытия, — и вот ее нет. Главное, нет тех, кто тогда жил, все эти «краски» видел, чувствовал, размышлял о них. А если кто и есть, то удалось ли ему «остановить мгновение» в документальной форме, зафиксировав все? Вопрос риторический. Остается только верить, что под луной не бывает ничего нового, поэтому нам и позволительно судить о прошлом. Этот пласт реальности полноценно присутствует в книге — то угрюмо молчаливо, то весьма красноречиво. И это ее несомненное достоинство.

Во-вторых, это та часть первичной реальности, которую все-таки удалось зафиксировать документально, пусть отрывочно и приблизительно, случайно или избирательно. На этом уровне работает каждый историк, обращаясь к свидетельствам современников в воспоминаниях и мемуарах, к литературным памятникам, иногда к материальным артефактам. Л. Г. Ионин сделал, кажется, все, чтобы ярко высветить интересующий его фрагмент исторического бытия, ставший, как говорил М. М. Бахтин, «событием бытия» героев «Драмы...» и чтобы преподнести его читателю в интеллектуально проработанном виде. Единственный «упрек» — это отсутствие документальных фотографий героев и мест действия, описанных в книге. Впрочем, автор может рассматривать его как пожелание для второго издания книги. «Картинки», собранные вместе, а не разбросанные по интернету, помогли бы, наверно, молодым читателям осилить много букв в толстой книге.

В-третьих, слой литературной реальности, на котором автор также проявил себя как мастер, — это сравнительный и критический анализ вторичной литературы, то есть биографических источников. Здесь глубокое проникновение в тему, основанное на знании этих источников, идейной истории Германии и Запада в целом, позволило Л. Г. Ионину, насколько я могу судить, выработать собственную суверенную позицию, а также тонкую интуицию — способность отличать верное или искреннее мнение специалиста от политкорректного или мотивированного конъюнктурно, объективную экспертную оценку от предвзятой или тенденциозной, притом что и те и другие основываются на достоверных фактах. Здесь нет нужды приводить подтверждающие примеры — в книге их много.

В-четвертых, высший уровень литературной реальности приоткрывается там, где автор подводит читателя к размышлениям о человеческой судьбе. Он пишет: «В реальной жизни, говорит Вебер, эротическая общность не может быть создана и “легитимирована” (в совершенно неэтическом смысле) иначе как через таинственную *предназначенность* друг для друга — *судьбу* в высшем смысле слова» [Ионин, 2022: 269]. Так говорил Вебер. Но на этих его словах, глубоких и верных (впрочем, были и другие), Л. Г. Ионин строит высший, метаисторический уровень своих размышлений. В частности, когда пишет о «выборе смерти» Максом Вебером.

«Понятно, что “альтернативная история” — сомнительное занятие, но хочется порассуждать, что было бы, если бы Вебер в ситуации жизненного выбора выбрал бы Бонн. Было ли верным его взвешивание шансов и перспектив? С одной стороны, да, оно было совершенно верным. Позже он писал: Бонн “был бы для меня единственно правильным, я это знал”. Он это знал, но выбрал Мюнхен. В качестве альтернативы он мог бы получить раннюю старость, о которой его предупредили врачи, плодотворную работу и спокойную жизнь. Скорее всего, он прожил бы гораздо дольше. Старики ведь живут долго. Но он выбрал позднюю юность, а также риск — русскую рулетку в лице Эльзы Яффе. Можно сказать, что, делая выбор между поздней юностью и ранней старостью, он выбирал в конечном счете свою смерть» [Ионин, 2022: 285–286].

Здесь Л. Г. Ионин демонстрирует не только талант феноменолога, но и *профессиональную интеллектуальную смелость*, которой отличался всегда. Например, когда перевел и под прикрытием Г. В. Осипова опубликовал книгу «Новые направления в социологической теории» (1978). Ее написали молодые американские социологи, открывшие феноменологию для себя, а заодно — при активном содействии Л. Г. Ионина — и для многих советских социологов, в том числе для меня. Или когда написал книгу «Георг Зиммель как социолог» (1981). Однако речь идет не только о выборе тем, которые в брежневском СССР, мягко выражаясь, не очень приветствовались, но и о характере профессионального мышления вообще. Это умение называть вещи своими именами, писать то, о чем многие предпочитают не писать, причем так, что никто не придерется. Сейчас Л. Г. Ионин показал российскому читателю жизнь Макса Вебера с малоизвестной, местами неприглядной житейской изнанки, но так, что классик не лишился своего авторитетного лица.

Четвертый пласт реальности можно было бы назвать «метафизическим», если бы автор не ограничился (как подобает не только феноменологу, но также настоящему драматургу или трагику) показом конкретного реально-исторического *индивидуально-личностного феномена* — *изображением уникальной судьбы выдающегося ученого*, — а рискнул бы сам постулировать что-нибудь морально-философское. Но драма не басня. Достоверно и объективно изображенный *феномен* ценен и сам по себе, и тем, что провоцирует мыслить онтологически. Ибо подлинная феноменология всегда имеет онтологическую подоплеку.

Написал вот и подумал: а вдруг я с моим «предположением», высказанным выше, ломлюсь в открытую дверь? Может быть, Леонид Григорьевич когда-то объявлял о намерении написать книгу о Максе Вебере?

И точно! Стоило немного поискать в сети — и вот результат: интервью профессора Ионина от 25 сентября 2020 года. В конце беседы он сказал: «Приятно думать, что сделал что-то, что останется в истории. Русский Вебер — это то, что остается в истории. Это абсолютная классика, и я этому способствовал, и это приятно. У меня много других книг, но есть некие абсолютные вершины, и это очень важно. (...) Я стал легче писать. Как Вебер. Легкость и уверенность в том, что то, что я пишу — это хорошо. Я больше не боюсь писать. И я хочу написать книжку: идея в том, что в 1919 году он (Макс Вебер — А.М.) оказался в Мюнхене во время Баварской советской республики, и там же оказалась его дама, Эльза, и там все сошлось. В одном месте все важные для его биографии люди, и это был его последний год накануне смерти. Там сошлись такие силовые линии его жизни, что я бы очень хотел написать книгу о Вебере в 1919-м. Это же правда, что Гитлер работал в центральном комитете Баварской советской республики. Там многое сошлось»¹.

В этих важных словах еще нет продуманного замысла будущей книги: работа над ней привела профессора совсем к иному, чем «Макс Вебер в 1919 году».

¹ «Это абсолютная классика»: Леонид Ионин — о социологе Максе Вебере и о том, каково было переводить его главный труд // Научно-образовательный портал НИУ ВШЭ. 25.09.2020. URL: <https://iq.hse.ru/news/-401674782.html> (дата обращения: 03.10.2022).

Зато в них, в этих словах, чувствуется неодолимый творческий порыв, без которого не может получиться ни одна серьезная книга.

Но вернемся к вопросу о жанре. Если Л. Г. Ионин написал исторический роман, то по своей теме особенный. Речь идет о реальной истории жизни одного человека, описанной вместе с историями жизни родных и близких ему людей. И поскольку перед нами не человек с улицы, а мировая знаменитость, в этом романе не может быть места для вымысла и домысла. Они здесь недопустимы, их никто не простит. Авторскую фантазию ограничивают цепочки достоверно установленных фактов, а также весьма вероятных предположений, если не общепринятых, то разделяемых многими биографами. На протяжении всего изложения автор сохраняет уважительную дистанцию по отношению к действующим лицам «драмы», придерживается строго объективистского подхода к предмету, точности в описании фактической канвы событий.

И все же, несмотря на это, он находит свободное литературное пространство для высказывания предположений и догадок, для прямого выражения своего личного мнения и отношения, пусть и сдержанного, спокойного. Именно это — вкупе с прекрасным русским литературным языком («Я стал легче писать...») — делает книгу не сухо академичной, но живой и занимательной. В таком пространстве полет авторской фантазии, а стало быть и читательской, вполне допустим, и в нем всегда присутствует интрига. Она заставляет мысленно примеривать прочитанное на себя, может быть, с внутренним содроганием искать похожее в опыте собственной интимной жизни или близких людей, а может быть, с искренним недоумением и даже брезгливостью сказать: «Я, конечно, знал(а), что не боги горшки обжигают... Но... такого от Вебера я не ожидал(а)!».

Что это за пространство?

Это сфера сексуальности и эротики, любовной страсти, возбуждаемых ею ревности и зависти, симпатии и антипатии, любви и ненависти. В книге эта тема нашла глубокое отражение, ибо, как выяснилось, не только в нашей с Вами жизни, уважаемый читатель или уважаемая читательница, но и в жизни Макса Вебера половое влечение, вызванные им аффекты и чувства, побуждения и стремления, сыграли большую роль, в чем-то, может быть, определяющую. Здесь трудно отказаться от банальной констатации: ничто человеческое не чуждо и таким высокоинтеллектуальным людям, как Макс Вебер.

Да. Образ немецкого социологического «гуру» у многих изменится. У автора этих строк он уже изменился. В соответствии со стереотипом поп-социологии (термин Л. Г. Ионина), «проповедник рационализма в теории и этического идеала героической аскезы» был и по жизни воплощением этого идеала, то есть сухарем-ригористом. Оказывается, нет: «...Макс Вебер был живым, страдающим, мятущимся человеком и его жизнь определялась не только разумом, но и страстями» [Ионин, 2022: 4]. Чтобы дать понять, насколько широко и глубоко представлена сексуально-любовная тема в книге Л. Г. Ионина, пришлось бы ее пересказывать всю — от начала до конца. Но зачем лишать будущих читателей удовольствия от ее прочтения? Приведем лишь несколько фрагментов из «эпилога». В нем, как говорится, автор превзошел самого себя.

В соответствии с античным смыслом термина «эпилог», Ионин обращается к зрителю «с итоговым разъяснением содержания» и вносит самокритичные — заметим, весьма существенные, — коррективы в созданный им образ Макса Вебера.

Вот ключевые фрагменты эпилога:

«Когда автор перечитал свою книгу... он понял, что что-то не сходится в этом новом портрете героя. <...> Думаю, что его письма, свидетельствующие о безумной страсти к Эльзе, нельзя все-таки воспринимать как таковые без оговорок. Конечно, он испытывал страсть, но он также знал, что испытывает страсть, и знал, что такое страсть, был способен к рефлексии как мало кто другой и не мог потерять своего знания обо всем этом, не утрачивая собственной идентичности. <...> И отсюда все ее (страсти — А.М.) характерные признаки: *патологическая одержимость, идиосинкразия, патологическая нарушение чувства меры и всякой объективной справедливости*. Удивительно, но это есть буквально перечень характеристик Макса Вебера как автора любовных писем к Эльзе... <...> ...Любовная неадекватность Макса Вебера моментами кажется чрезмерной, особенно если учесть, что это не внезапная вспышка страсти, а долгий, десятилетиями длившийся роман. Разве он не видел и не понимал всю условность некоторых своих пылких признаний, упиваясь прелестями и любовной щедростью возлюбленной? Или он обманывал себя... или обманывал ее в страстных письмах?

Гадать об этом можно много... если не понять, что Вебер сам определил и описал природу страстной любви, образцом которой стала его собственная любовь. Мы цитировали это его определение уже не один раз, но повторю вновь: *“чем сублимированное эротические отношения, тем сильнее они особо изошренным образом обречены на brutальность”*. Они неизбежно воспринимаются как борьба, но не только и не столько из-за ревности или соперничества с кем-то третьим, *“сколько из-за глубоко скрытого, поскольку никогда не замечаемого самими участниками изнасилования души менее brutального партнера, как изошренное, симулирующее человечнейшую самоотдачу наслаждение самим собой в другом”*. Ревность и чувство соперничества по отношению к брату Альфреду были налицо в этой истории. Но главное не в ревности, а в том, что даже человечнейшая самоотдача в любой, *особенно* в этой любви означала изнасилование души менее brutального, а в нашем контексте еще и менее рационального партнера. Рационализм в принципе всегда brutален и отбрасывает, как правило, «нерелевантные», неverified тонкости душевной жизни и духа. Великий аналитик Макс Вебер рационально расчленил свою партнершу, наслаждаясь *“самим собой в другом”*, и его субмиссивное поведение в любви оказывалось лишь элементом симуляции *“человечнейшей самоотдачи”*. (...) Поэтому нужно говорить не о мазохизме Макса Вебера, как это делали и делают многие до сих пор, а об изошреннейшем садизме, состоящем в изнасиловании души менее brutального партнера путем *“симуляции” “человечнейшей самоотдачи”*, а также об осознании неизбежности этого внутреннего человеческого конфликта. Сам Вебер не употребляет термин *“садизм”*, он говорит *“brutальность”*» [Ионин, 2022: 358, 359–360, 361].

В чем смысл корректив, внесенных автором в «эпilogue»? Для всех, кто прочитал книгу до конца, ответ ясен: образ Макса Вебера в 1919 году получился очень похожим на образ романтического любовника. Таковым он видится по письмам к Эльзе Яффе, то есть по историческим документам, на которые Л.Г. Ионин только и мог опираться. Однако необходимо учитывать, с одной стороны, стилистику немецкого эпистолярного жанра конца XIX и начала XX веков, с другой — особенности немецкого национального характера.

В первом случае речь идет о велеречивом, возвышенном повествовании, которое в любовных посланиях причудливо сочетается с избыточностью выразительных средств: с неумеренной — на наш русский вкус (даже того времени) — восторженностью, слащавостью, умильностью, часто выражавшейся в применении уменьшительно-ласкательных суффиксов (пример — «мордочка», то есть Марианна Вебер). Так что, когда Макс Вебер обращается к Эльзе «любимая, любимая, любимая», «золотая», «прекрасная» и т. п., то для немца тех времен это совершенно нормально. Это не означает, что он, как «пятидесятилетний юноша», безумно, до потери самосознания влюбился в Эльзу. Нет — просто в начале XX века образованные немцы средних и высших слоев общества в любовных посланиях обычно так писали.

Что касается второго обстоятельства, то обращенные во внешний мир холодная черствость, жесткость, а нередко и жестокость немецкого характера (вспомним бескомпромиссную позицию Макса Вебера в битве с Руге и Кохом, о чем Л.Г. Ионин написал в книге не просто так), — это черты, типичные для тех, кто был воспитан в Германии того времени. И они часто соседствовали с мягкостью, теплотой, великодушием и сентиментальностью в отношениях внутри узкого круга близких людей.

Вообще, нравы первой трети XX века заслуживают отдельного разговора, и Л.Г. Ионин правильно делает, что вкратце рассказывает о них в разных местах, например, когда пишет о родителях и родственниках Макса Вебера, о взглядах на мораль Марианны, о milieu Асконы, о стиле жизни мюнхенской швабингской богемы, а также об экспериментаторе в области «свободной любви» наркомане Отто Гроссе («анархист, еретик психоанализа, сексуальный революционер, патентованный сумасшедший и харизматичный любовник!»).

Эти нравы содержали в себе немало того, что сегодня мы квалифицировали бы как ложь, ханжество, лицемерие, двуличие. Они впитывались с молоком матери и не считались чем-то предосудительным (разумеется, не вообще, а в отношении известных житейских аспектов). Их не замечали, поскольку их как бы и не было — они входили в естественный порядок вещей. В 1914 году Макс Шелер приоткрыл немцам лицемерную подоплеку нравов подданных Великобритании, воспитанных в традициях строгой англиканской морали. Но в начале XX века и образованные немцы, — а они тогда, как известно, во всем подражали англичанам, — не сильно от них отличались.

«В мире нет другой страны, кроме Англии, где эротическое чувство столь изощренно маскировалось бы под другие, неэротические отношения, — писал Шелер, — товарищеские, дружеские, родственные связи разного уровня, под разные формы служебных контактов, отношений учителя и ученика, под

невинную игру *boy* и *girl*, где оно так умело принимало бы защитный окрас этих отношений, причем не только для внешнего мира, но и для самих участников; где эта маска удерживалась бы дольше и с большей цепкостью, достигая с обеих сторон высших степеней эротической близости, и где в то же время именно этим маскарадом наслаждались бы еще как плюсом в дополнение к голой материи ощущений. В этой стране даже лучшие кокетки обязаны выглядеть, как фарфоровые ангелочки и куколки, чтобы стать предметом вожделения и получить оплату за свои услуги» [Шелер, 2022а: 49].

Эти черты проявлялись особенно ярко в отношениях между полами. Л. Г. Ионин упоминает, как Марианна Вебер описывает в мемуарах попытку изнасилования тогда еще совсем юной Елены, матери Макса Вебера [Ионин 2022: 46]. Ее предпринял друг дома литературовед Георг Гервинус, прославившийся благодаря своей пятитомной «Истории немецкой поэзии» (1835–1842). Попытка обесчестить девушку представлена в них как охватившее мужчину «необузданное пламя страсти». Что это, если не рафинированное лицемерие? Л. Г. Ионин совершенно справедливо отмечает, «что такое “возвышение” оказывается одновременно и “извинением” поступка, ибо тем самым вина и ответственность с человека снимаются и перекалдываются на судьбу, богов, другие необузданные и неодолимые силы и т. п. В упомянутом случае (когда возгорелось «пламя страсти») Гервинус, конечно, ни за что не ответил» [Ионин, 2022: 82].

Из протеста против подобных отвратительных явлений, но в первую очередь из борьбы за гражданские, политические, социальные и другие права выросло «женское движение» конца XIX — начала XX веков. (Марианна Вебер принимала в нем деятельное участие.) Оно сопровождалось первой волной «сексуальной революции». Последнюю стимулировали *эмансипационные* идеологии, выстроенные на идеях К. Маркса, Ф. Ницше, П. А. Кропоткина и, разумеется, З. Фрейда. В продолжение приведенной выше цитаты Макс Шелер писал: «Порой трудно удержаться от соблазна всерьез не стать последователем теорий господина Фрейда, — зная даже, насколько они ложны и абсурдны в отношении человеческой природы *in genere*, — и поверить в его учение о “символических действиях”» [Шелер, 2022а: 49].

Леонид Ионин не устоял перед фрейдистским скандалом (как некогда и М. Шелер). Он воспользовался понятийным аппаратом глубинно-психологической доктрины австрийского ученого и диагностировал у Макса Вебера «Эдипов комплекс». Отсюда — тема «отцеубийства» (глава 2). Поздний Фрейд, как известно, выдвинул дуалистическое глубинно-психологическое учение о двух основных влечениях в человеке — либидо и влечении к смерти: не только Эрос правит судьбами людей, но и Танатос. Осмелюсь предположить, что в теме «выбор смерти Максом Вебером» Л. Г. Ионин неявно опирается также и на эту доктрину З. Фрейда.

В самом деле, была ли случайной скорая смерть отца после ссоры с женой Еленой, сыном Максом и супругой сына Марианной? Была ли это просто судьба или это был злой рок — смертельное последствие семейного разрыва, в котором главную роль сыграл именно сын? Очень подозрительное стечение

обстоятельств... К тому же надо учесть, что Макс Вебер вырос «маминим сыном», а супруга стала ему фактически второй мамой (см. в книге фрагмент «Две матери Макса-младшего»). Попадание в ловушку фрейдизма кажется здесь совершенно неотвратимым. Что касается темы «выбора смерти», то и она — при всей нарочитости авторской формулировки — имеет под собой фактические основания в биографии Макса Вебера. И не только в его. Танатос, брат-близнец бога сна и сновидений Гипноса, видимо, тоже унаследовал способность гипнотически воздействовать на людей. Не случайно же попавшие под его власть, особенно мужчины, бессознательно летят к смерти, словно ночные мотыльки на свет...

Глубинная психология З. Фрейда — та часть его взглядов, которая многим кажется наиболее приемлемой. Несмотря на тысячекратно признанную «лженаучность», она вошла в культурное наследие человечества и стала частью обыденного сознания, как народное поверье. Почему?

Потому что не все, на чем стоит клеймо «лженаука», является чем-то заведомо плохим, а тем более ненужным человеку. Во-первых, не все вне-научное и ненаучное (в том числе «лженаучное») антинаучно; во-вторых, не все научное в подлинном смысле научно, поскольку бесконечный научный прогресс перманентно выбрасывает на свалку истории части «подлинно научного» знания, оказавшиеся на поверку не подлинно научными; в-третьих, научно-технический прогресс чем дальше, тем больше создает такие чудовищные иррациональные риски для жизни людей, которые и не снились прошлым эпохам; в-четвертых, не все научное нужно людям. Поэтому, например, искусство, миф, сказка, любовь — не наука, а нужны людям не меньше, чем наука. Если «лженаучная» объяснительная схема имеет практически признанный *modus operandi*, то и пусть «работает» — лишь бы не причиняла вред.

«...Претензии современной науки всеохватны, — справедливо отмечает Л.Г. Ионин. — Довольны мы или не довольны ее результатами, склонность к магической постановке вопросов, к магическим действиям, для современного человека как бы априори предполагает отказ от научного познания и эмпирической ориентации в организации действия. Термины “магический”, “ненаучный” носят оценочный характер. “Ненаучный” означает “неполноценный”, “необязательный”, “не внушающий доверия”, “стоящий на низшей ступени в иерархии форм познания”» [Ионин, 2005: 36].

Но кое-что выглядит парадоксально — и здесь мы возвращаемся к вопросу о необычности подхода к теме в книге профессора Л.Г. Ионина: учение З. Фрейда, — с теоретической точки зрения мифологически-магическое, а с практической, по сути, *колдовское*, — стало в ней методологическим средством интерпретации мотивов «социальных действий» основоположника рационалистической теории «социального действия» и концепции рационалистического «расколдовывания мира». Это обстоятельство может кого-то удивить и даже привести в замешательство. Но только не тех, кто ознакомился со статьей Л.Г. Ионина «Новая магическая эпоха», на которую он ссылается в книге. В частности, в статье говорится:

«Макс Вебер писал, что главной чертой эпохи модерна, когда человек освободился от магии и религиозных суеверий и обрел подлинную автономность в мире, стала именно принципиальная познаваемость мира, то есть потенциальная возможность объективно познать все, что угодно. Это, собственно, и означает “расколдовывание”. Но вопреки оптимистическому взгляду как Вебера, так и множества других мыслителей, наступила пора, как пишет Ю. Хабермас, “новой непросматриваемости” или “непрозрачности”. Непрозрачность — сравнительно нейтральный термин. На самом деле, представляется, можно говорить о новой “заколдованности”, о новой магической эпохе» [Ионин, 2005: 24]. «Усиление роли магического мировоззрения в современном мире побуждается множеством факторов. Прежде всего, к торжеству магии ведет сам неостановимый *прогресс науки и техники*. Станным образом тотальная сциентизация мира сплошь и рядом приводит к результатам, противоположным тем, что имеют в виду ее сторонники» [Ионин, 2005: 23–24].

Невольно возникает вопрос: может ли антисциентистский пафос и дипломатичный несциентистский подход Л. Г. Ионина к интерпретации мотивов создания Максом Вебером его сциентистски ориентированных рационалистических теорий подорвать научную значимость последних? Ответ: конечно, нет. Приверженцам всесилья (и засилья) строго научного знания не стоит опасаться. Нельзя недооценивать догматическую крепость мировоззренческих основ современной науки. Ну, а в социально-практическом и организационном отношении она давно превратилась в мощную секту — интернациональную по своей сути, глобально функционирующую, широко разветвленную и узко-специализированную по различным направлениям поиска. Своих «святых», «основоположников» она в обиду не даст. И, как секта, она хорошо защищена: аргументы *ad hominem* в науке не принимаются.

А в жизни или философии? Здесь «бабушка надвое сказала»: «...В жизни гораздо меньше “научности”, чем нам кажется или чем нам хотелось бы, и это означает, что наука вполне в состоянии сосуществовать с другими формами познания, с другими когнитивными стилями и мировоззрениями. Также, очевидно, она может сосуществовать и с магией» [Ионин, 2005: 37]. Теперь становится понятно, почему необычную книгу Л. Г. Ионина интересно читать. В ней есть что-то магическое! Ионинская интерпретация идей Вебера, сохраняющая их аутентичный (имманентный) смысл, волшебным образом поворачивает его в направлении, прямо противоположном тому, который догматически утвердился в западном, да и российском социологическом мейнстриме («поп-социологии»). Вы спросите: как это возможно? Читаем:

«Нужно еще раз повторить за Вебером: борьбу невозможно исключить из жизни общества, и это делает неактуальными доктрины, где современный Запад трактуется как абсолют, которому все остальные страны и регионы должны подражать и к которому покорно адаптироваться, — пишет он. — Поэтому превосходство современного Запада не абсолютно, оно *оспариваемо*, что *предполагается* самой концепцией Вебера. Поэтому она не может служить обоснованием современной геополитической ситуации в интересах Запада. Надо только отказаться при этом от так называемой теории модернизации,

которая предполагает модернизацию целиком, включая как экономику, так и политику (в том числе внешнюю), и от дискредитировавших себя концепций “демократического транзита”, ровно по которым восточноевропейские лимитрофы проследовали напрямиком из Варшавского блока в НАТО» [Ионин, 2022: 231].

Здесь не место для оценки содержательного смысла такой интерпретации (а как хотелось бы воскликнуть: «браво, маэстро!»). Приглядимся более внимательно к ее методу. Объясняя с позиций «новой магической эпохи» идею рационализации Вебера как «идеологию модерна», Л. Г. Ионин демонстрирует поистине «чудесную особенность социологического мышления» [Малинкин, 2022]. Такой тип истолкования «духовных образований» (идей) исторического прошлого К. Мангейм называл «социологическим квазиобъяснением», то есть истолкованием под видом объяснения [Мангейм, 2022: 700–701].

Л. Г. Ионин видит в М. Вебере с его «идеей западного рационализма» одного из «основоположников идеологии модерна» (наряду с К. Марксом, Ф. Ницше и З. Фрейдом) [Ионин, 2022: 229]. «Сверхидею» М. Вебера — идею прогрессирующей тотальной рационализации — он интерпретирует следующим образом: «Вебер пишет: “Люди знают или верят”. Это значит, что расколдовывание основано на вере, на которой, собственно, основана и магия, являющаяся главной мишенью для расколдовывателей» [Ионин, 2022: 223].

В терминологии К. Мангейма это означает: Л. Г. Ионин «функционализирует» смысловое содержание идей Вебера с исторически дистанцированной — и за счет этого *отстраненной и отвнещенной* — социально-бытийной позиции начала XXI века. Она позволяет в идеях Вебера усмотреть не только их имманентный (аутентичный) смысл — то единственное, что могли в них видеть сам Вебер и его современники в начале XX века, — но и их «смысловые бытийные предпосылки». Поэтому она позволяет включить идеи столетней давности в более широкую смысловую взаимосвязь, соответствующую актуально переживаемому культурно-историческому контексту.

В таких синтезах рождаются новые социологические концепции и теории (в данном случае — концепция «*новой магической эпохи*»). Смысл последних поначалу доступен только рассмотрению изнутри, то есть сначала их понимают и истолковывают исключительно имманентно. Но изменившееся по прошествии времени культурно-историческое бытие создаст дистанцию, необходимую для того, чтобы будущие наблюдатели могли рассматривать их также извне. Это сделает возможными новые «функционализации» их смысла, которые позволят увидеть их ранее не просматривавшиеся предпосылки и расценить как «идеологии» благодаря включению в новый культурно-исторический контекст. Так (по гипотезе К. Мангейма) социологическое мышление исторически обновляется через «социологию социологии», хотя и не всегда отдает себе в этом отчет.

Но вернемся к рецензируемой книге, резюмируем сказанное и выскажем предположение.

Создание Вебером идеала «героической аскезы» было мотивировано не столько лицемерием, сколько стремлением честолюбивого ученого

возродить героически-ригористический, рационалистический, нормативистский этос мировоззрений Канта, Фихте, Гегеля, взгляды которых он воспринял через наиболее влиятельную в то время университетскую философию неокантианства. Л. Г. Ионин убедительно показал в своей книге, что Макс Вебер жил не аскетично: умел ценить приятные ощущения и чувственные удовольствия не меньше, чем свои интеллектуальные достижения и духовные радости. Но если в личной жизни он не практиковал «героическую аскезу», это еще не значит, что она как идея сама по себе ничего не стоит и за ней ничего не стоит.

В чем же, собственно говоря, заключалась *подлинная* драма жизни Макса Вебера?

Автор книги как бы говорит нам: да, будучи натурой эгоцентричной, деятельной и страстной, Вебер был воспитан матерью, имевшей французские гугенотские корни, в строгих традициях протестантской морали. Вероятно, такое сочетание пламени и льда и привело к тому, что молодой Вебер изнурял себя сексуальным напряжением так, что в конце концов с ним случилась «страшная болезнь», которая выбила его на несколько лет из колеи блестяще начавшейся академической карьеры и стала глубинной причиной многих проблем его жизни. Она определила его судьбу. Он не мог преподавать и вообще работать, стал почти овощем... Казалось, трагическая развязка уже близка, но «этот колосс» (по выражению преданной супруги Марианны) сумел подняться с колен и восстановиться. Да еще как: поочередно у него появились две любовницы («при живой-то жене!» — сказали бы в СССР), он упорно трудился и добавил к ранее написанной «Протестантской этике...» то, что потом назовут его *opus magnum* — «Хозяйство и общество». Кто еще способен на такое?

Наверно, из этой поучительной феноменологической *экземплификации* каждый извлечет для себя свой урок.

На вопрос, поставленный выше, я отвечаю так: истоки подлинной драмы жизни Макса Вебера следует искать в его борьбе с собственной натурой, в перманентных попытках рационально-волевыми усилиями уничтожить «зло» — извне преодолеть своих внутренних «демонов», подавить, изгнать их, одержать героическую победу и установить над ними полный контроль. Макс Вебер был до мозга костей человеком западноевропейской культуры и западной цивилизации эпохи модерна: перед нами типичный *фаустовский тип личности*. Пусть лишь декларативно, как призыв или воззвание, однако посредством буквы и духа своих трудов он-таки перенес в XX век героически-ригористический, рационалистический и нормативистский этос мировоззрений Канта, Фихте, Гегеля.

Его личный «героизм» проявился в том, что, потерпев в 1898–1902 годах тяжелое поражение в борьбе с «демонами» своей природы, он нашел в себе силы вернуться к жизни и творчеству, добился успеха у женщин и достиг вершин в социально-научном познании. Казалось бы, драма пришла к финалу. Но нет: судя по всему, Макс Вебер не пережил достаточно глубокой личностной метаморфозы, которая могла бы изменить его психосоматику;

поскольку собственная внутренняя природа по-прежнему воспринималась им как объект для установления рационально-волевого господства, постольку драма потихоньку продолжилась. Наверное, ему надо было постоянно доказывать себе (и близким) свою силу как мужчины и подтверждать свои способности как выдающегося ученого.

На основании книги Л.Г. Ионина можно с большой вероятностью предположить, что в конце 1918 года Макс Вебер интуитивно чувствовал, что, предпочитая Мюнхен, он делает экзистенциальный выбор, который способен превратить его судьбу в злой рок. Если на самом деле это было так, значит, он не внял предостережению, посланному инстинктом самосохранения. Был ли выбор Мюнхена подсознательным влечением к смерти (по З. Фрейду)? Может быть. «...Любовь как первоначальная сила образования всех соединений (в пространстве) и всякого размножения (во времени) создает предпосылку “жертвы”, которая суть и боль, и смерть» [Шелер, 2022б: 61].

Итак, драма жизни Макса Вебера заключалась в том, что ему как высокоморальной духовной личности не удалось достичь внутренней гармонии со своей страстной и неумемной натурой. *Он боролся с ней, как герой, но был побежден.*

Литература

Ионин Л. Г. Новая магическая эпоха // Логос. 2005. Т. 47. № 2. С. 156–173. EDN: [XHKETV](#)

Ионин Л. Г. Драма жизни Макса Вебера. М.: Издательский дом «Дело», 2022.

Малинкин А. Н. Чудесная особенность социологического мышления. (Об основаниях типологии интерпретаций Карла Мангейма) // Звучащие смыслы: диалог с миром. Культурологический альманах / Под ред. С. Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 673–693.

Мангейм К. Идеологическая и социологическая интерпретации духовных образований // Звучащие смыслы: диалог с миром. Культурологический альманах / Под ред. С. Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 694–719.

Шелер М. (а) К психологии английского этоса и лицемерия / Пер. с нем. А. Н. Малинкина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

Шелер М. (б) К феномену трагического. О смысле страдания / Пер. с нем. А. Н. Малинкина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

Сведения об авторе:

Малинкин Александр Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: lo_zio@bk.ru. РИНЦ Author ID: [77188](#).

Статья поступила в редакцию: 22.12.2022

Принята к публикации: 15.03.2023

Understanding Max Weber

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.6

Book Review:

Ionin L. G. (2022) *The Drama of Max Weber's Life*. Moscow: RANEPА, Publishing House "Delo", 384 p.

Alexander N. Malinkin

Institute of Sociology of FCTAS RAS

E-mail: lo_zio@bk.ru

The book of the famous Russian sociologist L. G. Ionin about Max Weber attracts attention with its unusualness. The review describes various facets of its unusual genre, highlights and examines the levels of the author's consideration of his subject — the personality of an outstanding Western sociologist. It is concluded that the author applied the Freudian methodology to explain the twists and turns in the fate of M. Weber, since they are closely related to the intimate side of his life. The creative approach of L. G. Ionin to understand the hero of his "intellectual novel" in the context of his classic sociological doctrine is analyzed. In conclusion, the reviewer dares to make his own assumptions about what Max Weber's "drama of life" consisted of.

Keywords: Max Weber; rationalization; disenchantment of the world; phenomenon; fate; love; drama

References

Ionin L. G. (2005) Novaya magicheskaya epokha [New Magical Era]. *Logos*. Vol. 47. No. 2. P. 156–173. (In Russ.)

Ionin L. G. (2022) *Drama zhizni Maksа Veberа* [The Drama of Max Weber's Life]. Moscow: RANEPА, Publishing House "Delo". (In Russ.)

Malinkin A. N. (2022) Chudesnaya osobennost' sociologicheskogo my'shleniya. (Ob osnovaniyax tipologii interpretacij Karla Mangejma) [A Wonderful Feature of Sociological Thinking. (On the Foundations of the Typology of Karl Mannheim's Interpretations)]. *Zvuchashchiye smysly: dialog s mirom. Kul'turologicheskiy al'manakh* [Sounding Meanings: Dialogue with the World. Culturological Almanac]. Moscow; Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. P. 673–693. (In Russ.)

Mannheim K. (2022) Ideologicheskaya i sociologicheskaya interpretacii duxovny'x obrazovanij [Ideological and Sociological Interpretation of Spiritual Formations]. *Zvuchashchiye smysly: dialog s mirom. Kul'turologicheskiy al'manakh* [Sounding Meanings: Dialogue with the World. Culturological Almanac]. Transl. from Germ. by A. N. Malinkin. Moscow; Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. P. 694–719. (In Russ.)

Scheler M. (2022a) *K psikhologii angliyskogo etosa i litsemeriya* [On the Psychology of English Ethos and Cant]. Transl. from Germ. by A. N. Malinkin. Moscow; Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. (In Russ.)

Scheler M. (2022b) *K fenomenu tragicheskogo. O smysle stradaniya* [To the Phenomenon of Tragic. On the Meaning of Suffering.]. Transl. from Germ. by A. N. Malinkin. Moscow; Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. (In Russ.)

Author bio:

Alexander N. Malinkin — Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** lo_zio@bk.ru. **RSCI Author ID:** [77188](#).

Received: 22.12.2022

Accepted: 15.03.2023

Обзоры конференций

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.7
EDN: SSSTWU

Молодежь между прошлым и будущим

Ссылка для цитирования:

Демиденко С. Ю. Молодежь между прошлым и будущим // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 1. С. 119–126. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.7> EDN: SSSTWU

For citation:

Demidenko S. Yu. (2023) Youth Between the Past and the Future. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 1. P. 119–126. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.7>

Демиденко Светлана Юрьевна

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

E-mail: demidsu@yandex.ru

В обзоре конференции Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ демонстрируется возросшая актуальность молодежных исследований в контексте межпоколенных трансфертов в условиях современной России. Особое внимание было уделено обсуждению следующих вопросов: как молодежь осмысливает реальность, как формируется ее идентичность; каковы новые формы молодежной активности и специфические стили жизни. Центральной темой стала проблематика патриотизма: отношение к государству, доверие к властным институтам, молодежная миграция, а также трудовая занятость. Представлена разнообразная палитра исследований с использованием преимущественно качественной методологии.

Ключевые слова: молодежь; поколения; будущее; патриотизм; качественные исследования; социология молодежи

Очередная международная конференция, организованная Центром молодежных исследований (ЦМИ НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург), состоялась 28–29 октября 2022 года в Санкт-Петербурге. Тема научной встречи «Молодежь между прошлым и будущим: транзиции, поколения, вовлеченности» звучит особенно актуально в непростых современных условиях, когда

молодежь встречается с новыми вызовами. Центр проводит подобные конференции раз в два года, обсуждая наиболее актуальные исследовательские проблемы в данной области. Информация о двух предыдущих конференциях была в свое время представлена в обзорах, опубликованных в журнале «Социологические исследования» [Епанова, 2020; Майборода, 2018]. После долгого перерыва, связанного с пандемийными ограничениями, исследователи из разных городов России, а также зарубежных стран, занимающиеся молодежной проблематикой, вновь собрались обсудить вопросы, связанные с ролью молодежи в современном мире. Через поколенческую оптику рассматривалось, что переживает молодежь, как осмысливает реальность, как формируется ее идентичность, анализировались новые активности и практики, молодежные стили жизни. Не менее актуальными оказались вопросы патриотизма, отношения к государству, доверия к властным институтам, молодежной миграции, а также трудовой занятости. Было представлено 80 докладов участников из 30 крупных вузов, исследовательских центров и академических институтов.

Открыла конференцию директор НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге **А. Ю. Тыщечкая**, которая подчеркнула важность обсуждения заявленных вопросов, особенно в контексте смены поколений.

В пленарном докладе директора ЦМИ **Е. Л. Омельченко** (НИУ ВШЭ, СПб.) «Безответная любовь? Молодежь, родина и государство» были представлены первые результаты исследования жизненных стратегий талантливой молодежи в Северо-Западном регионе РФ (проект РНФ). Основные исследовательские вопросы касались механизмов принятия решений молодежью нестоличных регионов: можно ли сформировать у молодых желание остаться в «домашнем» регионе в условиях расширяющейся идентичности («гражданство за пределами границ», «гражданство планеты» и т. п.)? Показано новое прочтение молодежного патриотизма в его противоречии между чувством долга и любовью к родине; стремлением уехать и привязанностью к локальности. Патриотизм в интерпретации молодежи не связывается с пожизненной лояльностью и физическим присутствием в границах своей Родины. Вместе с тем была зафиксирована сильная эмоциональная привязанность молодежи к своей территории жизни и образования, невзирая на процессы глобализации и распространение космополитических идентичностей. Эти данные по-новому прозвучали в условиях развертывания военных действий и противостояния России со странами Запада. То, как девушки и юноши реагируют на происходящие изменения, каковы их представления о своей принадлежности, субъектности, идентичности, значимо как в теоретическом, так и в практическом смысле. Это своего рода свидетельство времени.

Тему миграционных планов молодежи и их реализации продолжила **Л. Ф. Борусяк** (МГПУ, Москва). На пленарном заседании второго дня она представила доклад «Молодые образованные россияне: как они участвуют в новой волне эмиграции». Были озвучены предварительные результаты исследования, проведенного в мае 2022 года: онлайн-интервью с уехавшими

из России в разные страны и онлайн-опроса оставшихся в стране. Объект изучения — россияне до 35 лет с высшим образованием, в основном окончившие топ-вузы столичных городов. Доклад вызвал оживленную дискуссию, особенно среди молодых исследователей и студентов. В ходе дискуссии обсуждались размеры двух эмиграционных волн (весна и осень 2022 года), которые сложно численно определить из-за многократности пересечения границ; география; миграционные намерения, причины отъезда и его последствия. Результаты сравнивались с исследованием 2018 года, когда опрашивались молодые интеллектуалы, живущие вне России.

Д. В. Громов (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва) в пленарном докладе «Что не так с движением АУЕ» актуализировал вопросы формирования моральной паники. В своем выступлении он отметил, что хотя «мы живем в обществе снижения преступности, обществу почему-то интересно акцентировать внимание именно на преступности». Его исследование подтвердило, что феномен АУЕ¹ — это скорее результат моральной паники вокруг него, а сама история движения имеет фантомный характер. Автор выявил произвольный характер отнесения средствами массовой информации к АУЕ различных событий, в том числе и деятельности интернет-сообществ, связанных с околोकриминальной тематикой. Подробнее с исследованием Д. В. Громова можно ознакомиться в его новой книге «АУЕ. Криминализация молодежи и моральная паника» (2022).

А. Попов (Aston University, Birmingham) в пленарном докладе «Ресоциализация прошлого молодежью и межпоколенческое производство памяти» на основе анализа трех кейсов в Грузии, России и Великобритании предпринял попытку осмыслить, как политические дискурсы прошлого проявляют себя через морально-этические установки в настоящем, определяя мульти-модальность и мультитемпоральность интерпретации событий прошлого. Он продемонстрировал, что производство памяти — это двунаправленный процесс, а не односторонняя трансмиссия мнемонической традиции от старших к младшим.

Работа конференции продолжилась на 20 тематических секциях. Выделим некоторые выступления и темы. На секции «Молодежь и политика» (модератор Н. А. Нартова) были представлены доклады политологов из НИУ ВШЭ (Москва) **В. А. Касамары** «“Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан”»: можно ли воспитать патриота и что об этом думает молодежь?» и **А. А. Сорокиной** «Политические взгляды российских школьников: типичный портрет “поколения Путина”». Оба доклада представили результаты очного анкетирования школьников 15–19 лет из 15 регионов РФ (ноябрь 2020 — апрель 2021, $N = 2619$). Первый был дополнен анализом телефонного опроса взрослого населения РФ (12–23 февраля 2022) и результатами восьми фокус-групп с молодежью (май — сентябрь 2022 г.). Второй — 258 интервью со школьниками. В. А. Касамара указала на поколенческие особенности

¹ Актуальное экстремистское молодежное движение, основывается на криминальной субкультуре и воровских понятиях. В настоящее время его деятельность запрещена на территории РФ. URL: https://cyberleninka.ru/viewer_images/19308456/f/1.png (дата обращения: 02.02.2023).

патриотизма, его многоликость проявлений в молодежной среде, а также поставила вопросы о возможных путях воспитания патриота. По ее мнению, широкий взгляд на патриотизм находит отклик у разных аудиторий, включая молодежную. Однако низкий уровень доверия государственным институтам, неукорененность практик реализации «повседневного патриотизма», рост индивидуализма и «пафос самореализации» вкупе с нежеланием действовать по указанию государства препятствуют его формированию. А. А. Сорокина выделила три группы: «отличники-пессимисты», «хорошисты-активисты» и «двоечники-пофигисты», — которые демонстрируют разный уровень гражданского участия и по-разному относятся к происходящему в стране. Она предположила, что политика повышения уровня гражданской компетентности школьников должна учитывать особенности этих типологических групп.

А. Ю. Сунгуров (НИУ ВШЭ, СПб.) подробно остановился на такой форме молодежной активности в Санкт-Петербурге, как студенческие советы. Докладчик подчеркнул, что острая чувствительность молодежи к имитациям активности и к фальши может снижать успешность реализации молодежной политики на низовом уровне, если подобная практика проводится неопытными, преимущественно молодыми сотрудниками.

Важные аспекты взросления в современном мире рассматривались на секции «Поколение и взросление» (модератор Е. Л. Омельченко). **А. С. Андреева** (НИУ ВШЭ, СПб.) показала неоднородность, дифференциацию транзитий во взрослость, связанную с разным образовательным и семейным статусом, а также с гендерной принадлежностью. На данных интервью она продемонстрировала представления молодежи в трех измерениях взрослости: ответственность, свобода и забота. **Д. С. Петрунина** (НИУ ВШЭ, СПб.) попыталась показать особенности выстраивания жизненных путей современной молодежью в сравнении с родителями. Доклад **Н. А. Нартовой** (НИУ ВШЭ, СПб.) «Жизнь (без) завтра? Индивидуальное и поколенческое будущее в нарративах молодежи» выстроен на основе результатов структурированных лейтмотивных интервью с молодежью 18–25 лет (СПб., $N = 10$ в 2020 году и $N = 17$ в 2022 году). Она подчеркнула, что поколение 20-летних формировалось как «нормальное» глобальное молодое поколение. Однако социальные трансформации 2022 года значительно повлияли на этот процесс, обозначив гетерогенность поколенческих нарративов, противоречивость агентной позиции и представлений о будущем. В условиях неопределенности меняются подходы молодежи к планированию жизни, оно становится краткосрочным. Остаются открытыми вопросы о том, какие структурные механизмы и каким образом будут влиять на их планы, а также — как будет реализовываться агентность молодежи. Поколение продолжает формироваться под воздействием новых условий, создается свой язык описания реальности. **М. В. Тюркин** (НИУ ВШЭ, СПб.) представил поколения 1945 года и 1968 года в Германии как коммуникативный феномен, выделяя основные каналы коммуникации: в первом случае газету “STÜRMER”, во втором — журнал “KONKRET”.

На секции «Молодежь и гендер» (модератор Ю. В. Епанова) обсуждались карьерные траектории женщин-профессионалов в сфере естественных наук и женщин с IT-образованием. **Н. Лебедева** (КФУ, Казань) на основе интервью с женщинами, работающими в областях STEM, показала, какие стереотипы существуют в данной области и как их приходится преодолевать, доказывая свою компетентность другим сотрудницам. Важный вопрос поставлен в докладе **А. В. Швецовой** (УрГПУ, Екатеринбург): есть ли шанс у многодетного материнства стать трендом? Тема семьи и родительства продолжилась и на отдельной секции (модератор Н. Чернышева), где осмысливались новые роли молодых родителей (**М. А. Голева** (ПСТГУ, Москва), **И. А. Симонова** (УрГПУ, Екатеринбург), **С. В. Радченко** (ОГУ, Орел)); сравнивалось поведение религиозных и нерелигиозных семей (**Н. А. Любинарская**, ПСТГУ, Москва).

Тематика исторической памяти становится все более актуальной в последние годы. На данной секции (модератор И. В. Лисовская) обсуждались вопросы формирования исторической памяти молодежи. **А. Н. Кравцова** (НИУ ВШЭ, СПб) обратилась к теме восприятия молодежью российских музеев памяти, а **Д. Д. Хохлова** (НИУ ВШЭ, Москва) дополнила эту тему размышлениями о формировании ностальгических настроений и о постпамяти на примере музеев советского детства.

Также поднимались вопросы медиапредпочтений молодых, влияния Интернета на образ жизни подростков, конструирование идентичности российской молодежи в социальных сетях. **Е. Михайлова** из ВЦИОМа представила результаты исследования ценностных установок молодежи России. Обсуждались представления молодых о настоящем и будущем страны в контексте эмиграционной активности (**Н. В. Муращенкова**, НИУ ВШЭ, Москва).

Традиционна для ЦМИ тема молодежной (суб)культуры (модератор А. Р. Гарифзянова). Интерес аудитории вызвал доклад **А. И. Ефимовой** (МГПУ, Москва) о российских «К-попперах». Большое внимание уделялось идентичности городской молодежи. На разных секциях были представлены доклады об образе города и идеального места для молодых; о креативных пространствах; взаимодействии молодежи с муниципалитетами; идентификации с городом и др.

Трудовая занятость и положение молодежи на рынке труда по-прежнему остаются в фокусе внимания исследователей. **Ю. В. Епанова** и **Я. Н. Крупец** (НИУ ВШЭ, СПб.) представили результаты изучения молодых крафтовых предпринимателей, обозначив основные барьеры и трудности ведения подобного малого бизнеса, такие как ограниченность капитала и ресурсов, проблемы с арендой и взаимоотношения с арендодателями и пр. Несмотря на это, активная молодежь, пользуясь «тактикой слабых», в условиях ковидных ограничений пыталась развивать свое дело, надеясь прежде всего на собственные силы и помощь сообщества. Рассматривались также аспекты взаимодействия крафтовых предпринимателей с государственными структурами. **А. А. Владимирская** (НИУ ВШЭ, Москва) на данных RLMS-HSE продемонстрировала, как некогнитивные характеристики влияют на вероятность безработицы на раннем этапе карьеры. Так, добросовестность и открытость снижают ее,

а невротизм — увеличивает. Значимое влияние на вероятность безработицы среди молодежи оказывают и социально-экономические характеристики — материальное положение, регион проживания и уровень образования. **Г. Ф. Габдрахманова** (АН РТ, Казань) рассказала о конструировании профессиональной идентичности рабочей молодежи на Worldskills Russia в Казани. Методом наблюдения за участниками соревнования и дискурс-анализом текстов о церемониях открытия и закрытия были зафиксированы и проанализированы смыслы и средства презентации образа рабочей молодежи, которые использовали организаторы мероприятия. Обсуждались и вопросы незанятости молодежи. Так, **С. Ю. Демиденко** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) представила доклад о проблеме активизации человеческого капитала NEET-молодежи.

Ю. В. Андреева (УлГУ, Ульяновск) на основе глубинных интервью с наемными работниками коммерческого сектора показала стремление молодых к устойчивости своей трудовой занятости, что ранее было менее заметно в этой возрастной группе. В фокусе внимания **Н. В. Гончаровой** (УлГУ, Ульяновск) — специфика реализации в период пандемии модели «социально ответственного гражданина» на примере молодых работников бюджетных организаций и госслужащих. **Е. Л. Лукьянова** (УлГУ, Ульяновск) на материалах фокус-групп рассмотрела реакцию студентов на события, связанные с пандемией. Она оказалась индифферентной. Дистанционное образование рассматривается в виде своеобразного буфера, смягчившего стресс от пандемии для поколения, выросшего в социальных сетях.

Конференция по молодежной тематике не может обойти стороной вопросы реализации молодежной политики. На специальной секции (модератор И. В. Лисовская) обсуждались проблемы взаимодействия молодых россиян с органами государственной власти при реализации молодежной политики. Были представлены три доклада (**Л. А. Шапиро**, **О. А. Бориско**, **Н. Т. Русия**, все КубГУ, Краснодар) на основе исследования в Краснодарском крае, где анализировались реализация молодежной политики и оценки ее молодежью и активистами. Отмечалась проблема рассогласования мнений молодежи и специалистов.

Отметим, что традиционно на конференции ЦМИ больше внимания уделяется молодым исследователям, которые активно включаются в исследовательские проекты и представляют результаты своих первых проектов. Были сделаны доклады, связанные с тематикой молодежного активизма, ценностями и идентичностью. Особенно подчеркнем результативность проекта «Зеркальных лабораторий» ЦМИ. Например, совместно с КФУ изучается социальное включение молодежи в условиях образовательной миграции на примере Санкт-Петербурга и Казани. На секции «Молодежь и образовательная миграция» (модератор Е. Л. Омельченко) были представлены результаты данного проекта.

Работали онлайн-секции, где обсуждались проблемы молодежи в глобальной перспективе (модератор Я. Н. Крупец) и за пределами России (модератор А. Н. Кравцова). Представлены доклады из постсоветских стран: **А. М. Мамаюсупова** (Дипломатическая Академия МИД Кыргызской Республики, Бишкек),

References

Epanova Yu.V. (2020) Sovremennaya molodezh: mnozhestvennost i razlichie [Youth Today: Multiplicity and Difference]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3. P. 151–153. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008786-7>

Majboroda A.V. (2018) Gorodskie molodezhnye kultury: solidarnosti, kreativnost, aktivizm [Urban Youth Cultures: Solidarities, Creativity, Activism]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5. P. 160–162. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518050161>

Author bio:

Svetlana Yu. Demidenko — Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Executive Secretary, the journal “Sociological Studies”; Senior Lecturer, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia. **E-mail:** demidsu@yandex.ru.
RSCI Author ID: [880809](https://orcid.org/0009-0001-8808-0909).

Received: 15.01.2023

Accepted: 15.03.2023

Интеракция. Интервью. Интерпретация

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(ЭЛ № ФС 77-73688 от 14 сентября 2018 г.)

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Ответственный секретарь:

Павел Евгеньевич Сушко

Технический редактор:

Ольга Николаевна Салангина

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» включен в базу РИНЦ и перечень ВАК.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

2023. Том 15. № 1. Дата выхода в свет 30.03.2023.

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
Тел.: +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, korp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com